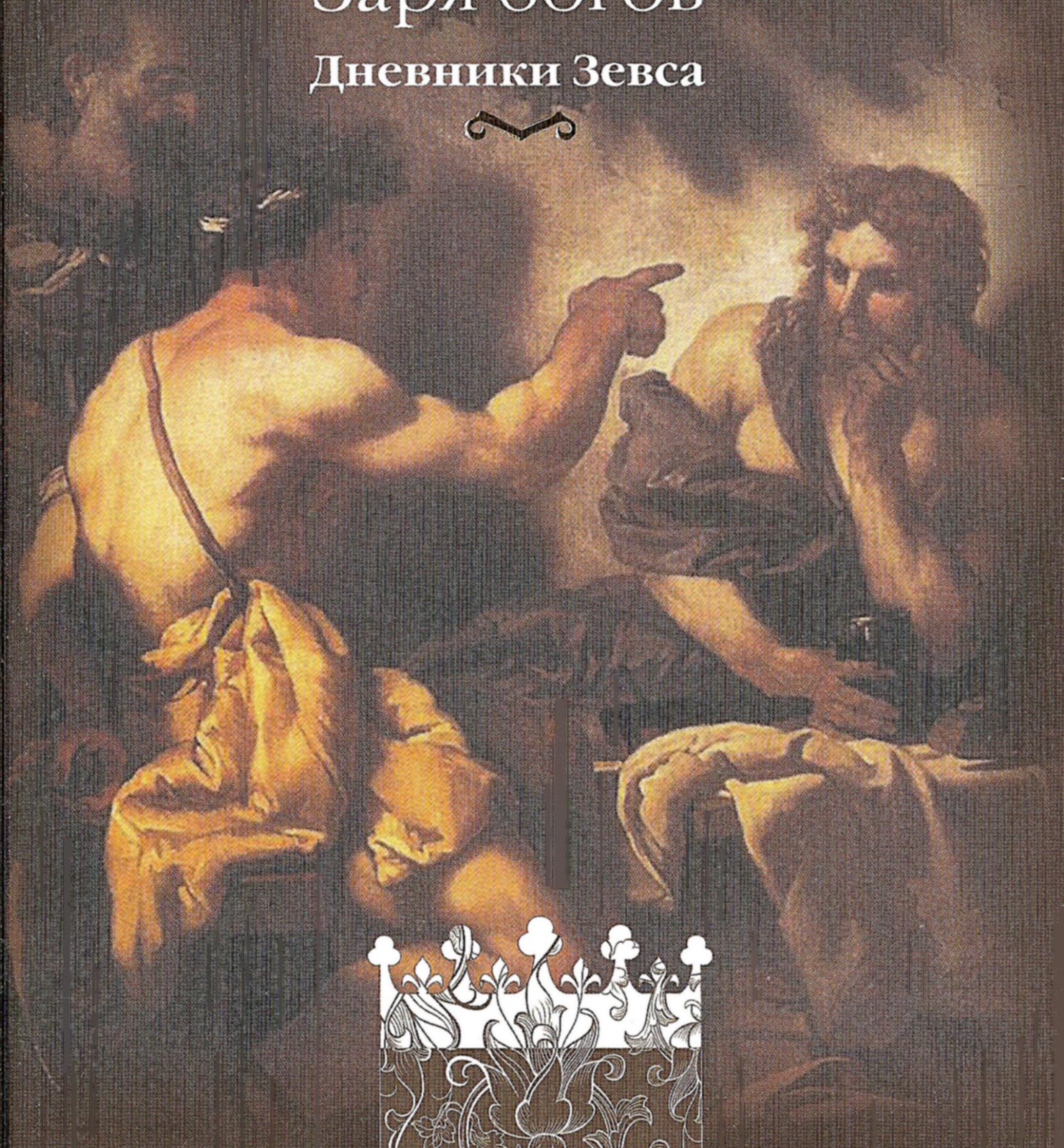

МОРРИС ДРЮОН

Заря богов
Дневники Зевса

Дневники Зевса

Заря богов

Дни людей

Морис Дрюон

Заря богов
Дневники Зевса

Санкт-Петербург, «ИД Домино»
Москва, «ЭКСМО»
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
Д 78

Maurice Druon
LES MÉMOIRES DE ZEUS
Copyright © Maurice Druon 1967

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Перевод с французского *Л. Ефимова*

Художественное оформление *С. Ляха*

Дрюон М.
Д 78 Заря богов. Дневники Зевса / Морис Дрюон ; [пер. с фр. Л. Ефимова]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 240 с.

ISBN 978-5-699-41357-7

«Я, Зевс, царь богов, бог царей, поведаю вам свою историю...» С этими словами великий Громовержец обращается к смертным, живущим на Земле, чтобы донести до них правду о событиях, известных человеческому роду из мифов и легенд. Наконец-то у нас появилась возможность узнать все из первых рук!

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

© Перевод. Ефимов Л., 2009
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-41357-7

*Греческому народу сквозь его века
с благодарностью*

Предисловие

Мне понадобилось четыре года, чтобы закончить «Мемуары Зевса». Сейчас, когда одновременно с новым изданием первого тома появилась вторая часть, дополняющая и завершающая произведение, представляется нелишним уточнить его общий замысел.

Я знаю, кое-кто из читателей был несколько смущен древнегреческой мифологической терминологией, по преимуществу употребляемой мной вместо латинской, более для нас привычной. Решился я на это не без размышлений. Я бы и сам охотно назвал олицетворение власти скорее Юпитером, нежели Зевсом, олицетворение войны скорее Марсом, нежели Аресом, олицетворение труда — Вулканом, а не Гефестом. Но латинская мифология относительно скудна, ограничена, в немалой степени состоит из частичных ассимиляций. Ведь в первую очередь она предназначалась для поддержки общественного устройства, а вовсе не для того, чтобы стать основой системы всеобъемлющего мышления. Кто желает — а в том и состоит мое предложение — понять, как древние представляли себе Вселенную и место человека в этой Вселенной, тот должен обратиться к греческой мифологии как наиболее близкой из всех развитых теогоний, что стали истоками западной мысли.

Я знаю, что иные читатели, поощренные нарочито «игривым» тоном некоторых глав, сочли книгу просто литературной забавой, эдаким набором намеков на наши школьные воспоминания. А все из-за того, что о древних религиях судят слишком однобоко, забывая, что в них было немало жизнерадостного. Античность ведь не знала понятия первородного греха, которое, как только речь заходит о божественном, требует от нас серьезного и почтительного тона. Для древних, поскольку боги пребывали вместе с ними в этом мире, участвуя в его делах и как бы составляя его основу, было естественным вводить в свои мифы иронию, а то и фарс без ущерба для глубины или смысла. Так что я всего лишь вдохновлялся вечными образцами. Мифология — это роман, первый роман, роман о Вселенной, в котором, как и в любом романе, есть и драматические моменты, и смешные, есть конфликты, счастье, нравственные проблемы и веления судеб.

Также я знаю из массы отзывов: то, что мне хотелось выразить, было услышано многими. Ни одна из моих книг не приносила мне столько разнообразных и волнующих откликов. Узнать, что она побудила молодого человека изучать древнегреческий, молодой женщине помогла примириться с жизнью, а некий физик-рационалист нашел в ней созвучие тому, чем занимается сам, — такое, помимо всего прочего, доказывает писателю, что никакие усилия не будут чрезмерными для выполнения его замысла.

С самой большой трудностью я столкнулся, пытаюсь воссоздать хронологию мифов. Действительно, нигде, кроме как у Гесиода, и то частично, мифологические факты не излагаются последовательно и взаимосвязанно. Это не смущало античного человека, для которого отдельный миф, рассказанный в поэме, тра-

гедии, сатире, диалоге, немедленно занимал место в общей системе, очень крепкой и связной. Для нас же, чей ум с раннего детства формировался на других основах, мифы предстают некой россыпью сказок, слабо или произвольно соединенных между собой. Я попытался сделать связи между ними более заметными, плотнее подогнать их друг к другу. При этом стало очевидно, что эллинская мифология повествует сначала о возникновении мира и лишь потом о его доисторических временах.

Другая трудность проистекает из того, что древние авторы с крайней вольностью использовали мифы, обогащая их в меру своего поэтического вдохновения или подчиняя требованиям философских доказательств. Греческие мифы никогда не были догмами, но непрременной основой мысли, опорой для любого применения. От Гомера до Пиндара, от Платона до стоиков, от великих трагиков до великих историков представление о богах и их деяниях сильно менялось. Эту традицию свободной интерпретации, которая прослеживается у Эвгемера, Аполлодора и многих других, я подхватил там, где ее оставили Овидий и Диодор Сицилийский, и, ступая по следам стольких гигантов, следовал знаменитым примерам, порой ведомый и моей собственной интуицией.

Какие-то геологические, астрологические, исторические, моральные или физические значения, которые я постарался приписать некоторым божествам, могут показаться спорными, да и в самом деле являются таковыми. Одни объяснения представляются слишком очевидными, другие — слишком темными, а иные гипотезы — слишком дерзкими. Надеюсь, по крайней мере, что все в целом поможет подтвердить следую-

щее: древние пантеоны все еще годятся для тех, кто пытается разгадать мир, в котором живет, и понять в нем то, что возможно понять.

В нашем веке, когда человеческий ум ищет пути между космосом и атомом, когда наука, выделяя мельчайшие частицы материи, искривляя время, выпуская на волю то, что удерживает вещи от распада, нагоняет на нас большую тревогу, я хотел напомнить, что боги, воздвигнутые перед воротами храмов, не просто изображения. Они означают, что за этими воротами, среди обломков древнего знания, найдется, быть может, несколько ответов на наши вопросы, несколько вех, чтобы разметить наши опасные пути, и перил, чтобы огрести их.

Во всяком случае, это стоит того, чтобы толкнуть дверь. Человеку, когда он подвергается опасности со стороны неведомых сил и собственных смут, все пригодится, и особенно память. Мифы — коллективная память человечества. Археология беспрестанно извлекает на свет необъяснимые технические достижения древних, которые заставляют нас думать, что те располагали подлинным и весьма изощренным знанием, утраченным, но верным. Среди вопросов, которые ставит перед нами будущее, наверняка есть и такие, на которые прошлое уже ответило.

Мой труд — плод тех замыслов, которые слишком обширны, чтобы их можно было осуществить, но все же достойны попытки хотя бы в надежде открыть путь другим умам, которые продвинутся дальше.

Теперь читатель этих строк, помещенных в начале книги, может успокоиться: продолжение не столь сухо.

1967 год

Я могу только передать то, что об этом слышали наши предки, они-то знали, правда ли это. Если бы мы сами могли доискаться до этого, разве нам было бы дело до человеческих предположений?

Платон. Федр

Обращение к мертвым

Я, Зевс, долго спал. Но вот какой-то шум в облаках, вероятно порожденный вашими людскими затеями, разбудил меня. Глаза мои открылись, и я взглянул на Землю, но увидел там мало нового.

За две тысячи лет моей ночи ни одна гора не исчезла; реки по-прежнему текут к тем же морям, все так же добавляя чуть больше изгибов к своим руслам, разве что некоторые устья забились. Чернила, которые выбрасывает атакованная каракатица, все того же цвета; у бабочек на крыльях все та же пыльца, что напылил когда-то еще мой дед; у быка все то же утолщение на холке, над седьмым шейным позвонком, и асфodelь качает своими метельчатыми соцветиями на том же склоне.

В самом деле, люди, нельзя же считать новизной вечные уловки вашей неумной изобретательности, губительные вспышки воинственности или вашу отвратительную склонность к пиромании. Уж я-то слишком хорошо знаю — увы! — от кого вы все это унаследовали.

Ваши самые недавние победы над пространством, над силой тяжести и временем могут показаться вам огромными и наполнить вас гордыней, но, если взирать на них оттуда, откуда смотрю я, они изрядно мельчают.

Вы по-прежнему не способны сами превратиться в богов. Никто из вас не сумел вдохнуть жизнь в мрамор, и, когда вы предполагаете, что соорудили какой-либо водоем, вам приходится день и ночь следить за плотиной, чтобы не утонуть в нем.

Поле, на котором вы расширили свою деятельность,— скорее поле блужданий, нежели свободы, и вы скорее умножили ваши страхи, чем сократили неизбежности.

Зато, кажется, многое забыли.

Смертные, вы, к кому я обращаю свою речь! Когда вам приходит в голову вообразить себе богов, вы представляете их либо восседающими на престолах славы, либо томно возлежащими на изукрашенных ложах, где они рассеянно вдыхают фимиам восхвалений и растягивают в своем убаюкивающем блаженстве негу замедленного времени.

Смертные, дорогие смертные, знайте же, что вы заблуждаетесь, и не путайте тех, кем сами хотели бы стать, с теми, кто мы есть на самом деле.

Богу живется не легче, чем простому прохожему.

Я, Зевс, царь богов, бог царей, поведаю вам свою историю.

Первая эпоха
НЕБО И ВРЕМЯ

Начала. Предок Хаос. Мечты Геи и появление Урана

Я принадлежу к третьему божественному поколению. Основателем нашего рода был мой дед Уран, царь атлантов. До него упоминают отдаленного предка по имени Хаос, который совокупился с Пустотой, ночной утробой, маткой миров, и, рассеяв в ней свое семя, породил первоначальные элементы Вселенной, равно как и главные звезды нашей Галактики. Потом, возложив на самого деятельного из своих сыновей, Эроса, заботу продолжать дело и руководить дальнейшим сочетанием первоэлементов, Хаос якобы удалился в эфир, чьим именем сам стал называться, и с тех пор дремлет там или же в медленной, гигантской эрекции готовит заселение какой-нибудь новой межзвездной полости. Но все это весьма смутно и туманно.

О рождении самого Урана я не располагаю достоверными сведениями.

Моя бабка Гея, Земля, долго утверждала, что сама породила его, без вмешательства какого-либо мужского начала, просто желая создать себе супруга. Но в том, что касается зачатия и материнства, моя бабка всегда была немного помешанной. Она первая, но отнюдь не единственная в длинном женском ряду мечтала о том, чтобы гордо порождать самой по себе, и бредила о существах, которые были бы плодом исключительно ее

материнских недр. Эти богини обрекают себя на любовные утехы амазонок или, как моя дочь Артемида, на яростное целомудрие либо же на влюбленность — чрезмерную, ревнивую и мучительную — в своего собственного первенца. Некоторые мстят, нарочито относясь к своему необходимому супругу как к ребенку. Что касается смертных женщин такого рода, то у них, по крайней мере, есть возможность возвыситься в своей ненавистной доле, оскорбительной и унижительной, вызвав желание какого-нибудь бога или притворившись, будто испытали его на себе. Скольким я помог и скольким позволил лгать! А мои сыновья Арес, Аполлон, Геракл, Дионис? Сколько они потратили сил, чтобы умерить вздорное сожаление этих красоток, а порой и дурнушек о том, что они не двуполы!

Ах, дочери мои, не завидуйте уделу устрицы. Если бы вы знали, какая это тоска — не привлекать никого, кроме самой себя! Если бы вы знали, как ее брак бесконечно одинок и печален!

Но вернемся к Урану.

Он называл себя сыном Дня и Ночи, что было всего лишь способом умолчания.

Можно задаться вопросом: а не был ли он пришельцем? Я хочу сказать, не прибыл ли он из какой-то другой, отдаленной области космоса, где способности богов гораздо более развиты?

То ли из-за собственной непоседливости, то ли из-за размолвки с сородичами, то ли отправившись на разведку и не сумев вернуться, он овладел еще девственной Землей и сделал ее плодоносной. Мы, его внуки, так и не смогли разгадать туманную тайну, окружавшую его происхождение, которая, однако, лишь способствовала его авторитету и величию.

Уран был богом восхитительным, просто превосходным, занимавшимся всем на свете, искусным, деятельным, беспрестанно изливавшим свою энергию на все вокруг, властным, конечно, но заботившимся о справедливости и распределении блага.

Моя тетушка Память часто меня уверяла, что многими своими чертами я напоминаю ей отца. Если я и унаследовал некоторые из достоинств Урана, то наверняка именно они поспособствовали тому, что я стал царем богов.

Дети и труды Урана. Число и творение

Уран Небесный породил с Геей-Землей сорок пять детей. В первую очередь надо упомянуть шестерых титанов, из которых мой дядя Океан был старшим, а мой отец Крон — младшим, и шестерых титанид, включая мою мать Рею и тетушку Память. Уран породил также трех больших циклопов, или одноглазых, и трех гекатонхейров, или сторуких. К его потомству относятся еще и нимфы первого поколения, различные боги, богини и гиганты, о которых я сейчас расскажу.

Титаны и титаниды обладали способностью размножаться, а одноглазые и сторукие — нет. Зато у каждого сторукого было пятьдесят голов. Только вообразите быстроту и пытливость этих пятидесяти объединенных мозгов, работающих заодно; вообразите множество разнообразных действий, чудесную силу или изощренность, которые эти головы сообщали своим пятистам пальцам. Что касается одноглазых, направлявших на порученную им работу свое единственное око, а потому не отвлекавшихся ни на что иное, то им доверялась переноска огненных тиглей, а также резка и плавка с помощью молний.

Вы, смертные, конечно, думаете о своих новейших машинах, порожденных хитроумной наукой, которые восхищают вас тем, что быстрее вас самих отвечают

на заданные вами же вопросы, или воспроизводят ваши движения, делая их производительнее во сто крат, или сосредоточивают для вас незримые энергии. Остерегайтесь слишком поспешных отождествлений! Между этими роботами и божественными исполинами почти такая же разница, как между мной и вами. И не забывайте также, что титаны, циклопы, гекатонхейры — бессмертны; я сковал их дремой в глубинах мира, но они могут быть разбужены, и даже сон их таит в себе угрозу.

С помощью своих сыновей Уран воздвиг горы и ледники; тут пустил потоки раскаленной лавы, чтобы утвердить их основание, там заложил толстые слои суглинка. Он повсюду кристаллизовал неосязаемое, придавал твердость вязкому, распределил запасы металлов. Именно Уран навязал Понту, Первобытному Морю, отпрыску Хаоса, закон гармонии.

Из всех этих трудов меня всегда особенно восхищала великая система круговорота воды, такая простая и совершенная, бесконечно изливающая сама по себе плодоносные дожди.

Она была передана моему дяде Океану, отцу рек.

Помимо всего прочего, Уран обладал настоящей страстью творить. Секрет ли это, перенесенный им через громадные расстояния, или же гениальное наитие, но в любом случае дар Судеб — Уран владел Числом органической жизни и создавал всевозможные ее виды.

Все, что зеленеет, цветет, плавает, ползает, летает, ходит или бежит, все, что населяет воды, взмывает в воздух, коренится в скале или перегное, все, что ест, дышит, выделяет соки, все, что поет, щебечет, кричит или рычит, выражает звуком свое желание, страх или радость, все, что дает яйцо, зародыш, зерно, сперму, все, что разделяется надвое, воссоздавая в каждой части

тождество исходному целому, все, что способно заключить в одной бесконечно малой частице своей субстанции собственную форму и свойства, чтобы передать их хоть и новому, но подобному существу, все это — его творение.

Стоило мне сказать «Число жизни», как вы, дорогие смертные, уже и размечтались. Ведь так давно вы пытаетесь его узнать!

Число есть речение, но при этом не слово; оно и волна, и свет, хотя и невидимо; оно и ритм, и музыка, хотя и не слышимо. Его вариации безграничны, однако само оно неизменно. Всякая форма жизни есть особое выражение Числа. Так что, дети мои, придется вам еще какое-то время помечтать...

Уран проявил сдержанность в своих первых опытах, ведь Числом надо пользоваться осторожно.

Конечно, мелодия амебы могла показаться несколько монотонной, а кантата первого лишайника — слабоватой. Но зато потом — какая fuga! Какое буйство фантазии, какая стремительность исполнения, какая отвага, какое неисчерпаемое богатство контрапункта, какой размах и щедрость в этой симфонии видов!

Мне случалось, предаваясь любви с какой-нибудь смертной на лугу, забывать и ее, и наше занятие — так меня вдруг восхищало разнообразие трав перед глазами.

Пучок травы... Вроде бы пустяк, на него и внимания-то не обращаешь. Но приглядитесь к нему, и вас, как и меня, заорожит количество всевозможных растений, составляющих этот единственный пучок. Какое многообразие стеблей: один квадратный и мохнатый, другой круглый, состоящий из концентрических трубочек, этот полый, этот нет, а тот и вовсе треугольный. О Число, бесконечно изменчивое Число!

И вы залобуетесь ловкостью корней, независимостью семян и попробуете пересчитать цвета, все оттенки зеленого, которые составляют именно эту неповторимую зелень, что видна с расстояния, запахи которой вы будете с наслаждением перебирать.

Если и вам выпадет подобное развлечение в подобных же обстоятельствах, приобщите к нему свою подругу — пусть она тоже понаблюдает за полетом птишек или задумается над рисунком укрывающей вас листвы, и восхищайтесь вместе. Сами увидите, насколько полнее станет ваша любовь!

Поскольку Уран заслуженно гордился своими трудами, а я, как его преемник и наследник, горжусь им самим, то нам совсем не нравится, что вы проходите через богатейшую галерею его творений, словно тупицы, ничего не замечая, не ценя и не понимая. Но если вы хоть изредка позволите себе забыть, пристально взглядевшись в его сосновую шишку, в его гранатовое яблоко с розовой сердцевинкой, в его радужную стрекозу над трепетом ручья, в его змейку-медяницу, что дремлет на солнце меж камнями, свернувшись подобно виткам времени, то наградой вам будет счастье. Ибо вы приобщитесь к вибрациям Числа и движению Вселенной.

Для этого незачем быть напыщенным, отягощенным знаниями оратором или богачом, владельцем обширных земель. Какой-нибудь простой пастух нередко превосходит вас в таких делах.

**Исчезнувшие виды.
Безумная гордыня титанов; их затеи
и постигшая их кара**

Итак, Уран населил землю всем, что на ней живет. Но не бывает великих творений без многочисленных проб и частых поправок. Сколько видов, от которых остался лишь окаменелый отпечаток в известняке, и сколько других, которые все еще прозябают, были лишь черновыми набросками более совершенных тварей! Сколько было изорвано крыльев, едва изобретенных и приделанных к рептилии или рыбе еще до превращения чешуи в перья, до окончательного крыла, до орла и голубки!

Кроме того, случилось так, что титаны, обуянные безумной гордыней, вместо того чтобы и дальше помогать своему отцу, затеяли с ним соперничество, вообразив, что способны превзойти его труды.

Им казалось, творить так легко! Зачем Уран беспрестанно возится с ничтожными мелочами? Зачем тратит целые века на кольца червя или рожки улитки, когда из одного комка размятой почвы можно за мгновение прорастить кедр?

Их тайно подстрекала мать Земля.

Но Уран, хоть и доверил своим отпрыскам, приучая их к труду, некоторые производные от Числа, само Число им не открыл, равно как и все секреты его применения.

Титанам удалось сотворить лишь гигантских и несоизмеримых тварей: чудищ с крохотным мозгом, еле влачивших свое безобразное, липкое тело, отвратительных гидр с бесчисленными огромными щупальцами, яростных драконов, которые раздирали когтями природу, валили целые леса ударом хвоста и одним своим дыханием губили всякую жизнь вокруг.

Такое же безумие титаны учинили среди растений. Осклизлые грибы, настолько большие, что закрывали солнце, необъятные папоротники, бесконечные лианы, зловещие, слишком грузные, и широколистные цветы, что источали какую-то клейкую влагу и грозили все удушить.

Плоды пагубного тщеславия! Титаны уже не могли остановить рост этих созданий. Тогда они привлекли своих могучих и бесплодных братьев, одноглазых и сторуких, но, не сумев с ними управиться, добились только бессмысленного и опасного беспорядка.

Урану, заметившему угрозу, пришлось решительно вмешаться. Он повсеместно изменил климат, воздвиг несколько горных цепей, осушил многие моря, затопил различные долины. Водой, льдом или огнем он уничтожил чудовищ, произведенных своими детьми. Не исключено даже, что Уран потряс весь земной шар, немного сместив ось его вращения и слегка изменив траекторию его орбиты в пространстве.

Потом, пристыдив титанов за глупую самонадеянность, Уран запер их в чреве Земли, навсегда запретив братья за прежние. И так же поступил с поддавившимися на уговоры старших братьев циклопами и гекатонхейрами, в коих ему уже не было большой нужды.

Исключение он сделал только для Океана, который, если не считать создания нескольких гидр, вел

себя довольно сдержанно и по-настоящему в безумии братьев не участвовал.

А для помощи своим трудам по созданию жизни Уран оставил также нимф и титанид, и в первую очередь свою самую любящую и преданную дочь Память, которая всегда была при нем, чтобы ничто не было упущено.

Быть может, смертные сыны мои, вы удивлены или смущены, слыша, как я говорю о Земле: то как о существе, то как о предмете, то как о супруге моего деда, то как о поле его трудов.

Чтобы лучше понять меня, вам следует вспомнить о ваших собственных телах, о флоре, устилающей ваши внутренности, о мириадах ферментов, которые развиваются в вас, множась и укореняясь, о бактериях, воюющих там друг с другом. Вам следует вспомнить обо всех тех микроорганизмах, которые обитают в ваших порах, тканях, жидкостях и для которых вы — непостижимая и необъятная Вселенная. Что они знают о вас, кроме мрака ваших пилорических* желез и зыбей желудочного океана? Когда вы проникаете в лоно ваших жен, могут ли эти крохи видеть или сознавать, что вы делаете, понимать причину или цель сотрясающей вас дрожи?

Так и вы, бесконечно ничтожные бактерии в гигантском теле Вселенной, видите очень мало. Ибо то, что вы полагаете слепящим светом, всего лишь тусклая

* Трубоччатые железы желудка позвоночных, расположенные в области перехода желудка в двенадцатиперстную кишку.

копгилка или свечной огарок, с которыми вы на ощупь обследуете ваш уголок темноты.

Так и мы, да, и мы, боги, тоже лишь частицы Судеб.

Над всеми — Судьбы, о которых вам давно не говорили. Однако никакой силе, никакой жизни их не избежать. Решения Судеб редко постижимы; их природа остается нам неведомой. Но без них ни вы, ни я не существовали бы. Они дают первоначальный толчок и отмечают предел любой траектории, которую каждый волен пройти хорошо или дурно, однако свернуть с которой не может. Таковы Судьбы, помещенные и вокруг, и над механизмами наших миров, столь таинственные, что довольно лишь упоминания — и сказано о них будет почти все.

Порой можно вступить с ними в сношение, но лик их всегда сокрыт.

И еще кое о чем мне следует вам сообщить. Мы, боги, располагаем в своем языке тремя модуляциями для каждого слова, с помощью которых можем обозначать суть всякой вещи, ее проявление или же отсутствие. Попробуйте согласно этому придать истинный смысл моим словам.

А теперь можем продолжать.

Атлантида. Сотворение человека. Золотой век

Итак, Уран, супруг *сути* Земли, приведя в порядок *проявление* Земли и заключив титанов, сторуких и одноглазых в *отсутствии* Земли, избрал местом своего пребывания континент Атлантиду.

Ступени его дворца были из чистого золота, колонны из горного хрусталя, стены из самых драгоценных камней, составлявших — от аметиста до рубина, через сапфир и изумруд — гамму семи цветов света. Кровля была алмазной. Вокруг росли деревья самых прекрасных пород, порхали дивные птицы. Да и вся Атлантида была подобна огромному парку, устеленному благоуханными цветами.

Именно там, сидя на золотых ступенях, Уран создал человека, которого считал своим шедевром. Он долго размышлял, долго искал Число вида, который был бы выше всех прочих.

Если умы, столь же убогие, сколь и малосведущие, внушают вам, дорогие смертные, что вы происходите от обезьян, то не верьте им. Обезьяны не более чем проба, наметка, черновой набросок человека. Чтобы утешить их в этом неопределенном состоянии, а заодно избавиться от их воплей, мой дед отправил всю ораву играть на прекрасных деревьях парка. Но они не ваши предки.

Вы, обычно столь гордые самими собой и собственными возможностями, порой даже чересчур, не уничайтесь до такой степени, чтобы считать себя усовершенствованными обезьянами. Посмотрите, какой ловкостью те наделены. Если бы вы были сверхобезьянами, вы обладали бы еще большей. Но Уран, наоборот, сократил вашу ловкость, чтобы вам пришлось возместить ее недостаток смекалкой. Он намеревался одарить вас некоторыми божественными свойствами, так что вы не просто выпрямившиеся четвероногие.

Число человека — особое число, рассчитанное для человека, и только для него. И, найдя его, Уран тотчас же придал этому Числу множество вариаций, создав типы людей различной окраски, от янтаря до меди, от молока до эбена. Затем он расселил их, и пигмеев, и великанов, по всему свету. Но из всех этих рас самой совершенной, самой совершенной была раса атлантов, пережившая золотой век.

Этот век я не застал. Он завершился вместе с гибелью Атлантиды, а я родился позже.

Так что отметьте, смертные: ваш род древнее большинства богов.

Я знаю от своей тетушки Памяти, что люди, жившие в садах Атлантиды, были на две-три пяди выше вас. Даже самые восхитительные статуи, созданные вами, дают весьма слабое представление о том, какой была их живая красота.

Они не знали ни горя, ни нужды, ни забот. В их домах не было дверей, и все принадлежало всем. Блага вокруг существовали в неиссякаемом изобилии, война была неведома; никто не желал обладать большим, чем другой, и не имел повода возвыситься. Они были избавлены также от ревности; мужчины и женщины соединялись свободно, следуя ритму и позывам природной гармонии. Животные не боялись челове-

ка, поскольку тот и не помышлял убивать их. Атланты питались только злаками, яйцами, плодами, так как были научены, что вправе брать для поддержки своего существования лишь суть жизни — ее первооснову или возможность, — но никогда не пресекать жизнь проявившуюся.

Хотя Судьбы, позволив Урану творить, поставили условие, что его создания должны быть смертны, по крайней мере, от старости и недугов, сопровождающих кончину, люди золотого века были избавлены. Вплоть до самого своего последнего вечера они не лишались ни сил, ни способностей, ни удовольствий; и только когда их срок, около тысячи лет, подходил к концу, некая блаженная истома внушала им усталость от жизни и они спокойно засыпали вечным сном.

Атланты пользовались лишь очень немногими словами, зная, что каждое из них, будучи изречено, порождает активные вибрации, как благоприятные, так и неблагоприятные, а потому надо соизмерять их употребление. Но они имели возможность непосредственно обмениваться мыслями, а это совсем не то жалкое и отрывочное общение, которое с тех пор, за неимением лучшего, происходит у вас с помощью языка. Они целиком использовали чудеснейшее из всех клеточных устройств, придуманных Ураном, которое он поместил за их прекрасным лбом. Они могли беззвучно переговариваться на больших расстояниях и даже видеть друг друга, настроившись на любую из доступных волн. Наконец, они слышали возвышенную музыку сфер — симфонию миров, кружащихся во Вселенной, — которая поддерживала их в состоянии ни с чем не сравнимого счастья и превращала жизнь в нескончаемый праздник.

Последние творения Урана. Отбор видов.
Домашние животные. Серп. Зодиак

Уран глубоко любил атлантов, гордился ими и радовался, видя их вокруг себя, столь совершенно счастливых.

Сам же он продолжал творить, творить и творить и не мог остановиться. Осуществив высшее достижение, он возвращался к поделкам своей юности, желая улучшить их и усовершенствовать. Подправлял жесткие крылья насекомому, прорисовывал более четкой линией завитки или бороздки на раковине моллюска. Видели, как он мечтательно любуется красками какого-нибудь особенно красивого заката с порога своего дворца? На следующий день среди цветов уже порхает бабочка, пестрея теми же переливами, теми же роскошными красками. А несколько крупинок ее пыльцы, прилипших к ногтю, наводят Урана на мысль украсить пятнышками божью коровку.

Как иные из вас, неведомым путем унаследовавшие от него ту же страсть, пишут красками по холсту или по картону, так он писал по перепонке, перу или меху, писал по дораде, писал по аисту, писал по пантере и по зебре. Ткал одновременно и рисунок, и его основу. Лепил из самой жизни. Он был верховным гончаром, и каждое творение, едва выйдя из его рук, получало дар воспроизводить себя в тысячах экземп-

ляров, таким образом сохраняясь для будущего бесконечно долго.

Сквозь какие мутные очки смотрят на природу те, кто заставляет вас верить небылице, будто разные виды образовались в борьбе за выживание друг с другом или с окружающей средой? Если это так, то почему же тогда на одном клочке земли бок о бок растут дерево с шипами и другое, гладкоствольное? Почему у их цветков неравное количество лепестков и почему на одних и тех же ветвях живут одновременно столь разные птицы: одни толстоклювые, другие с клювом тонким, как игла, птицы пурпурные, крапчатые или черные, хохлатые, с воротником, с нагрудником? Почему одни свистят, другие трещат?

Кого хочет испугать хрупкая синица своей размазанной, как маска колдуна, мордашкой и хищной позой, если в ее миниатюрной лапке едва умещается крошка пищи? И зеленое горло селезня, и розовый мазок на крыле фламинго — призыв к любви, а не боевое оружие.

Какой защитой, по-вашему, служит павлину веер его хвоста? И не кажется ли вам, что от простых, толстых и острых рогов оленю было бы больше проку, чем от тех ветвистых, которыми он украшен? Если только прожорливость заставила муравьеда отрастить себе такой язык, то какой же была бы длина вашего! И если хамелеон так сильно желает исчезнуть с глаз, почему бы ему просто не юркнуть под первый же попавшийся камень, как любой другой ящерице?

Труд художника — вот что все это такое, сознательный, обдуманый труд великого художника, каждая фантазия, каждая причуда которого имела значение, поскольку он хотел исчерпать все возможности, выделяя и сочетая разные сути, чтобы проявились рептилия-свет, жвачное-лес и птица-взгляд!

Как садовник первоэлементов и пространства, Уран занимался прививками. Порой, приобщая к второстепенным работам своих любимцев атлантов, он доверял им свой прививочный нож.

Достигнутые результаты он использовал как математик. Если ваш зародыш имеет вид головастика и даже сохраняет некоторое время рыбы жабры, то это следствие предварительных, скрытых расчетов при вычислении человека. В ваших генах есть и более ранние, и намного более тайные цифры.

Похоже, что Уран знал, частично по крайней мере, решения Судеб, касающиеся его шедевра, а потому позаботился подготовить род человеческий и к столкновению с худшим, и к ожиданию лучшего.

В предвидении худшего Уран, преобразовав уже существующие виды, создал лошадь, чтобы носить человека, корову и козу, чтобы его питать, собаку, чтобы любить и охранять. В них осталась первоначальная непринужденность, существовавшая прежде между человеком и животными; они являются вашими слугами и товарищами на протяжении всех черных веков, из которых вы еще не вышли, хотя порой вам удается смутно разглядеть выход.

Равным же образом Уран на глазах человека выковал первый серп, имея в виду те времена, когда труд станет для вас необходимостью. Но, делая своим чадам этот спасительный дар, знал ли мой дед, что изобретает орудие собственной беды? Предначертанное Судьбами должно исполняться и для богов.

И еще: поскольку Уран был сведущ в ритмах, которые упорядочивают движение небесных тел (это и заставляет меня думать, что он прибыл из других мест и, летя сквозь пространства, мог наблюдать устройство миров), он дал атлантам календарь, а главное, научил

их читать знаки зодиака — великого циферблата, где отмечаются не только земные месяцы и годы, но также эры и эпохи Вселенной, что в человеческом масштабе позволяет различать смысл предначертаний и согласовывать с ними жизнь.

С давних веков вы задаетесь вопросом: откуда и от кого вам достался этот гениальный часовой механизм? Он достался вам от Урана, дети мои, от Атлантиды. Это ваше самое древнее наследие.

Итак, вы были почти вооружены. С коровой, серпом и зодиаком можно многое сделать.

Но Уран имел на вас другие виды. Метя гораздо выше, он вписал кое-что в комбинации вашего Числа и уже трудился, чтобы проявить это, когда случилась драма.

**Ненависть Геи к Урану. Заговор титанов.
Уран изувечен своим сыном Кроном.
Дети, рожденные из его раны. Афродита.
Уран удаляется на небо**

Моя бабка Гея, Земля, возненавидела своего супруга. Она, некогда утверждавшая, что сама породила его, теперь желала только его гибели, обвиняла в том, что он плохой отец, так как заключил в ее чреве титанов. При этом она упрекала его за излишний творческий пыл и жаловалась, что уже изнемогает от частоты их соитий. Когда женщины говорят, что устали от любви, это чаще всего означает, что они устали лишь от любовника и уже заглядываются на кого-то другого. Этим другим для Геи оказался буйный Понт, отпрыск Хаоса; что она и доказала, отдавшись ему при первой же возможности.

Быть может, Уран был неправ, проявив слишком большую верность. Ведь он был богом одной только Земли. Не будь он так постоянен, он бы крепче привязал к себе жену, заняв ее ум заботой о том, как бы его удержать.

На самом деле Гея ставила Урану в упрек лишь саму его природу и небесное происхождение. Когда на смену желанию приходит ненависть, любые претензии не более чем выдумки, и один злится на другого только за то, что тот такой, какой есть.

Гея слишком долго терпела Урана, в итоге заскучала и захотела перемен.

Смертные сыны мои, остерегайтесь нашей прама-тери Земли. Она раздражительна; сварлива, легко превращается в мегеру. Ей никогда не нравились труды Урана. У Геи случаются глухие и внезапные вспышки ярости, от которых покровы ее содрожаются, разрушая ваши красивые города вместе с посвященными ей же храмами. Она поглощает вас, низвергая в свои расщелины. А в нечистые дни ее вулканические фурункулы набухают и прорываются огненными извержениями. Когда Гея отдается Понту — неистовой морской стихии, гигантские волны накатывают на ваши берега. Она принуждает вас к тяжкому труду с плугом или заступом, а потом вдруг злобно вымораживает посе-вы или гноит жатву. Никогда не доверяйте ей полно-стью, будьте с ней тверже и суровее!

Решив избавиться от Урана, Гея обратилась к ти-танам, заключенным в глубинах ее утробы. Она под-стрекала их к бунту и мести, призывала освободиться, а заодно освободить и ее. Все титаны уклонились, не осмеливаясь оставить узилище, назначенное им Ура-ном, и опасаясь худших кар, если заговор раскроется; все, кроме одного, самого младшего, Крона, моего бу-дущего отца. Только он согласился попытать удачу в этом отвратительном деле, при условии что ему будет обещано владычество над миром.

И вот как-то вечером он, при материнском содей-ствии, ускользнул из своей темницы — Тартара. Гея похитила у мужа золотой серп, выкованный для атлан-тов, и дала его сыну. Крон расположился в засаде и стал ждать. Таким образом, когда Уран, целиком поглощен-ный творческими желаниями, что предшествуют сну, возвращался с облета континентов и уже спускался к Средиземноморью...

Но достаточно ли вы задумывались над контуром Средиземного моря, его формой, изгибами, его плодо-

творной широтой? Почему оно вечный источник творчества и родина цивилизаций? Отделившись от индийской грозди, зародышевая клетка скользит по персидским долинам и проливам Ближнего Востока... Думаю, вы меня поняли.

Итак, с наступлением ночи, когда Уран стал опускаться на Средиземное море, Крон, его сын, вооруженный серпом, вскочил и одним ударом отсек своему отцу член и мошонку. Рев, который испустил оскопленный Уран, наполнил ужасом Вселенную.

Кровь, хлынувшая из раны, окропила все окрестные воды и земли. Из нее родились эринии — жуткие божества, впитавшие ярость бога-отца, а также великий Пан, и Силен, и сатиры — вечные носители мужского буйства и разнузданности. Вдруг возник род гигантов, таких как Алкионей, Офион и Красный Порфирион, — раса могучих, скотски грубых и ограниченных колоссов, порожденных изначальными, примитивными силами, вырвавшимися из жил Урана. Им предстояло доставить мне в будущем массу забот. Все происходило так, словно различные энергии, наполнявшие кровь родоначальника, вдруг разделились, рассеялись, чтобы порознь воплотиться.

Одна капля упала на спящего коня. Проснулся он уже первым кентавром. Это показывает, какие замыслы питал Уран в миг своего несчастья.

Не думайте, что млечно-белая семенная жидкость, исторгнутая из раны, пропала зря. Ее струя ударила так далеко, что вспенила море у Кипра, и новая заря увидела, как на этом месте из волн вышла Афродита с янтарными руками, точеными пальцами и совершенной грудью — самая прекрасная, если судить по внешнему виду, самая обольстительная и самая вожденная из богинь. Но Афродита жестока и холодна даже в своих страстях. Она любит только саму себя и наслаж-

дается лишь страданиями влюбленных в нее. Отмеченная отцовской скорбью как проклятием, она неутомимо и беспрестанно, вечно надеясь и вечно разочаровываясь, гонится за счастьем, к которому постоянно приближается и в итоге никогда не достигает.

Уран, видя, какой удар ему нанесен, объявил Крону ужасающим голосом, что того постигнет соразмерная кара: он тоже будет свергнут одним из собственных сыновей. Это пророчество было его последним словом. Затем Уран удалился в высоты неба, в свою суть, где и пребывает, распростертый, безучастный, неподвластный силам тяготения, бессмертный и вечно немой.

Если же вам хочется знать, почему, получив увечье, Уран-демиург забросил начатые расчеты, наброски и привои, отказался совершенствовать свое творение и даже наблюдать за ним, предоставив жизнь в некотором смысле самой себе, спросите об этом моего сына Гермеса, который изобрел ваш язык и образовал из одного корня слова «ген», «генератор» и «гений».

Смертные, вы теперь разделяете с нами возможность перемещаться по воздуху (я был неправ вначале, отрицая у вас всякое новшество; мы об этом еще поговорим), поэтому, когда вам случится пролетать над островом Корфу, присмотритесь к его форме, к распределению растительности на нем. Вы поймете тогда, почему его также называют Керкира, что значит «член». Мы, боги и люди Средиземноморья, бываем невоздержанны на язык...

Утверждают еще, что, когда Крон бросил злополучный серп, тот упал в море и его рукоятка стала мысом Дрепанон, а великолепный изгиб Навплийского залива обязан своей красотой частицам божественной плоти, приставшим к золотому лезвию. Это огромное лезвие искрится летними вечерами, когда солнце озаряет его своим последним светом.

**Воцарение Крона. Освобожденные титаны.
Любовь Земли и Понта. Пагубные божества.
Конец золотого века**

Едва сделавшись властелином мира, Крон освободил братьев. В жены он взял свою сестру, прекрасноволосую Рею.

Остальные же титаны соединились с титанидами или с нимфами. В это царствование родилось множество второстепенных богов, немало детей и внуков, двоюродных, троюродных братьев и сестер, а также прочих родственников.

Гея-Земля в пылу своей новой страсти неоднократно отдавалась порывам Понта. Да и Ночь, еще одна дочка Хаоса, сочла, что ей тоже дозволено познать исступление, и бросилась в объятия Эреба, своего брата, бога кромешного мрака.

Эрос вполне равнодушно взирал на все эти союзы. Его ролью было толкать одни силы к другим, вовсе не беспокоясь о последствиях. Наш мир, впрочем, не единственный, которым ведает Эрос, и соития Земли отнюдь не единственная его забота.

От стольких совокуплений без всякой меры и порядка произошли (упомяну для примера лишь немногих) горгоны, в том числе и зловещая Медуза, а также две гарпии, неумолимая Немесида, Ложь и Распря, Голод и Боль, Старость и Убийство, Беззаконие и Бедствие...

Царем не становятся по случаю, и одного властолюбия недостаточно, чтобы оправдать власть. Правление моего отца было гнусно во всем. Впрочем, разве одна из модуляций его имени не звучит как Хронос — всеразрушающее время?

Золотой век разбился вдребезги.

Хотя Океан со своей супругой, прекрасной Тефидой, держался в стороне от всех этих безумств, презрительно наблюдая за утехами своей матери с Понтом; хотя моя дражайшая тетушка Память воздерживалась от любого союза, храня себя для будущей любви; хотя ее сестра Фемида, Закон, заняла сходную позицию — остальные титаны продолжали творить глупости. Желая вознаградить себя за долгое заточение, они буйно веселились в Атлантиде, все там разворотив и притесняя атлантов. Те же, в отчаянии, что потеряли своего царя, начали уставать и уменьшаться в росте, стали бояться смерти.

Одноглазые и сторукие тоже были освобождены. Крон, лелея коварные замыслы, полагал, что сможет их использовать для вящего успеха. Но, не умея направить их силу на полезные работы, добился лишь еще больших разрушений. Сколько лесов погибло в пожарищах оттого, что Аргу, молниеносцу, приказали разжечь костер из веточек!

Так часто бывает с богами и людьми второго поколения, которым не терпится завладеть властью отцов; они воображают, будто способны улучшить отцовские творения, но им удается лишь испортить их.

Крон никогда не был счастлив. Со времени своего далекого детства он, подстрекаемый матерью, всегда ревновал к Урану. Но даже оскотив и свергнув его, не почувствовал себя спокойно. Крон остался мрачным, злобным и подозрительным. Он пытался оправдать

свое преступление, хотел доказать — и другим, и самому себе, — что превосходит родоначальника или, по крайней мере, равен ему. Но этого так и не удалось добиться. Время не Небо.

Пораженный появлением кентавра, Крон додумался до идеи (гениальной, как ему казалось) смешать суть человека с сутью некоторых животных, чтобы получились более мощные и способные существа. Похоже, ему удалось предъявить человекольва, человекобыка, человекобарана, о которых атланты, впоследствии перебравшиеся в Египет и Ассирию, сохранили воспоминания. Однако моя тетушка Память уверяет, что Крон солгал и, не желая признаться в своем провале, всего лишь напялил на некоторых гигантов маски животных. В любом случае ни одно из его хваленых «творений» не имело возможности размножаться.

А все потому, что Крон не понял намерений Урана относительно кентавра. Речь шла вовсе не о том, чтобы привить человека к животным; дед хотел «привить» его к звездам, согласно различным часам и эрам зодиака. Расы небесных людей — вот о чем помышлял Уран. И атланты, понявшие это, промолчали.

Однажды, быть может, если Судьбами так решено, человек в высшей точке своего подъема достигнет созвездий, чтобы присоединиться к мечтам творца.

Крон в поисках Числа. Гибель Атлантиды. Первый потоп. Рассеяние атлантов

О слишком приземленный, слишком тяжеловесный, слишком незадачливый Крон! Ему удалось лишь намесить свинец и неблагородные металлы.

Иногда, запрокинув голову, он гневно кричал тучам:

— Отец, отец, как же ты это делал? Куда ты спрятал Число?

Но Уран по-прежнему безмолвствовал.

Крон, в ярости от бессильной злобы, вбил себе в голову, что Число должно быть сокрыто в одной из частей отцова дворца. Призвав гекатонхейров, он велел им разворотить золотые плиты пола, снести изумрудные и опаловые стены. Титаны и циклопы тоже в этом участвовали. Испуганные атланты отступили в глубь сада.

Если Числа не оказалось в фундаменте дворца, значит, оно в кровле. Быть может, чтобы обнаружить Число, которое искал Крон, стоило поразмыслить над формой этой кровли, а не рушить ее? Но нет; сторукие стали разламывать алмазную пирамиду на куски, дробить эти куски в крошки, крошки перемалывать в пыль. Дворца не стало, а Число так и не нашлось. Крону принесли остаток наверхия — молекулу легче росинки, крайнюю точку, которой здание некогда касалось не-

ба. Крон приказал циклопам-молниеносцам расщепить эту молекулу.

Злосчастный отец! Разве вам не ведомо, что в творении Урана все взаимосвязано, что бесконечно большое содержится в бесконечно малом, что, если уничтожить точку схождения бесконечности, рухнет все?

Над Землей взметнулся огромный огненный цветок с винноцветной сердцевинкой и мертвенно-бледными лепестками и раскрылся, чудовищно полыхнув. Потом все накрыла густая туча из испарившихся камней и металлов, испарившейся жизни. Земля скрылась от взора других светил, и Хаосу на какой-то миг почудилось, что его дочери не стало.

Так погибла Атлантида.

Многие окрестные моря испарились, среди них большое Африканское море, выпавшее затем в другом месте многодневным, проливным, беспрестанным, все затопляющим дождем. Не стало видно ни лугов, ни листвы деревьев, ни склонов холмов. А вода все поднималась и поднималась.

Земля, словно все еще желая отомстить Урану, на его глазах отдавалась Понту, тот покрыл ее и полностью овладел. Никогда еще они не предавались своей пагубной похоти с большим бесстыдством, раскинувшись во всю ширь. Место неба занял морской прилив.

Это был первый потоп.

Крон смотрел на гигантский провал, куда рухнули обломки погибшего континента, так, будто ему нанесено личное оскорбление! Сквозь трещины уже различались бездны Тартара. Думаете, мой отец оценил размах своей глупости, своего самомнения и ошибок? Думаете, понял, что *суть вещей* должна быть использована только для *проявления вещей*, или, говоря другими, более человеческими словами, что никакую энер-

гию никогда нельзя высвободить, кроме как для со-
зидания или творения, иначе она послужит лишь уни-
чтожению и проявится в *отсутствии вещей*?

Мой отец обратил свою досаду на одноглазых и сто-
руких, которых обвинил в неуклюжести и измене. Он
снова вверг их в глубинную тюрьму, куда в первый раз
их заключило благоразумие Урана. Бедные исполи-
ны, бедные боги-силы на службе богов-мыслей, была
ли их вина в том, что ими дурно распорядились?

Это почти все, что моя тетушка Память сохранила
о той катастрофе. Сама она испытала сильнейшее по-
трясение, после которого слезы долго застилали ее
взор. Она, обычно столь точная и ясная, об этой драме
говорить не любит, а если и рассказывает, то кратко и
словно нарочито туманно и смутно. Можно подумать,
что она опасается, как бы подобная трагедия не повто-
рилась еще раз.

Мой дядя Океан, благоразумно собрав все выпав-
шие дождем воды, воспользовался ими, чтобы накрыть
обломки Атлантиды, сглаживая тем самым ущерб от
безумства брата и позволяя выжившим творениям
Урана существовать дальше.

Те из атлантов, которые бежали на окраины боль-
шого парка или прежде обитали там, сумели спастись,
рассеявшись во все стороны от провала: кто к Андам
и еще далее, кто к берегам залива, образованного Бри-
танией и Иберией, кто в Этрурию, кто к реке Нил и
ее истокам, кто к Тигру, кто к пяти рекам Индии и
плоскогорьям Тибета. Там они смешались с другими
человеческими расами всех тех оттенков кожи, что
создал мой дед. Но тучи, вырвавшиеся из огненного
цветка, поразили атлантов недугами, закрепившими-
ся в их генах, от которых и вы еще страдаете. Длитель-
ность их жизни сократилась в десять раз, рост умень-

шился и стал таким же, как ваш. Помимо этого взрыв повредил им слух, навсегда лишив способности слышать музыку сфер.

Повсюду, куда бы ни приходили атланты, они воздвигали обращенные к Урану обелиски, либо грубые, либо великолепно обтесанные, скромные или грандиозные, в зависимости от средств, которыми располагали на месте. Они хотели выразить создателю свою скорбь о его увечье и сохранить образ того, что у него было отнято. Еще они строили пирамиды в память о его дворце.

Если атлантам и удалось возвести столь высокие, столь массивные и столь замысловатые сооружения, имея под рукой одни только камни, то лишь потому, что они сохранили секреты, которые им передал Уран в счастливые дни Атлантиды. Также они повсюду воспроизводили великий небесный циферблат зодиака с его двенадцатью чудесными знаками.

В те времена я и родился.

Вторая эпоха
МОЕЙ КОЛЫБЕЛЬЮ БЫЛ КРИТ

Крон и его дети. Сущность жизни. Отчаяние Реи. Подлог. Рождение Зевса

Вопреки распространенному мнению начало моей жизни было ужасным. Мой отец пожирал своих детей. Смертные чада мои, вы приходите в этот мир лишь для того, чтобы исчезнуть; вас неумолимо забирает та же сила, что и создала; вы обречены с первого своего крика; для вас любая радость бытия — построение планов, действия, любовь — постоянно омрачена неотвязной мыслью о том мгновении, когда на вас сомкнутся челюсти времени, — вот что нас сближает и помогает понять друг друга.

А потому не удивляйтесь, что я никогда не любил отца и неизменно судил о нем без снисхождения и симпатии.

Он помнил предсказание Урана и, наученный опытом своего преступления, не доверял никакой другой тюрьме, кроме собственной утробы; туда и решил он заключить потомство, которому было суждено свергнуть его с престола.

Едва у моей матери заканчивались роды и появлялся плод, Крон тут же хватал новорожденного, розового младенца, и проглатывал.

Так пятеро моих братьев и сестер — Аид, Посейдон, Гестия, Деметра, Гера — были проглочены один за другим, даже не успев увидеть свет.

Но в таком случае, скажете вы, зачем же Крон продолжал отягощать бременем свою супругу? Не благо-разумнее ли было обойтись без жестокости и просто сдержать свои позывы к оплодотворению?

Смертные, дорогие смертные, вам ли спрашивать об этом? Разве мало среди вас таких мужчин и женщин, которые, не противясь желанию, отрекаются от его плодов еще до того, как те появились на свет, словно видят в них проклятие или предел, положенный их собственному существованию! Есть в них что-то от Крона-Сатурна.

Любой момент, который касается сущности жизни, естественным образом трагичен, потому что все во Вселенной рождается из взаимного, неудержимого притяжения двух сил, которые, соединившись, вос-пламеняют друг друга, создают третью силу и сгора-ют в ней. Но в то же время нет ни настоящей страсти, ни радости жизни, кроме как в подобном горении и ради него.

В этом и Число, и Судьбы; в этом они изначально и проявились.

Однако Крон, подобно вам, жаждал лишь беспре-станных радостей горения, но сам не желал сгорать при этом.

Ваши самые вдохновенные мудрецы говорили: «Того, кто принимает веления Судеб, боги ведут; того, кто отказывается, — тащат».

Моя мать, прекрасноволосая Рея, не одну эру про-жила в страхе. Постоянно беременная, постоянно опла-кивающая предыдущего ребенка и трепещущая за того, которого ей предстояло родить, она терпела объятия своего брата с ужасом и отвращением. И то, что она яв-ляется владычицей мира, было ей тогда слабым утеше-нием.

Вынашивая меня, мать обратилась за советом к Земле, и та соблаговолила узнать в жалобах своей дочери те же претензии, что предъявляла к собственному супругу.

Следует уточнить, что Гея значительно изменила свое отношение к Крону с тех пор, как он воцарился. Она упрекала сына за то, что тот плохо распоряжается властью, к которой она его вознесла, называла неблагодарным, потому что он, дескать, не всегда проявляет достаточное почтение к ней, хотя многим обязан. О тиранические матери, любящие в своих детях только самих себя, готовые на все, вплоть до преступления, лишь бы через них обеспечить свое превосходство, вы пытаетесь навредить своим детям, как только они ускользают из-под вашей власти! Сколько же агриппин в вашем роду!

Тем, что мне посчастливилось увидеть свет, я обязан ненависти матери к сыну.

Уловка, что подсказала Земля своей дочери Рее, может показаться не самой хитроумной; было дерзостью вообразить, будто столь грубый прием удастся.

Почувствовав, что роды близко, моя мать, закутавшись в покровы ночи, перенеслась на остров Крит и родила меня в глубине пещеры. Потом, утром, она отломила от горы огромный камень, обмотала его пеленками и, вернувшись домой, протянула сверток своему супругу, изобразив безутешную покорность. В тот момент мой отец, рассеянный из-за своих неудач, в который раз поносил циклопов. Он схватил спеленутый камень и одним духом проглотил, не заметив подлога.

Чтобы скрыть меня от глаз Крона, если у того вдруг возникнут подозрения, мать подарила мне возможность родиться в человеческом теле, которое ближе

всего природе богов и которое позволяет раскрыться нашим дарованиям. Издали меня вполне можно было спутать с человеческим детенышем.

Итак, я был спасен. Велениям Судеб предстояло свершиться.

Позже, уже проявившимся богом, я никогда не забывал своего первого воплощения, всегда был отмечен им. Владыка богов, вольный явиться в любом обличье по своему усмотрению, я охотнее всего выбирал ваше, чтобы исполнить свои задачи, испытать свои горести и радости. Я бог человека, не забывайте об этом.

Крит. Гора Юхтас. Пещера Психро

То, что я буду рожден на Крите, было предначертано. Мое изображение, видимое далеко с моря, существует там издавна, с начала времен, возвышаясь над островом. Моряки вам его покажут, оно прямо по курсу, если, подплывая с севера, вы собираетесь пристать в Ираклионе. Вы также увидите его, если, высадившись на южном берегу, двинетесь дорогой, что поднимается к Ахарнам. Никогда ни с бога, ни с человека не создавалось более грандиозного изображения, нежели это, воплотившее мое будущее. Это гора, и называется она Юхтас.

Моего тела не видно; оно не извлечено из толщи камня и времени. Только голова вырисовывается на фоне неба — огромный, словно спящий профиль. Мои глаза закрыты. Нос не уныло загнут книзу, но с округлым кончиком, чувственный и поднятый к небесам. Окладистая, ухоженная борода обрамляет губы и мягко стелется по пологому склону к ближайшим горам.

Это Уран велел сторуким высечь изображение, чтобы любоваться ликом своего еще не рожденного внука, грядущего повелителя богов, и чтобы он однажды был узнан людьми. Вот почему с начала моего правления эта гора называется также Зевсовой Головой.

Я люблю Крит и по-прежнему благодарен ему. Его золотистая земля, покрытая мехом диких трав, долгие месяцы томящаяся от зноя, напоминает мне своим оттенком лоно рыжеволосой красавицы, лежащей на солнце.

В эпоху Тельца я одарил этот остров сотней процветающих городов и наставил на путь знания; я сделал его царей могущественными властителями и поселил их в удивительных дворцах; я наделил его художников гением создавать образы, что до сих пор остаются неиссякаемым источником для размышлений. Крит — звено между вашими воспоминаниями и вашими надеждами. Я привел туда превосходного зодчего Дедала, изобретательного Дедала — и плавщика меди, и скульптора, и прилежного инженера. Именно там он соорудил для себя и своего сына крылья. Именно там, на моем родном Крите, ваш род обрел возможность летать.

Пещера, где я родился, прячется на крутолобых высотах горы Дикта, над селением Психро. Богам легко туда спуститься, а вот человек взбирается с трудом, сквозь колючие заросли, по едва проходимым тропинкам, где камни срываются из-под копыт мулов. Лето источает там запах диких трав, а воздух всегда немного дрожит, будто колеблемая ветерком завеса.

Это мое первое святилище, но приходят к нему лишь редкие паломники.

В пещере царит липкая сырость. Камень слезится, оплакивая время, застывающее в длинных, словно гигантские клепсидры*, сталактитах, известняковых колоннах этого вечного, сотворенного природой храма. Проникая через расщелину, солнечный луч про-

* Клепсидры — прибор для измерения времени у древних.

ливаает рассеянный свет на зеленоватый свод. Надо спускаться, спускаться и спускаться — на две тысячи пядей — в непроглядную ночь земли.

Кто возьмет в руку восковой огарок и с дрожащим огоньком ступит на эти глыбы, служившие опорой моей колыбели, тот пройдет по миру более твердым шагом.

Кто углубится в этот мрак, тот по возвращении различит в свете новую ясность.

Кто погрузится в это абсолютное безмолвие, тот отныне в любом шуме сумеет расслышать мой голос.

Кто омоет лицо в темной, таинственной, маточной воде из глубины пещеры, тот обнаружит, возрождаясь в себе самом, новые и верные желания и будет наставлен на путь истинный.

И если он действительно мой сын, потомок моего рода, то на выходе из пещеры ему явится нимфа Амалфея, которая переплетет его пальцы со своими и склонит к его устам свой поцелуй.

Нимфа Амалфея. Коза. Куреты. Пчелиная нимфа

Было первое утро моей жизни. Едва одетая, коротковолосая и босоногая, Амалфея легким шагом поднималась в гору на восходе солнца. Услышав детский плач и двигаясь на звук, она обнаружила в пещере младенца. Именно Амалфея выкормила меня.

Не сама, конечно, хотя и поговаривали, что сама. Дорогая моя малышка! Нимфа-подросток — какое молоко она могла извлечь из своих едва округлившись розовых грудок? Она сходила за козой в селение Психро и, ведя животное за рог, привела к пещере. Позже, когда я начал лепетать, я называл одним и тем же именем и нимфу, и козу, полагая, что есть только одно название для того, что мне приятно. Так недоразумение и сохранилось в веках. Было это во времена Козерога.

На следующую ночь моя мать Рея украдкой вернулась, беспрестанно оборачиваясь из страха, что Крон пустился вдогонку. Она обнаружила меня сытым, спящим, с капелькой молока на губах. Сквозь расщелину в пещеру проникал свет луны, находившейся в первой четверти. В углу лежала коза. Подле меня сидела на страже неусыпная нимфа.

Видя хранительницу, которую послали мне Судьбы, Рея поведала ей шепотом свой секрет, сообщив все, что меня касалось. Мать засыпала Амалфею множест-

вом советов и наставлений, потом, вся в слезах, вернулась в первое проплывавшее мимо облако и вновь исчезла.

Амалфея заботилась обо мне днем и ночью. Нимфа была подобна самой юности, склонившейся над детством. Она вдруг обнаружила в себе потребность защищать, умилившись маленьким богом, что дремал в пухлом, незащитном тельце младенца.

Мои глаза открылись, и я увидел стройные, мускулистые, почти мальчишеские бедра юной горной нимфы. И если я так любил потом белокурых женщин, то, быть может, в память о лоне Амалфеи, простодушно открытом моим первым взорам. Но я любил и столько других...

Амалфея опасалась, как бы мой ужасный отец не узнал вдруг о существовании сына. Она стала прибегать к наивным хитростям. Например, когда ей приходилось оставлять меня ненадолго, подвешивала плетенку из ремешков, в которой я лежал, к дереву, чтобы Крон, затеяв поиски, не мог меня найти ни на земле, ни в море, ни в небе.

Второстепенные природные божества втайне всегда заодно; а потому Амалфея обратилась к своим кузенам куретам — отпрыскам Океана, молодым демонам, которые были изгнаны с острова Эвбея за то, что слишком уж там шумели.

Покурлесив на многих островах, они обосновались на Крите, неподалеку от города Кносс. Амалфея попросила их заглушить мои крики, которые своей мощью вполне доказывали, что я отнюдь не заурядный ребенок. И всякий раз, когда мне охота было поорать, куреты затевали дикую пляску, грохоча копьями по большим бронзовым щитам, которые им подарила мать,

Комбе, дочь речного бога Асопа. Они это проделывали постоянно, пока у меня резались зубы.

У Амалфеи была сестра Мелисса — нимфа пчел. Она умела говорить с пчелами, ухаживала за ними, брала на руки, направляла к самым душистым цветам. Она и ходила-то не иначе как в сопровождении пчел, и ее поступь всегда окружало золотистое облако. Один рой она поселила у входа в пещеру, и мед, который источали пчелиные соты, стал моей второй пищей.

Начав ходить, я какое-то время не понимал, почему Амалфея окружила меня столькими запретами. Мне не позволялось отдаляться от пещеры или приближаться к обрывам. Если солнце припекало слишком сильно, следовало держаться в тени листвы, а если появлялось угрожающего вида облако — немедленно возвращаться назад. В грозные и туманные дни Амалфея стояла под навесом скалы и с тревогой вглядывалась в завесу дождя или пелену тумана.

Дорогая моя Амалфея! Она не знала, что злодеев легче всего обманывает отсутствие сомнений в собственной жестокости. Камень, отягчавший желудок Крона вместе с моими братьями и сестрами, внушал ему уверенность.

Рог изобилия и радость дарения. Царь Мелиссей; первые жертвоприношения

Поскольку я был рожден в человеческом облике, то и рос как человек. Однако уже выказывал незаурядную силу. Как-то раз, когда я играл с козой, один из ее длинных и винтообразных, как у островных коз, рогов вдруг остался у меня в руках — я нечаянно его отломал. Улыбаясь, я протянул рог Амалфее. Это был первый дар, который я ей преподнес, а потому и не понял, отчего нимфа приняла его с таким волнением, осыпала поцелуями, прижала к груди. Но, видя ее радость, я открыл для себя божественную радость дарения.

Амалфея пользовалась пустотелым рогом, собирая в него ягоды с кустов и плоды с диких деревьев. Она всегда набирала доверху, а по возвращении вытряхивала свою добычу, и та грудой вырастала в траве. Каким лакомством, каким пиром была кисловатая или медовая мякоть в погожие дни, у входа в пещеру!

Рог изобилия, о котором вы так мечтаете, по-прежнему в руках Амалфеи. Нимфе достаточно опрокинуть его и встряхнуть, чтобы оттуда посыпались плоды счастья. Но Амалфея расточает их только тем, в ком распознает моих сыновей — по какому-нибудь дару, который они непроизвольно делают ей, повинувшись душевному порыву, совершенно бескорыстно, даже бесцельно.

Амалфея — царская дочка. Она сообщила об этом, когда мне было семь лет, пояснив заодно, что такое царь. Да уж! Ну и сюрпризы порой преподносит нам жизнь! Ведь царская порода не всегда украшена венцом, порой она скрывается и под кургузым крестьянским платьем. По поступкам и по сердцу надо узнавать государей, а не по их убору, если не хочешь наделать ошибок.

Отца Амалфеи звали Мелиссеем, это он тогда правил на Крите. Его супруга, принадлежащая к первому поколению нимф, происходила от моего деда Урана. Из-за этого сыновья Мелиссея были смертными, а дочери нет. Амалфея и ее сестра Мелисса скучным дворцовым обязанностям предпочли простую сельскую жизнь. Мудрый царь-отец не стал их неволить и даже поздравил себя с этим, когда позже узнал, чему они посвятили свою свободу.

Этот Мелиссея был также первым человеком, который позаботился о жертвоприношении богам, обращая в дым (поскольку это единственный способ доставить подношения на небеса) несколько голов скота из своих стад и что-нибудь из прочего имущества.

Быть может, это повод напомнить вам, смертные, что жертвовать не значит обязательно убивать, как вы в конце концов решили. Жертвовать — значит с признательностью поделиться тем, что имеешь; не лишать себя всего, а лишь отделить часть и безвозмездно раздать в благодарность за то, что было тебе даровано.

Долгие годы мудрецы, которым сама мудрость мешала владеть чем-либо, и бедняки, лишённые Судьбами средств к существованию, питались мясом баранов и быков, которых приносили в жертву богам. И ни мудрец, ни бедняк не испытывали унижения от этих да-

ров, да и царь не пыжился от гордыни, ведь вертела крутились в нашу честь. Это было отнюдь не милостыней, но всеобщим благодарением, где и государь, и жрец, и богатый, и убогий объединялись, чтобы почтить божественные даяния.

Если первые жертвы выбирались из домашнего скота, то лишь потому, что Мелиссе́й был царем-пастухом, а его богатство щипало полевую траву. Вы вполне можете следовать его примеру и не будучи владельцами стад. Благочестие ведь не в баране, а в самом подношении и его разделе.

В том и проявилось величие царя Мелиссея. Да будет чтимо его имя, избегнув забвения.

Отрочество. Тревоги и первые желания

Когда Амалфея сочла, что мой разум уже достаточно развит, она открыла мне, кто я такой, какое будущее мне уготовано и от каких опасностей я должен себя уберечь. Так начались годы ожидания, тревожные годы, соединившие конец моего детства с началом отрочества.

Я знал, что я бог, но пока не имел божественных возможностей. А потому направлял свое бесплодное нетерпение на то, чтобы ломать деревья, крушить камни или просто мечтать. Бесконечными часами сидел я в горах и, обхватив руками колени, глядел на сверкающее вдали море, воображая себе день, когда смогу наконец доказать миру, что я Зевс. Если только этот день когда-нибудь настанет...

В то же время я терзался страхами из-за угрозы, которую представлял для меня отец.

Ладно еще быть проглоченным во младенческой дреме. Но исчезнуть уже сформировавшимся, мыслящим, полным сил, воли, надежд... Ужасная перспектива. Никогда страх вернуться в небытие не бывает таким мучительным и навязчивым, как в этом переходном возрасте, когда существо, уже сознавая скрытые в нём силы, еще не может ими полностью распоряжаться.

Ночи стали моей пыткой. Изводивший меня страх не давал уснуть. Иногда я внезапно просыпался, задыхаясь, и чувствовал себя совершенно разбитым.

Амалфея видела, как я мучаюсь, и сама страдала оттого, что ничем не может помочь.

Забывчивые взрослые, не говорите, что отрочество — чудесная пора. А если оно вам и впрямь кажется таким, значит, вы мало что сделали в зрелости.

Все в моей судьбе казалось мне несправедливым. Я не знал своей матери. Чтобы не подвергать опасности ни меня, ни себя, она больше не возвращалась. Я был ребенком, оставленным на попечение природы, и чувствовал себя обездоленным и одиноким. У меня не было друзей; я и не мог их иметь, и не хотел. Остров казался мне тюрьмой, я только и ждал, когда смогу вырваться оттуда.

В какой-то миг я вдруг возненавидел Амалфею. Ее советы, наставления, заботы, ее старания меня расшевелить, даже сама ее преданность стали мне невыносимы.

А потом, вскоре, я возжелал ее.

Мы почти сравнялись в возрасте. Она все еще была старше меня, но не на много лет.

Это началось как-то днем, когда она разогревала листья тимьяна в своих ладошках и давала мне дышать их запахом. Вдруг я увидел ее так, как никогда раньше не видел: прелестный выпуклый лобик, быстрые взмахи ресниц над голубыми глазами, нежный рисунок чуть капризных и чувственных губ, изящная линия затылка, в золотистом невесомом пушке которого словно запутался свет...

Мне показалось, что я никогда прежде не видел и не знал Амалфею. Я почувствовал, как меня накрыла

странная волна, всколыхнув сердце неведомой силой, одновременно тревожной и радостной.

Что в этот миг делал на Крите предок Эрос? Где таился? В веточках тимьяна, в ритмичном и вкрадчивом шуршании змеи или просто в солнечных бликах?

Амалфея тоже смотрела на меня и, казалось, тоже была удивлена. Ее взгляд медленно скользнул с моих глаз на мою грудь, которую оживляло учатившееся дыхание, потом еще ниже, ее лицо внезапно залилось румянцем. Она быстро вскочила, помахала ладошками, словно хотела стряхнуть с них запах; потом, подобрав рог изобилия, Амалфея побежала к зарослям, чтобы нарвать нам плодов и ягод.

И так было всякий раз, когда она замечала в моих глазах тот же взгляд или другие признаки желания: она тут же придумывала какую-нибудь причину отлучиться.

Стоило мне произнести ее имя чуть хрипловатым голосом, как Амалфея спешила закрыть мой рот рукой, словно я отвлекал ее мысли от какой-то важной заботы.

Вечерами она занимала мой ум, расписывая мои грядущие божественные свершения.

Одно время я думал, что у нее любовь с каким-нибудь сатиром или другим природным божеством мужского пола. Стал выслеживать, но никого не обнаружил.

Наши первые порывы удивляли нас самих и, признаться, нуждались в поощрении. Но поскольку мои чувства так и не получили подкрепления, я в конце концов убедил себя, что Амалфея — чуждая любви нимфа и то, чего я желал, ей непонятно или неприятно.

Мы пережили тогда странные месяцы, когда за каждым невольным касанием следовало поспешное от-

ступление, когда в каждом из моих слов подразумевался второй смысл, который Амалфея упорно не желала слышать.

Чтобы израсходовать обжигавшие нас силы, мы как сумасшедшие бегали наперегонки через весь остров. Я был юным мускулистым богом, хотя уже тогда немного тяжеловатым. В беге на скорость я никогда не был особенно силен. Так что нимфа легко держалась вровень со мной, а порой даже обгоняла. Мне удавалось побеждать ее только на больших дистанциях.

Мы немного утратили нашу былую осторожность, и если Крон не заметил нас, когда мы гонялись друг за дружкой по холмам или, запыхавшись, со смехом падали в траву, то лишь потому, что он вообще не смотрел на людей, не опасаясь ничего, что могло бы предстать в их облике.

Мы спускались к побережью, к пляжам, устланным песком или гладкой галькой, которая крутилась под ногами, словно каменные яички, и бросались в море, теплое, как наши тела.

Солнце спускалось на отроги из резной меди.

О Амалфея, как же ты была прекрасна, лежа навзничь в воде: лоб увенчан золотом, лоно окутано прозрачным, отливающим синью муаром, плавно движущиеся ноги искрятся звездной пылью!

Я злился, глупец, думая, что Амалфея отдается морским стихиям, и, ревнуя, кричал, чтобы она вернулась.

То, что ни в один из таких дней она не поддавалась, доказывает скорее ее мужество, нежели мою проницательность.

Как видите, история моей влюбленности начинается с сожаления. Но с сожаления столь благотворного!

Отрочество легко принимает любовь за некий подвиг и быстро привыкает им удовлетворяться. Совер-

шенный слишком рано, он отвращает и от дела, и от власти, подменяя их собой, вместо того чтобы стать наградой и знаком отличия.

Амалфея знала решение Судеб на мой счет и уважала бога, которого взрастила. Уступи она моим и своим желаниям, я бы так и остался прикован к человеческой оболочке и челюсти времени сомкнулись бы на мне.

Сыны мои, не входите слишком юными в пещеру Психро. Созрев немного, вы извлечете там больше уроков.

Нимфа Амалфея, все такая же девушка-подросток, по-прежнему блуждает в тех местах. Если она увлечет вас за скалы или прильнет к вам на песчаном берегу, не составляйте слишком низкого мнения о ней и слишком высокого о себе; просто примите божественный дар, который достался вам по доверенности. Ведь это меня она ищет в ваших объятиях — вечно.

Смерть козы. Изготовление Эгиды. Уход с Крита

И вот выкормившая меня добрая коза умерла, в возрасте, которого заурядные козы не достигают. Нас это опечалило, Амалфею даже больше, чем меня, поскольку она увидела в этом знак, указывающий на скорые перемены.

На циферблате эпох, который вращается в противоположную земным годам сторону, Козерог уступал свое место Стрельцу — времени битв.

С помощью острого камня Амалфея-нимфа освеживала Амалфею-козу.

Это был мучительный и отталкивающий труд, но Амалфея заявила, что он должен быть исполнен. Отказавшись от моей помощи, она сняла шкуру и вымочила ее в некоем определенном источнике, затем оттерла избранными травами и повесила сушить в горах, в особом месте, где встречались ветры четырех сторон света. Потом нимфа натянула шкуру на две скрещенные ветви, которые срезала с гибких и крепких деревьев, и оставила на семь ночей размягчаться от росы и на семь дней твердеть на солнце.

Утром восьмого дня, блестя глазами от слез и гордости, Амалфея вручила мне щит из козьей шкуры, сделанный ее руками.

Это была Эгида.

Едва зажав в левом кулаке перекрестье ветвей, я почувствовал, как расту, увеличиваюсь, ширюсь, вздымаюсь, растягиваюсь — безмерно, как случается порой во сне, но только с теми, кто происходит от меня. Я вернул себе свою божественную природу. Мои ноги упирались в корни мира, голова касалась высочайших облаков. Предо мной по поверхности моря расстилались все острова Греции — столбовая дорога для поступи грядущих цивилизаций.

Я видел Амалфею, стоявшую у входа в пещеру с рогом изобилия в руках. Ее поднятый вверх взгляд искал меня повсюду, но уже не находил.

И я зашагал, ведомый тем безошибочным чутьем, которым наделены боги и перелетные птицы. В несколько шагов, оттолкнувшись от мыса Сидерос, я покинул Крит — родину моего детства, — ступил на Кассос и Карпатос, коснулся ногой Родоса, пролетев над округлым заливом у Линдоса, и, двигаясь дальше по великому островному тракту, продолжил свой путь на север.

Третья эпоха

ЛЮБОВЬ – ШКОЛА ЮНОСТИ

Метида-Осторожность. Ее советы. Вручение зелья

Первое встреченное мною божество сидело на небольшом острове и так хорошо сливалось с ним в свете уже клонящегося к закату солнца, что я чуть не прошел мимо. Это была богиня. Вытянув одну ногу, богиня касалась кромки моря, волны ласкали ее ступню. На другой, подобранной ноге покоилась рука богини. Спиной она опиралась о гряды холмов, ее темные волосы можно было принять за сосновый лес. Ей довольно было бросить взгляд поверх вершины островка, чтобы обозреть все пространство за горизонтом.

Я назвал свое имя. Она долго смотрела на меня миндалевидными глазами, такими же темными, как и волосы. Кожа у нее была смуглой, а груди чуть тяжеловаты. Богиня задала мне множество вопросов, следя за моим голосом и обдумывая мои ответы, прежде чем сообщить, что она — моя двоюродная сестра, Метида, или, если предпочитаете, Осторожность, дочь Океана и Тефиды. Выяснилось, что богиня как раз поджидает меня.

Я поведал Метиде, что отправляюсь на завоевание мира, попросил оказать мне помощь и дать хороший совет. Но она велела мне умолкнуть и дожждаться ночи.

Чтобы как-то занять время, я спросил, есть ли у нее дети.

Она ответила:

— Я Осторожность.

Потом я поинтересовался, видя, что ей по меркам богов лет около тридцати, не желает ли она обзавестись супругом. Она дала тот же ответ и добавила:

— Я многим отказала.

Затем, увидев, что я сел и отложил Эгиду в сторону, заметила строго:

— Держи ее при себе.

Лишь когда совсем стемнело, Метида стала расспрашивать меня, как я собираюсь свергнуть своего отца. Вскоре она поняла и заставила понять меня, что, несмотря на множество честолюбивых замыслов о переустройстве мира после победы, у меня нет ни малейшего плана насчет самой битвы.

— Отвага и мужество ничему не послужат, если ты как следует не подготовишься. Как бы ты ни был силен, войну без союзников не выигрывают. А лучшие твои союзники заключены в утробе твоего врага.

Все это она сказала очень тихо, при этом будоража море ногой, чтобы шум волн заглушил наш шепот.

Запустив руку в расселину меж скал, она выгатила оттуда большую раковину с какой-то темной жидкостью, наверняка выделенной животными или морскими растениями.

— Возьми это зелье, — произнесла Метида, — и дай проглотить его Крону, чтобы он извергнул твоих братьев. И поторопись: сделать это надо до утра.

Я встал и немного поколебался, не зная, в какую сторону двинуться. Метида омочила палец в море, как с тех пор делают все моряки, и определила направление ветра.

— Всегда скрывай свое приближение, — добавила моя кузина Осторожность. — Скользи вместе с ветром.

Крон вынужден извергнуть своих детей. Его бешенство

Мой отец спал среди густых облаков. Лежал он под поясом зодиака, но неудачно: коленями к Тельцу, а головой вровень со Скорпионом. Он вовсе не показался мне ужасным и чудовищным, каким я его до этого себе представлял. Он был даже красив; на какое-то время это сбило меня с толку.

Я, бог светлый и розовокожий, уже тогда знавший, что расположен к полноте, позавидовал его поджарому, жилистому телу, таинственному челу, надменному носу с горбинкой, длинным, смуглым, красивым и таким властным рукам, мускулистой груди, животу без складок... Если слишком внимательно вглядываться в своего спящего соперника — рискуешь размякнуть. Я растерянно стоял и думал: может, поладить с отцом и разделить с ним власть?

Но тут, видимо почувствовав мое скрытое присутствие, он задвигал челюстями во сне.

Я более не колебался и, улучив момент, когда он снова приоткрыл рот, вылил ему в глотку рвотное снадобье, врученное Осторожностью.

Мир в то утро содрогнулся шесть раз подряд, можно было подумать, что гибнет еще одна Атлантида. Сначала Крон выблевал камень, которым меня подменили, и тот вонзился в землю у подножия Парнаса.

Только теперь отец увидел подлог, но его бешенство лишь усилило последующие спазмы. Нагнувшись к земле, всякий раз сотрясаясь от боли, раздирающей его внутренности, он изверг одного за другим всех своих братьев и сестер. А поскольку они были бессмертны и их суть за время черного заточения продолжала развиваться, то, едва вернувшись на землю, они немедленно приобрели свой окончательный рост и всю свою взрослую мощь.

Ваша история, дети мои, дает вам схожие примеры. Свобода никогда не умирает в глубине темниц.

Обезумев от гнева и страха, Крон весь день носился по земному шару, пытаясь покарать свою супругу, обманувшую его доверие, и уничтожить ускользнувших детей, в первую очередь меня — главную, как он теперь знал, угрозу своему владычеству.

Бабка Гея предоставила моей матери и сестрам убежище в недрах гор. Брат Аид спрятался в какой-то пропасти, другой мой брат, Посейдон, нашел приют у нашего дяди Океана. Что касается меня, рисковавшего больше других, то я вернулся к Метиде на ее скалу. Она укрыла меня своей тенью. В какой-то миг мимо пронесся Крон. Он был очень близко, и я испугался, решив, что отец меня обнаружил. Но Метиде показала ему рукой в сторону слепившего глаза солнца, и он продолжил свой яростный бег, втоптав пятками несколько островов и выбив на поверхность несколько новых.

Потом на нас снова спустился благодатный вечер.

Вторая ночь с Метидой. Рождение Афины

Проводя вторую ночь друг подле друга, мы с Метидой вдруг ощутили великое желание соединиться. Будучи самой Осторожностью, Метида тем не менее не утратила свое женское естество. Богиню влекла ко мне оказанная ею помощь, а меня к ней — мой первый по-двиг, совершенный по ее совету. Она так же хотела стать моей первой любовницей, как я дерзал стать ее первым любовником.

Однако сначала Метида попыталась ускользнуть — не только от меня, но и от себя самой. Жадно желая любви, она оставалась такой недоверчивой! Богиня пряталась в пенной бахrome волн, в прибрежном песке, в дуновении ветра; но я разгадал все ее уловки. Когда любишь, нет на свете ничего, в чем бы ты не узнал свою любовь. Видя, что я тоже способен превратиться во что угодно, лишь бы настичь ее, Метида уступила, с удовольствием признав поражение.

Но ее природа брала свое, и она сказала мне:

— Думай о том, что делаешь. Я рожу от тебя ребенка. Надо, чтобы он помогал тебе, а не завидовал, поддерживал, а не вытеснял. Ты должен зачать дочь. Думай о дочери, которую хочешь сотворить.

Тогда я постарался представить себе эту дочь: сильную, наделенную и мужеством, и благоразумием, способную сопровождать меня в моих грядущих битвах,

преданную моей славе и моим трудам. Что до осмотрительности, то это добро она сполна должна унаследовать от своей матери. Мое воображение рисовало дочь в золотом шлеме, опирающуюся о древко копья, чтобы держаться прямее.

Так из моей головы Афина попала во чрево Метиды. Мозг был настолько полон этими мыслями, что о наслаждении я практически не позаботился и испытал скорее удивление, нежели блаженство.

Некоторые утверждали (или путая меня с моим отцом, или чтобы опорочить перед вами, надевая жестокостью), будто я проглотил Метиду, когда та была беременна. Это ложь. Ложь также, будто я велел своему сыну Гефесту расколоть мне череп, чтобы выпустить оттуда Афины, — по той единственной и простой причине, что славному Гефесту, двадцать пятому из моих детей, было тогда весьма далеко до рождения.

Я задумал Афины, зачиная ее, и тем самым по-настоящему породил; именно так следует понимать высказывание, что она появилась из моей головы в полном вооружении.

Раз уж я решил быть до конца откровенным с вами, слушайте, что было дальше.

Той же ночью, когда я захотел с тем пылом, с которым юность расточает силы, снова почтить свою кухню и уже приступил к делу, находя в нем гораздо больше отрады, чем в первый раз, Метиды внезапно высвободилась.

— Остерегайся нечаянно породить сына, — сказала она. — Появившись слишком рано, он будет тебе обузой. Его нетерпеливые поступки могут опорочить твою власть, которую тебе еще предстоит завоевать. Если не хочешь, чтобы тебя свергли, обзаводись сыновьями только тогда, когда твоя власть надежно утвердится.

Богиня заметила мою досаду и поняла, что я не готов удовлетвориться словами. Тогда она решила утолить мое желание, склонившись к нему, как нимфа склоняется к роднику.

Прежде чем заснуть, я услышал, как она в последний раз шепнула:

— Я Осторожность.

Наши первые возлюбленные оставляют в нас глубокий отпечаток. Потом мы сами метим других.

Смесь влечения и сдержанности, которую мне всегда внушала ранняя юность, у меня от Амалфеи; а тем, что вопреки множеству легкомысленных поступков меня называют осторожным, я обязан Метиде.

В положенный богам срок родилась Афина, точно такая, какой я замыслил ее.

Моя дочь Афина красива, высока, но чуть грузновата телом, надо это признать. Свои гордые и сильные черты она в изрядной степени унаследовала от меня. От матери у нее внимательность и спокойствие. Прежде всего она богиня Разума. Благодаря таким ее качествам, как рассудительность, верность суждений и решений, а также столь естественная склонность к руководству, я порой поручаю ей улаживать от моего имени людские споры. Поскольку она храбрая воительница, я часто вручаю ей Эгиду, которая делает своего носителя неодолимым. Афине неведомы чувственные увлечения, что несколько не удивляет, если вспомнить об обстоятельствах ее зачатия. Она восхищается мною столь безмерно, что даже не захотела обзавестись супругом, ведь никто из предлагавших ей руку и сердце не был похож на меня. Афина ведет себя так, будто осталась девственной, она и была бы таковою на самом деле, если бы не злополучное приключение, случившееся у нее с одним из братьев, о чем я поведаю в другой раз.

Состояние человека перед войной богов. Наличные силы. Поиск союзников

Борьбе, которую я начал против Крона, предстояло продлиться, как в приготовлениях, так и в битвах, десять лет — десять вселенских лет, поймите правильно, каждый год из которых, исполняя полный оборот Великого Циферблата, длится чуть более двадцати четырех тысяч ваших лет.

Подсчитайте сами: не столько ли прошло между тем временем, когда у вас в руках не было других орудий, кроме расколотых камней, и тем, когда при моем правлении у вас появились прекрасное бронзовое оружие, золотые украшения, флейты, ткани и законы для ваших городов? А в течение всего правления Крона вы словно блуждали в ночи.

Я знаю, вас удивляет, что ваш род сумел скатиться от золотого века к этой убогой темноте. К существованию счастливых времен Атлантиды вы относитесь недоверчиво, поскольку от нее ничего не осталось; и если бы не зодиак и таинственные приемы строительства, о которых свидетельствуют ваши древнейшие монументы, даже сама мысль об этом была бы для вас недопустима.

Задайтесь вопросом, что могло бы сохраниться через двести сорок тысяч лет от ваших нынешних методов, возможностей и трудов, если бы сейчас вдруг стряслась другая гигантская катастрофа? Какие следы остались бы от ваших искусств, жилищ, машин,

завоеваний? Как бы ваши далекие потомки узнали, что вы были способны строить жилые башни высотой в тысячу пядей, освещать их без пламени и дыма, спускаться в водные глубины, летать по воздуху и, наконец, сосредоточить в своих руках такие энергии, высвободив которые можно разнести в пыль и свои творения, и самих себя? Где бы они нашли ваши расчеты? Где бы смогли прочитать вашу историю? Через сто тысяч лет даже самый твердый из металлов, выплавленный вашей промышленностью, снова станет минералом. Будет ли возможность хотя бы поверить в то, что вы существовали? Поостерегитесь, повторяю вам, поостерегитесь!.. Вы отнюдь не первая человеческая раса, населяющая планету; вы пятая. О четырех других, что были до вас, помнит только история богов. Вот почему она близко вас касается.

Но вернемся к нашему предмету. Итак, я десять лет готовил войну против моего отца.

Десять лет бога или десять лет человека — в любом случае это время, необходимое юности, чтобы заявить о себе, завоевать свое место, утвердить свои права. Тот, кто позволяет этим десяти годам пройти без отваги, бунта или тяжелого труда, готовит себе унылую зрелость. Его жизнь, бедная свершениями, весьма похожа на небытие.

Думая сейчас о том, чем был мир, когда я ринулся его освобождать, я говорю себе, что неопытность — порой необходимое условие успеха. Не старики устраивают перевороты; а если они вдруг и возглавляют их, значит, мечтали об этом в свои двадцать лет.

Моя затея на первый взгляд могла показаться безумной. Какие союзники у меня были? Два моих брата — юные боги, такие же новички, как и я, нимфа, оставленная в горах Крита, да моя кузина Осторожность на своем острове, думавшая только о том, что-

бы утаить оказанную мне поддержку. Таково было мое воинство.

Зато Крон и его братья титаны располагали абсолютно всеми силами и божествами Вселенной. Жизнь и смерть, огонь и мороз, ветер, великие усилия земли, производившей плоды и богатые урожаи,— все им принадлежало, все было им подчинено. Гиганты, родившиеся из раны Урана и ставшие наемниками своих старших братьев, повсюду сеяли ужас, поддерживая тиранию, которая была выгодна только им. О человеке даже не будем и говорить; он был так закабален и запуган, так тяжело трудился, чтобы выжить, что ощущал себя рабом всей природы.

Но властитель по-настоящему является властителем только при согласии тех, кем правит. Уже то, что Крон нуждался в таких приспешниках, как гиганты и фурии, навязывая свой закон, вполне доказывает, что он отнюдь не всеми был принят с удовлетворением.

Как только стало известно о моем существовании, тайная, но живучая надежда разнеслась по всему мирозданию. И едва появилась робкая мечта об избавлении от ига, этот гнет тотчас же показался всем, кто его терпел, еще более ненавистным.

Первая хорошая новость пришла от моего дядюшки Океана, который дал понять, что если начнется борьба между моим отцом и мной, то он воздержится от участия. Так он меня поддерживал. Доказывая свое доброе расположение, он согласился, чтобы его супруга Тефида приняла к себе мою сестру Геру; а одна из их дочерей, Кефира, предложила моему брату Посейдону убежище на острове Родос.

Итак, одну из четырех стихий я к себе привлек. Все, что имело в своей сути жидкость,— моря, реки, озера, ручьи, а также божества, которые ведают водами и населяющими их существами,— было готово перейти на мою сторону. О моем приходе шептали все родники.

Но мне была нужна и другая помощь. Ее предоставили главным образом богини.

Все видели, как жестоко Крон обращался с моей матерью, Реей. Титаны, за исключением Океана, обходились со своими супругами точно так же; а гиганты наемники старались им подражать. С помощью этого насилия мужское начало хотело возобладать, стать абсолютom, и все, что присуще женской природе, — грация, мягкость, нежность, вдумчивость — презиралось или осмеивалось. Богини жили в полной зависимости, и только страх перебивал их тоску. Мою влюбленную в свободу юность богини встретили благосклонно. Я любил их, и они не оставались в долгу. Они даже не сердились на то, что я не был верен ни одной. Меня хватало на всех, а дело было общим.

В то время мои порывы влекли меня по преимуществу к тем из бессмертных, кто более всего мог помочь в борьбе и предложить самый полезный союз. Пусть меня не осуждают и не делают выводов, будто я лишь изображал любовь ради выгоды. Это было бы весьма узким и весьма ложным взглядом. Любую богиню, которая предоставляла мне знание, оружие или поддержку, я искренне любил.

Вы сами в итоге жалуете титул великой любви одним лишь всепожирающим страстям, которые опустошают тех, кто их испытывает, и ведут к бездействию или расстройству, самоотречению и прочим видам отчужденности. Вы прилагаете к любви все обозначения огня, говорите о ее тлении, об искре, пламени, горении, даже о золе. Однако любовь не только пламя, это еще и кузнечный горн. Любовь обжигает, конечно; но любить — значит гореть друг в друге для того, чтобы вместе созидать.

Фемида. Местоположение Дельф.

Два камня

Когда мы расставались, Осторожность сказала мне:
— Советую тебе для начала повидаться с нашей теткой Фемидой.

Ради этого я достиг берега, который вы называете Атикой, перешагнул перешеек и двинулся по берегу Коринфского залива. Титаны, должно быть, разыскивали меня в других частях света, поскольку вода в этом заливе была прозрачной и спокойной и все вокруг наводило на мысль о счастье. Поднявшись в горы, я достиг длинной, таинственной и трагической расселины: долины в виде уст, но искривленных, словно готовых исторгнуть стон. Это место называлось Дельфы.

Фемида, недвижимая и нагая, стояла между двумя скалами Федриадами, Рыжей и Пламенеющей, отвесные стены которых отбрасывали на нее, словно гигантские зеркала, лучи солнца.

Ее волосы, разделенные на прямой пробор, симметрично обрамляли правильное лицо. Брови были одинаковыми, ноздри тоже; меж сосцами ее грудей можно было провести идеальную горизонталь. В каждой из раскрытых ладоней богини лежало по камешку. Они были одинаковыми по весу, и Фемида старалась держать их на одном уровне.

— Видишь,— произнесла она печально,— больше мне нечем занять себя.

Покинув свои гнезда, с карниза красной скалы взлетели орлы. Птицы стали кружить над моей головой, осеняя своим парением, словно великолепным подвижным венцом.

— Они тоже тебя узнали,— заметила Фемида.— Ты мой племянник Зевс. А я Закон.— Потом она добавила, показывая на местность перед собой: — Здесь моя мать Гея изрекала свои прорицания. Здесь и мне назначено изрекать свои. Но кому они сегодня нужны, кто захочет внимать им?

— Я хочу,— ответил я.— Хочу выслушать тебя и набраться мудрости.

Я узнал от Фемиды общие законы Вселенной, из которых вытекают все остальные. Узнал, что справедливость, хранительницей которой она является, должна поддерживать равновесие между противодействующими силами, должна двигать каждым поступком, каждым творением. Я узнал, что порядок, основывающийся на принуждении,— всего-навсего лжепорядок.

— Нельзя властвовать лишь ради того, чтобы властвовать,— говорила Фемида.— Власть не самоцель. Взгляни на ошибки своего отца и на несчастья, в которые он вверг Вселенную. Навязывать себя, а не предлагать — лишь пагубная гордыня; и даже освобождение не послужит ничему, если не помышлять о справедливых мерах, которые должны за ним последовать. Умей подготовить то, что ты предложишь миру.

И мы подготовили.

Моя тетушка Фемида и любви упорно предавалась стоя. Более того, она не хотела выпускать из рук два круглых камешка, даже во время наших соитий стараясь сохранять равновесие.

Когда я попытался ее уложить, она, подкрепив отказ сопротивлением упругой груди и прекрасных гладких плеч, ответила:

— Закон принимает скипетр, но никогда не ложится под него.

Фемида отнюдь не была строптивой, равно как и робкой. Она отдавалась просто, но сохраняла неподвижность; была ничуть не холодна, но внимательна и уж менее всего бесчувственна. Думаю даже, она, наоборот, наслаждалась вдвойне, бесстрастно наблюдая за расцветом собственного сладострастия. Так она мне доказывала, что любовь тоже умственный процесс и что трезвость ничуть не умаляет экстаза.

Не такой молодой бог, как я, быть может, и устал бы совершать в одиночку эти вертикальные усилия. Но для меня они были лишь вторым боевым опытом; и эта высокая, прямая, златобедрая богиня, застывшая изваянием, лишь на первый взгляд пассивная, только ради полного обладания собой и партнером, и согласная на все, лишь бы остаться неколебимой, еще больше обостряла мое желание.

Три раза в день: на заре, в полдень и на закате — и три дня подряд орлы, царственно паря над самыми нашими головами, увенчивали наше гигантское соприяжение.

Я по-прежнему хранил в памяти совет Метиды-Осторожности: «Дочери, одни только дочери, пока ты не царь».

Времена года и мойры

Итак, в первый день мы с Фемидой за три световых часа зачали трех гор. Они — времена года — зовутся Эвномия, Дике, Эйрена, то есть Благозаконие, Справедливость и Мир. Афиняне также называют их Расцвет, Рост и Плод, что тоже верно.

Первенцы от союза Закона и Власти, горы, с одной стороны, следят за размеренностью растительного цикла, а с другой — за упорядоченностью людских сообществ. Эти сдвоенные обязанности ничуть не противоречат друг другу.

Природа для человека — школа мудрости, и тот, кто заботится об урожае, знает цену всему.

Мои дочери горы, времена года, идут по полям и улицам, каждая держит цветок в руке. Смертные, что же вы не следуете их примеру?

Хоть простой полевой, хоть редкий, цветок всегда тайна, красота и уже сожаление. Он зовет к восхищению, следовательно, и к благодарности; побуждает к мысли, а стало быть, к терпимости. Он краткий миг счастья, хрупкое совершенство и потому внушает умеренность в движениях и взвешенность в поступках. Я довольно часто вижу, смертные мои чада, как вы с гордостью сжимаете оружие или кошелек, но слишком редко замечаю цветы в ваших руках.

На второй день мы с Фемидой зачали трех других дочерей: Клото, Лахесис, Атропос. Вам они хорошо известны. Вы называете их мойрами или парками. Среди вас они имеют мрачную репутацию, из-за последней дочери, Атропос, которую вы проклинаете, так как ей поручено перерезать нити ваших жизней.

Но приходит ли вам когда-нибудь в голову поблагодарить Клото за то, что она вытянула из огромного сероватого клубка предвечной кудели первый клочок вашей неповторимой судьбы? Не хочется ли вам облобызать ей за это руку?

Не считаете ли вы чудом, что в великой лотерее жизни, среди многих миллиардов чисел выпало ваше? Родиться, дети мои, — значит быть избранныком!

А Лахесис, самая деятельная, самая хлопотливая из всех божеств, дорогая, вечно усталая Лахесис, которая не знает ни отдыха ни сна, — о ней вы когда-нибудь подумали? Ведь это она сучит нить, накручивая ее на свое веретено. Легко сказать! Вам невдомек, каково это — непрерывно следить за нитью жизни, добавлять волокна, когда нить истончается, свивать потуже, когда вы изо всех сил пытаетесь ее растрепать, и проворно схватывать узелком, чтобы не позволить ей оборваться. Кто не дает вашей повозке врезаться в роковое дерево, посылает нежданного спасателя, когда вы тонете, отклоняет метательный снаряд от вашей артирии? Лахесис, все та же Лахесис.

Если вам и случается думать о ней, вы способны представить себе только одну нить меж ее пальцев — вашу собственную. Однако у нее таких более двух миллиардов — и то лишь пока, ведь Клото беспрестанно подбрасывает ей все больше работы.

Два миллиарда нитей, два миллиарда веретен! Если вы представите себе этот непомерный труд, кото-

рый Лахесис взвалила на себя, тогда поймете, почему я не советую вам бездумно плодиться, а советую быть внимательнее к своим затеям, питанию, к малейшему из ваших шагов, призываю не угрожать друг другу своим оружием.

Быть может, для столь обширной задачи я должен был породить больше мойр. Но в начале моего царствования их число казалось мне достаточным; я еще не знал, что вы так размножитесь, стремясь жить. Увы, нельзя все предусмотреть; да и сама Фемида, заботившаяся лишь о троичности сил порядка, не предвидела этого.

Смертные дети мои, не обвиняйте мойр. Они не Судьбы, они всего лишь смотрительницы. Они, словно неусыпные таможенницы, стоят на границе той области, где кончаются ваше понимание и моя воля.

Геспериды

Тем не менее на третье утро (предвидя вопросы, которые такие упрямцы, как вы, не преминут задать) я спросил у Фемиды:

— Что ты знаешь о природе Судеб? Они случайность или преднамеренность?

Богиня долго молчала, устремив золотые глаза на зарю, которая показалась над горами, затем тоном оракула возвестила:

— Судьбы — неизбежность в непрерывном творении мира.

Даю вам мгновение подумать... Готово? Ладно. Те из вас, дети мои, кто понял, могут расспросить о своем пути у гесперид.

В тот день мы с Фемидой зачали трех гесперид: Эглу, Эрифию и Аретусу Вечернюю — еще трех нимф-таможенниц, но будущего.

Местом их жительство я избрал разрозненные остатки садов Урана. Там они заботятся о деревьях с золотыми яблоками, которые мой дед вырастил для атлантов.

Вершина, часто заснеженная, что возвышается над главной оранжереей гесперид, называется Атлас. Надо увидеть эту южную оранжерею в серебряном свете зимней ночи, чтобы понять, что такое сад. Но есть и

другие оранжереи, почти столь же дивные. Они рассеяны на западе Африки и дальше, вплоть до островов Океана.

Эгла возделывает яркие лимоны, желтые, как солнце в утреннем небе. Эрифия следит за толстощековыми и золотистыми, словно южные звезды, грейпфрутами. Аретуса срывает апельсины цвета заката.

Разломите эти плоды, своей округлостью напоминающие миры. Их мякоть искусно поделена на дольки, как дневные часы и земные месяцы; их сок — основная суть силы.

Больше всего геспериды известны благодаря тому, что их посетил мой сын Геракл.

Их обязанность — направлять путника в его движении к будущему, будь то человек или бог; они нимфы открытия, которое расширяет знания о Вселенной и о законах, что ею правят. Они не сидят подолгу на одном месте и спешат туда, где зарождаются великие мысли. Видели, как они прогуливались вдоль Нила, когда Пифагор, Геродот, Платон — цвет вашей расы — один за другим направлялись к храмам Верхнего Египта. Видели, как геспериды купались на пляжах Сицилии, когда Архимед, другой потомок моего сына Гермеса, предавался там размышлениям. Прослушав отчет о вашей истории за время моего сна, который я повелел сделать, я стал догадываться, что геспериды частенько навевались даже в окрестности Палоса, Кадикса или Тахе во времена Колумба, этого внучатого племянника Посейдона.

Каждый вечер, держа по золотому плоду, три геспериды оказываются в какой-нибудь точке западного побережья и, достигнув оттуда берега погибшей Атлантиды, смотрят, как медленно опускается солнце. Они принимают решения на завтрашний день.

Этот час — самый удобный для желающих воззвать к гесперидам.

Надеяться — значит задумывать на пороге ночи труды предстоящего дня. И преуспевают в жизненном приключении лишь те, кто каждое утро готов претворить свои вчерашние замыслы в поступки.

Может, мы с Фемидой немного устали к третьему дню? Должен признать, что у гесперид нет ни силы, ни точности движений, которыми отличаются их старшие сестры — горы и мойры. Даже сами их черты прорисованы не так четко. В своей деятельности они проявляют некоторую вялость, и часто приходится переспрашивать по нескольку раз, чтобы добиться ответа. Не ждите, что геспериды четко проложат ваш путь, и еще менее надейтесь, что они замостят его. Геспериды лишь укажут направление, а это не убережет вас от блужданий в песках.

Уход из Дельф. Прорицание Геи

Я покинул Дельфы в час, когда засыпают орлы. Фемида попросила меня вернуться, когда мне самому будет что проричать. Я искренне пообещал исполнить эту просьбу.

Я достаточно охотно представлял себе, как проведу свою божественную жизнь рядом с Фемидой. Ее прекрасная неподвижность, спокойная уверенность давали ощущение защищенности, равновесия и безмятежности. Чего еще желать?

Так нам случается, особенно в юности, давать обеты, которые со временем перерастают в сожаление о том, что мы их дали или что нарушили их. Такие обещания — знаки мимолетной усталости, которая ослабляет наше воображение. В этот миг мы соглашаемся видеть другого таким, каким он видит себя сам, то есть единственным во Вселенной. Он становится средоточием, сутью, убежищем. И мы грезим об отдохновении в тех самых объятиях, которые вызвали нашу усталость.

То, что верно для существ, верно также для дел, которые мы выбираем. Усилия, посвященные им, силы, которые мы на них тратим, ограничивают наш кругозор и вынуждают видеть только их...

Углубившись в извилистое ущелье, чтобы выйти из долины, я вдруг услышал голос, низкий и мрачный, который произнес:

— Вижу, тут обращаются ко всем, кроме меня.

Вздвогнув, я стал тщетно вглядываться в окружающую меня тень. На какой-то миг я даже испугался, не отец ли это притаился за какой-нибудь горой. Но голос был женский, и он продолжал:

— А я ведь старше этих малявок, что учат тебя умуразуму. И тоже изрекаю предсказания, да подольше, чем они.

— Кто ты? Где ты? — спросил я, озираясь.

— Неблагодарны те, кто не узнает меня! — гремел голос.— Если бы не я и не мой совет твоей матери скрыть твоё рождение, ты не был бы сейчас таким большим и сильным и не забавлялся бы, хоть лежа, хоть стоя, с девчонками из моего потомства.

Тут до меня дошло, и я вскричал:

— Бабушка?! Так это ты, бабушка? Но где же ты?

— Под твоими ногами.

Я бросился на землю, восклицая:

— Спасибо тебе, дорогая бабушка Гея! Не знаю, как выразить свою благодарность!

— О! Я не ради тебя старалась. Я сделала это наперекор другим.

— Прости мое удивление, — продолжал я.— Если я не сразу обратился к тебе, то лишь потому, что Фемида мне сказала, будто ты уже не занимаешься прорицаниями.

— Моя дочь Закон вечно корчит из себя всезнайку...

Тут я услышал долгое ехидное клохтанье в глубинах Земли.

— Впрочем, все мое семейство только и желает, чтобы я молчала,— добавила Гея.

— Но не я, бабушка, не я!

Последовала довольно долгая пауза. Я прижал ухо к камням. Был ли этот доносившийся снизу глухой гул дыханием Земли? Или то были ее тайные размышления? Наконец голос снова долетел до меня:

— Ты сможешь одолеть своего отца, только если освободишь сторуких и одноглазых.

В то время я совершенно ничего не знал о сторуких и одноглазых, даже слова эти мне были неизвестны. Не знал я также, что прародительница Гея, ревнуя к собственному потомству и пребывая в скверном настроении, натравливала одних своих отпрысков на других и всегда была готова ненавидеть того, которому прежде помогала одержать победу.

— Бабушка, а кто такие сторукие и одноглазые и где мне их отыскать? — спросил я.

— Это уж твоя забота, мой мальчик. Я и так поведала тебе достаточно.

Я настаивал, ждал, но тщетно; больше ничего не смог от нее добиться. Наверняка Гея уже злилась на меня. Я встал и, озадаченный, снова двинулся в путь.

Больше мне не довелось непосредственно общаться с праmaterью Землей. Но какие бы трудности впоследствии ни доставлял мне ее непостоянный нрав, я не могу недооценивать главную услугу, которую она мне тогда оказала.

Источник забвения. Встреча с Памятью

Я шел вперед сквозь ночь, ища укромное место, чтобы поразмыслить и выспаться. Двигался я в сторону Востока, думая, что, быть может, восходящее солнце сделает яснее темное прорицание Земли. И в самом деле, как раз на этом пути в голове моей просветлело, но не от солнца. Вразумило меня другое. То, чего мы желаем по-настоящему и ради чего готовы сделать усилие, рано или поздно приходит к нам, но всегда не так, как мы себе представляли.

Пройдя около двухсот ваших стадий, я попал в ущелье гораздо более узкое, чем Дельфийское. Со всех сторон там шумели, журчали, лепетали и перешептывались ручьи. Казалось, там сошлись все голоса вод. Дивно прозрачный воздух был напоен несравненной сладостью. Млечный Путь над скалами был так густо насыщен звездами, что можно было обрисовать его контур: длинную богиню, томно вытянувшуюся в своем искрящемся сне.

«Какое прекрасное место — Земля, — думал я. — Спасибо, бабушка!»

Однако при этом я испытывал грусть, какое-то чувство удрученного одиночества. Блаженство вполне может окрашиваться смутной тоской, оттого что нам не с кем его разделить. Я подумал о Фемиде. Почему

я не попросил ее сопровождать меня, зачем оставил ждать меж двумя утесами?

Когда я лег, ко мне вернулись некоторые из детских страхов. Я уже не был так уверен в своих будущих победах.

Запахи травы, в которой я вытянулся, напомнили мне об Амалфее.

Дорогая малышка Амалфея! А что, если я когда-нибудь разыщу тебя на родном острове и оставлю при себе?

Вытянув руку, я удостоверился, что Эгида рядом. Осторожность...

Да, в ту ночь я испытывал некоторую усталость.

Придвинувшись к ближайшему ручью, я низко склонил голову к воде и позволил ей струиться по моему лицу. Словно божественно легкая и прохладная рука коснулась моего чела. Я припал к ручью и стал пить долгими глотками. Никакая другая влага никогда не казалась мне столь сладостной. Я тотчас же заснул.

Не имею понятия, как долго я проспал. Одну ночь богов — семьсот тысяч ваших? Или только время одной человеческой жизни? Не знаю. Когда я проснулся, солнце прошло уже добрую часть своего пути. Все вокруг отливало голубизной. Прозрачный купол неба — голубой; узкий поток, пробивающийся водопадами меж серо-голубых камней, — голубой; голубые ключи, бьющие в голубой тени деревьев; сине-голубая листва, водоросли и кресс-салат; голубоватое серебро гольшей под мерцающей водой; голубая светящаяся дымка, рисующая очертания далеких гор; и голубые, еще более голубые, чем все остальное, склонившиеся надо мной глаза.

Я сел.

— Где я? И кто я?

Великая тревога охватила меня, поскольку я совершенно не помнил ни как, ни когда я сюда попал. Не помнил больше ни одного своего поступка, ни одного лица, ни одного места. Не помнил больше ничего, даже как меня зовут. Осталось только туманное впечатление, что я жил, — как вы смутно осознаете, проснувшись, что видели какой-то сон.

Голубые глаза, продолжавшие смотреть на меня, сощурились с выражением ироничной нежности, и богиня, которой эти глаза принадлежали, сказала мне:

— Ты утолил жажду из источника забвения. Его вода вытекает из Леты, ее пьют души умерших, чтобы забыть о земной жизни, и души тех, кто возвращается на землю, опять получив тело, чтобы забыть о загробном мире. Так каждое существо может верить, что у него новая душа, хотя ее почерпнули из общих запасов его вида и Вселенной. Однако каждый прав, веря, будто у него особая душа, потому что на какое-то время он и впрямь уникален.

Я слушал, но не совсем понимал. Прежде всего я пытался вспомнить свое имя.

— Этот источник полностью стирает прошлое как живых, так и бессмертных. За время сна ты отсутствовал в себе самом. Ошибки, страхи, сожаления, которые препятствуют знанию и действию, растворились. А теперь попей из другого источника, вот из этого. Он мой.

Я подчинился. И тотчас же ощутил, как меня наполняет безбрежная ясность, некий абсолютный свет, который исходит не от солнца, а от меня самого. У меня возникло впечатление, будто я располагаю огромным хрустальным устройством, способным полностью отражать мир во всем его протяжении и движении, мир, тысячи прозрачных колесиков которого только и ждут, чтобы заработать.

— Я твоя тетка Память,— произнесла богиня.

Она говорила девять дней подряд...

Старшая дочь моего деда Урана, Мнемосина-Память, была так же красива, как ее сестра Фемида, но более раскованна и непринужденна. Сквозь прозрачную кожу на сгибе ее руки проступал рисунок вен, похожий на сеть рек и ручьев. А когда она встряхивала своими белокурыми волосами, казалось, что вздымается звездная пыль. Ее голос был песнью, речь — музыкой.

Она говорила девять дней. Я никогда не встречал ни богини, ни смертной, которая была бы способна говорить так долго, ни разу не упомянув о себе. Этим она научила меня, что важность, которую мы себе придаем, создает внутри нас преграду для знания и что мы были бы лучшими зеркалами в мире, если бы поменьше любовались собственным отражением.

Однако Память носила в себе и тайную боль. Не могла ли забыть случившиеся при ней драмы, тосковала ли по своей прекрасной погибшей Атлантиде или страдала от долгого одиночества меж двух источников?

Все, что я знаю о происхождении нашего рода и что поведал вам в начале этого рассказа, я слышал от Памяти.

Она говорила девять дней; и девять дней я заворуженно внимал ей. Надо ли напоминать вам еще раз, что эти дни исчисляются для вас тысячелетиями?

Девять ночей мы любили друг друга. Казалось, моя белокурая тетушка сжимает в объятиях сожаление о своем исчезнувшем отце.

Мы породили девять дочерей.

Музы, их природа и обязанности

Хотя вы, смертные, часто не можете назвать дочерей Мнемосины по именам, однако числите их среди божеств, с которыми, как вам кажется, вы ближе всего знакомы, вернее, вы думаете, будто они ближе всего знакомы с вами. Я мало вижу среди вас тех, кто, взяв несколько уроков танца или игры на кифаре, или единожды встав на котурны на школьной сцене, или продекламировав в отрочестве несколько строф, не считал бы себя отмеченным какой-нибудь из муз. То же самое с каждым, кто, если его послушать, лишь из-за нехватки времени еще не написал захватывающую драму, каковой представляется ему собственная жизнь, или фарс, который он видит в жизни остальных.

Это совершеннейшее заблуждение. Да, музы смотрели на всех вас, на одного за другим, но отнюдь не глазами любовниц. Они смотрели на вас так, как хорошие хозяйки выбирают птицу на рынке: «Не эта, не эта...» Или как былой управляющий покупал новых рабов для имения: «Покажи-ка глаза, теперь руки. Если будешь хорошо работать, отпустят на волю». Они вас изучают с заботой сержанта, набирающего рекрутов, и тех, кого считают годными для исступления и одиночества, соблазняют обещанием: «Вас будут превозносить как богов». Беда в том, что эти из-

бранные не боги, но всего лишь люди, видящие сны богов. Отсюда, из разлада этих двух натур, и рождаются их произведения, а также их муки...

Вы поймете, какого рода беседы вели мы с моей тетушкой Памятью в первый день, если я вам скажу, что старшей из наших девяти дочерей стала дивногелосая Каллиопа, муза эпической поэзии. Каллиопа ведаёт легендами, традициями, берущими свои истоки в самых давних воспоминаниях как вашего, так и моего рода. Она хранительница мифов, в которых содержатся основы и символы всего, что по существу и по праву наследства вас касается. Она вдохновляет на песни и назидательные рассказы, которые помогают вам понять свое место во Вселенной. Каллиопа — мать Орфея, которого она родила от своего сводного брата, моего сына Аполлона.

Клио, муза истории, была зачата во вторую ночь. Ей надлежало быть помощницей своей матери и вести учет всего, что осуществится на земле во время моего правления. Но Клио я не совсем доволен. В юности она была достаточно строптивой и пряталась за спиной своей старшей сестры, перекладывая на нее свои обязанности. Сколько великих деяний, свершенных на заре разных народов, было сочтено выдумками, поскольку о них вам сообщила Каллиопа, а не Клио! Подозреваю, что Клио была увлечена моим сыном Аресом (или Марсом, как вам нравится его называть), поскольку долго обращала внимание лишь на грохот сражений. Она сохранила имена военачальников, осаждавших Фивы, но проглядела, кто изобрел лебедку или блок, лестницу, наугольник, кирпич и цемент, замок свода, папирус. Конечно, эти люди были божественными посланцами, но ведь с человеческими руками!

Лишь когда мой сын Гермес доставил письменность, Клио немного оживилась в своей работе. Но, с самого детства зараженная высокомерием, она интересовалась больше государями, чем народом. Какой-нибудь ткач заслуживал ее внимания, если только убивал царя. Ревнуя к почестям, которые оказывали Каллиопе, Клио желала блистать, нравиться, а потому старалась польстить сильным мира сего и заморозить толпы. Тем не менее с возрастом она стала замечать свои ошибки и, словно раскаиваясь в былом легкомыслии, захотела их исправить. Пересмотрев все свои заметки, она ужаснулась при виде множества пропусков, заполненных более воображением, нежели проверенными фактами. Теперь ее не остановишь. Она отмечает все, как грандиозное, так и бесконечно малое, проверяет, сравнивает, делает выводы, вторгается в любую область, включая область Фемиды. Клио охотно выдала бы себя за нечто более значительное, чем даже я сам.

Бедняжка Клио! Не стоит слишком ее порицать. У нее редко были любовники, которых она желала, и это не улучшило ее нрав. Арес предпочел ей Полигимнию, ее сестру.

Третьей ночью, когда мы зачали Полигимнию, музу священных песнопений, Память как раз просветила меня насчет власти, которую приобретают звуки, если модулировать их согласно некоторым ритмам. Есть такие, что пробуждают храбрость, стирают страх боли и даже ужас смерти; одни подкрепляют усилия, другие исцеляют недуги души, усыпляя страдания тела; есть такие, что подавляют сознание, но есть также и те, что расширяют его, готовя дух к экстазам созерцания. Полигимния ведает чарами, которые пробуждают божественное начало.

На четвертый день моя тетушка Память до того почувствовалась от воспоминаний об Атлантиде, что глаза ее при виде всего живого — летающего, бегающего, растущего или цветущего вокруг нас — постоянно затуманивались слезами.

— Так и вижу Урана в тот день, когда он вдохнул воздух в некоторые водоросли, чтобы они могли плавать, — рассказывала она. — Взгляни на этого скарабея, ползущего в пыли; он был первым наброском человеческого черепа.

Когда спустился вечер, Память произнесла:

— Послушай звезды. Атланты слышали, как они вращаются.

В ту ночь была зачата Эвтерпа, флейтистка. Она муза ветра, что дует сквозь свирель, муза воздуха, что дрожит под тронутой струной. Она располагает числовыми вариациями, напоминающими те, что использовались при творении видов, и предоставляет земным ушам некое подобие музыки сфер. Да она и есть сама Музыка.

Пятый день, которому предстояло отметить середину нашего союза, стал также его апогеем. Мнемосина казалась совершенно счастливой; она любила и чувствовала себя любимой. Мы достаточно познали друг друга, чтобы начать понимать, но нам еще было что открыть друг в друге. Мнемосине хватало позы, жеста, движения пальцев, направления взгляда, чтобы сообщить мне то, чему она хотела меня научить. Мы воспринимали все природные гармонии, и это наполняло нас ликованием. Мы кружили вокруг себя и вокруг друг друга. Она была землей, а я солнцем. Я восхищался, что Память осталась столь живой, столь юной и столь легкомысленной. Я опрокидывал ее на мое колено, и ее волосы почти касались земли: она

была водопадом, а я утесом. Я поднимал ее на вытянутых руках к свету: я был деревом, она соком и листвой. Ее раскрытая чашей ладонь изображала цветок, а сжатый кулак становился образом плода. Наша дочь Терпсихора — муза танца. Ее имя означает полноту бытия.

После стольких прыжков и скачков следующий день стал днем праздности и некоторой истомы. Мы по-прежнему любили друг друга, но уже не с таким неистовством. Раза два-три я заметил, что Память начинает повторяться, и догадался: оставаясь с ней слишком долго, я заскучаю. Когда мы прогуливались в голубой долине, переплетя пальцы, я сказал:

— Когда стану царем, в память о нашей любви велю основать неподалеку отсюда город. Его назовут Ливадия — город у источников. Твои паломники смогут там останавливаться.

Я выразил эту мысль, чтобы сделать ей приятное и засвидетельствовать свою благодарность. Но Память поняла, что я скоро уйду, и ее печаль вернулась. Каждый из нас думал о себе.

В ту ночь на ее теплом плече я искал скорее нежности, чем сладострастия. Но Память сама научила меня, что слова обладают властью пробуждать желание, поддерживать и продлять наслаждение. Так была зачата Эрато, муза, которая ведаёт лирическими и элегическими произведениями, выражающими счастье и несчастье жизни, сладость и боль любви, сожаление о скоротечности бытия — чувство каждого перед Вселенной. Также Эрато вдохновляет и направляет эротическое воображение. Она навсегда отказалась от какой-либо одежды; нагота кажется ей более удобной.

На седьмой день я спросил у Мнемосины, как лучше добраться до сторуких и одноглазых, чтобы осво-

бодить их. Поскольку мои личные воспоминания вернулись, я мог определить место этих существ в летописи мира. Больше не нужно было ломать голову: «Почему то-то и то-то пришло мне на ум? Что означает такая-то встреча или такое-то событие?» Благодаря Памяти я стал воспринимать связи и сцепления, то есть научился распознавать их, а стало быть, делать выводы, рассуждать, мыслить...

Услышав мой вопрос, Память испугалась.

— Тебе в самом деле необходимо их освободить? — поинтересовалась она в тревоге.

Я повторил ей прорицание Геи.

— Знаю, все знаю, — сказала моя тетушка. — Но неужели мне опять придется запоминать драмы, падения, опустошения и катастрофы?

— Не ты ли сама учила меня, что все создается из столкновения двух сил? Мир несчастен под иггом моего отца...

— ...и дело дошло до того, что только насилие может избавить его от несчастья. Знай же, что циклопы и гекатонхейры заключены в Тартаре. Тартар же — полая сердцевина мира, отсутствие проявленных вещей, безнебесность, антижизнь, впадина, содержащая лишь пустоту. Тебе будет страшно, когда ты попадешь туда. Дверь, за которой содержатся сторукие, заперта на девяносто семь запоров, а ключ находится в бесконечно малом.

Поразмыслив какое-то время, я шепнул:

— Понял.

— Тогда никому не открывай того, что ты понял. — Память задумалась и добавила: — Только бы твой переворот пощадил мою голубую долину. Если погибнет ее содержимое, ни ты, ни любой другой бог не в силах будут его восстановить.

Плодом той ночи стала Мельпомена, муза трагедии, в которой предстает столкновение противоборствующих неизбежностей.

А утром восьмого дня Память решила смеяться над всем. Не для того ли, чтобы подбодрить меня перед грядущим испытанием? Ведь стоит чуть-чуть изменить ход наших мыслей, и то, что составляло драму, уже кажется нам смехотворным.

Смех, как и страх, рождается из необычного: из прерывания ритма, из ошибки в расположении чисел природы или мысли. Если вы чувствуете исходящую от этой ошибки угрозу, к вам приходит страх. Напусти на вас львиноголового человека, и вы уже дрожите, потому что боитесь льва. Но при виде человека с ослиным хвостом затрясетесь от хохота, ведь ослиный зад вас не пугает, и эта необычность — в вашу пользу.

То же самое с ошибками вам подобных, с их причудами и слабостями, которые им же доставляют неприятности. Вот почему в театре вы так цените комедию. Смех для вас — привычный способ утвердиться в собственном превосходстве; хотя истинное превосходство состоит в том, чтобы уметь посмеяться над самим собой. Трезвая и насмешливая Талия была зачата в восьмую ночь.

На девятое утро Память проснулась более серьезной, чем когда-либо. Весь день она говорила со мной только о человеке.

— Присматривай за ним; это шедевр моего отца, незаконченный шедевр. Он не успел довершить его. Мечтал, что человек будет его другом; однако друг — всегда равный. Уран унес свою мечту на небо; но комбинации человеческого Числа еще не исчерпаны. Постарайся, чтобы человек возвысился до этой мечты.

Я обещал Памяти позаботиться об этом. Наша последняя дочь была названа Уранией, в память о проро-

дителе. Она муза математики, астрономии, физики, биологии. Урания — упорная, любознательная, многоученая и пунктуальная исследовательница, чей взор проникает в невидимое, измеряя и галактику, и атом, рассчитывая пути бесконечности. Великолепно разбираясь в алхимии, она беспрестанно комбинирует результаты своих открытий; и она же поэзия, потому что, обнаруживая незамеченные прежде связи, изъясняется символами и беспрестанно изобретает собственный язык. Своим циркулем Урания вычерчивает круги прогресса.

В эту последнюю ночь, после зачатия Урании, сон бежал от нас. Тогда Память в первый и единственный раз стыдливо заговорила о себе.

— Существовать только ради того, чтобы помнить, — грустное счастье, — сказала она. — Память годится лишь для созидания. Вот мы и создали. Теперь я буду помнить...

Она поцеловала меня в лоб, но скорее как мать, а не как любовница.

«Если я предложу Памяти взять ее в жены? Если пообещаю вернуться и хранить ей верность?» — подумал я в одном из тех лживых порывов великодушия, пустота которых заранее известна.

Она, должно быть, угадала мою мысль, поскольку добавила:

— Я слишком стара для тебя. Я удержала тебя, насколько возможно, дав все, что только смогла. Твоя судьба ведет тебя к другим.

В серый рассветный час, когда мысль засыпает, подобно самой Памяти, которая казалась заснувшей, я раздвинул пушистые белокурые волосы, чтобы в последний раз полюбоваться ее лицом. В свете занимающегося дня стали заметны тонкие звездообразные

морщинки, прочерченные у ее виска. Там высыхала слеза. Я бесшумно удалился.

Ах, Память, наилучшая воспитательница! Я пришел к тебе еще подростком, а ушел взрослым. Осознав это, я был тронут.

Дети мои, когда в поисках обломков минувших веков вы отправитесь из Афин в Дельфы, остановитесь в голубой Ливадийской долине и испейте из обоих источников.

По соседству гора Геликон, которую я подарил девяти сестрам; они относятся к ней как к дому своего детства и любят там встречаться. Одна дочь что-то изучает в тени сосен, другая декламирует, обратившись к горизонту, третья пишет. Среди кустов под флейту Евтерпы танцует Терпсихора. Сестры позволяют смотреть на себя. Но ни одна не выберет вас, чтобы разделить труд и честь творчества, если вы изначально не были вразумлены их матерью. То, что вы называете изучением гуманитарных, то бишь человеческих, наук, это в первую очередь изучение божественного.

Не бойтесь найти Память постаревшей. Морщинки Памяти по сравнению с протяженностью времен — веков моего царствования — совсем тонкие; они ее почти не тронули.

Скажите Памяти, скажите ей, что я ее помню.

«А теперь в путь, к Тартару!» — говорил я себе, спускаясь по склонам. Я шел широким шагом и полной грудью вдыхал воздух, пытаюсь справиться с волнением из-за ухода и побороть тревогу о том, что меня ожидает. Вскоре я достиг побережья, сплошь изрезанного мысами и уютными бухточками, где воды особенно спокойны. Этому побережью еще предстояло называться Алкионским морем*.

Итак, я шагал, вонзая пятки в песок, когда услышал оклик:

— Зевс! Братец Зевс!

Голос доносился с моря. Я заметил какую-то богиню, стоявшую по пояс в воде. Она махала мне руками.

Я приложил палец к губам, поскольку не пришла еще пора так громко произносить мое имя, но беспечная богиня продолжала звать меня. Жестом я пригласил ее присоединиться ко мне на берегу.

— Не могу! — крикнула она мне. — Не могу выйти из воды. Ты должен мне помочь. Зевс! Зевс! Двоюродный братец!

Издали она выглядела очень красивой, вдвойне красивой. Я хочу сказать, что ее обращенные к свету живот и грудь отражались в волнах, создавая еще один образ, перевернутый и словно колеблемый содроганиями любви.

* Внутренняя часть Коринфского залива.

Посмотрев на солнце, я определил час. Чтобы до вечера достичь Тартара, времени было достаточно. Мое любопытство находило вполне оправданное извинение: требовалось срочно утихомирить эту крикунью и не дать ей переполошить титанов.

Поэтому я вошел в море и приблизился к богине. Разочарован я не был. Трудно найти тело столь же прекрасное, как у нее. Скрученные мокрые волосы богини были переброшены через плечо, словно медная коса, капли воды мерцали на груди подвижными жемчужинами.

— Я Эвринома, Щедрая Доля, сестра Метиды, — представилась она.

У нее были большие, широко распахнутые глаза, а взгляд одновременно умоляющий и испуганный.

— Смотри.

Богиня легла на воду. Ниже бедер ее тело было рыбьим. Эвринома снова выпрямилась и пояснила:

— Я дочь Океана, когда-то была женой гиганта Офиона, одного из этих гадких прислужников Крона. Мы поселились на Олимпе. Как прекрасно нам жилось! Так прекрасно, что Крону самому захотелось там обосноваться. Офион пыжился от гордыни, видя, что его господин перебрался к нему. И Олимп стал логовом жестокости и тупого зверства. Офион в своем угодливом тщеславии во всем подражал Крону. А тот не любит своего брата Океана. И этого оказалось достаточно, чтобы Офион решил от меня отделаться. Меня обманывали, обижали, издевались, истязали. Оба лютых зверя только смеялись, помыкая мной хуже, чем последней служанкой. В конце концов они прогнали меня пинками и камнями. Я укрылась у своих родителей и, не помня себя от горя, умолила их сделать меня такой, чтобы навсегда остаться в морской стихии. Как ты думаешь, еще можно меня любить — такую?

Эвринома повисла у меня на шее, обхватив мокрыми руками; я чувствовал, как ее плавники обвивают мои ноги. У ее губ был странный вкус, свежий и солоноватый. Ах, благоразумие! Ах, обещания! Ах, верность! Я повернул голову, и мне показалось, что я различаю над гребнем гор голубой взор Памяти. И трех часов не прошло, как мы с ней расстались. Что ж, пора ей привыкать, раз предназначение Памяти — все видеть...

Морская стихия — отъявленная сводня. Поддерживая ваше тело, она подпускает ласку к самым чувствительным местам; ее волны навязывают ритм желаний. Разгоряченное туловище, холодные плавники — я не слишком сопротивлялся. В конце концов, я ведь шел на войну...

— Что за гигант этот Офион? — спросил я Эвриному через некоторое время.

— Жуткая скотина, — ответила она. — Ненавижу себя за то, что сносила его. Никогда не испытывала с ним того, что испытала в твоих объятиях; никогда, клянись тебе.

Неужели она воображала меня уже столь пылко влюбленным, что старалась успокоить мою ревность? Мне было вполне безразлично, что она принадлежала другому. Просто я собирал сведения об одном из тех врагов, с кем собирался сражаться.

— У тебя были от него дети? — поинтересовался я.

— Трое. Но чтобы больше походить на Крона, Офион их сожрал.

— Это кстати, — вырвалось у меня.

Неосторожно было высказывать эту мысль вслух, поскольку Эвринома тут же воскликнула:

— Хочу других!

— Что ж, девочка у тебя наверняка уже есть, — отозвался я, чтобы она успокоилась.

— Еще одну, хочу еще одну. Я была бы так счастлива!

Ее мягкие плавники снова обвилились вокруг моих бедер. Я посмотрел, как далеко солнце продвинулось по небу.

Уткнувшись головой в мое плечо, Эвринома прошептала:

— Потом мы будем жить на Олимпе. Ты прогонишь оттуда Офиона и заберешь туда меня. Мы будем наслаждаться счастьем. Обещай, что мы будем жить на Олимпе!

— Ну да, ну да, — поддакивал я.

— Будем прогуливаться среди кипарисов.

— На Олимпе есть кипарисы?

— Нет, но внизу есть. Мы будем спускаться туда вечером. Ты будешь носить меня на руках. Кипарисы — это так красиво!

— Очень, очень красиво; это самое красивое дерево.

Бедняжка Эвринома! Несчастья помutilи ее рассудок. Что ей делать на горных вершинах? Бить по облакам своим рыбьим хвостом? Но быть может, она вовсе не обманывала себя, а просто отдавалась грустной отраде заведомых иллюзий.

Все же ей удалось достаточно меня тронуть, а моря — достаточно укачать, чтобы я во второй раз откликнулся на ее желание.

Но как только я подумал, что можно уже и улизнуть, она тотчас снова заголосила:

— Зевс, братец Зевс, ненаглядная моя любовь, не покидай меня! Не покидай меня!

На какой-то миг я почувствовал симпатию к ужасному Офиону.

Эвринома извивалась, вздымая водяную пыль и брызжа слезами солонее самого моря. Я по-прежнему опасался, как бы титаны не услышали мое имя. К чему

только не вынуждает нас чужой страх! Пришлось в третий раз успокаивать это буйство. Мой порыв к наслаждению уже изрядно ослаб, и Эвринома могла прочесть в моих глазах разве что мысли об убийстве. Это и положило конец ее пылким домогательствам.

— Ты не понимаешь меня,— вздохнула она плаксиво.— Ведь я Щедрая Доля. Я хочу лишь отдать тебе всю себя и все остальное без остатка.

— Лучшее из того, чем ты могла бы меня одарить,— заметил я,— это твое молчание и моя свобода.

— Ты пожалеешь обо мне. Никогда ты не встретишь другую богиню, способную излить на тебя столько любви.

— Ты меня успокоила, Эвринома. Чуть меньше — в самый раз.

Тут она уткнулась лицом в подушку волн, чтобы заглушить свои рыдания.

Сознаюсь, Эвринома была лишней любовницей. Я бы не много потерял, обойдясь без нее. Даже не могу сказать, что благодаря ей я научился остерегаться других сирен, поскольку осторожность этого рода наименее бдительна и многообразие обличей этих женщин усыпляет. Женщины-рыбы, женщины-птицы, женщины-змеи, женщины-насекомые... Как вы заметили, иную свою природу они всегда проявляют ниже пояса.

Меня тревожили дети, которых Эвринома должна была произвести на свет. К счастью, все три дочери ногами пошли в отца. Когда потребовалось дать им имена, мне немного не хватило воображения. Я назвал их Аглая, Евфросина и Талия — имена, похожие на те, что уже были даны другим дочерям.

Аглая, Евфросина и Талия всегда неразлучны, всегда обнимают друг дружку за плечи, причем одна всегда обращена в противоположную от двух остальных сторону — это вполне доказывает их малую пригод-

ность для какой-либо деятельности. Они три хариты, иначе грации; их красота может сравниться только с их ленью.

Я пытался пристроить сестричек к какому-нибудь делу. Порой они помогают временам года и гесперидам в работе по озеленению. Одно время ткали под руководством муз платье для Гармонии, но со страшной медлительностью. Если сильно рассердиться, можно добиться от них некоторой помощи по дому. Букеты они составляют довольно неплохо.

При столь слабом участии в трудах мира у них тем не менее впечатляющее количество льстецов. Натуры, которые полагают себя великими творцами, но лишь предаются пустым мечтам о том, что могли бы создать; женщины, чье наиглавнейшее занятие — любоваться собственным телом в зеркале; бездельники, считающие важным делом оценивать и судить чужую работу, — все они питают к харитам-грациям особое почтение.

Бедная кузина Эвринома! Хочу покончить с ее историей, рассказав, как гораздо позже она решила добраться до меня. Покинув море, она поднялась по рекам, выбралась на берег и, влача в пыли свои плавники, затеяла невообразимое восхождение на Олимп. Но несчастная дурочка ошиблась горой и вместо Олимпа стала карабкаться на Ликей. Обдирая локти в кровь, оставляя чешую в колючих кустах, кузина добралась до Фигалии и дальше не полезла. Там в кипарисовой роще ей поставили храм.

Однако ни одна встреча не бывает совершенно ничемной. Именно Эвринома первой надоумила меня обосноваться на Олимпе. Что я и сделал, но только не с ней.

Четвертая эпоха
ИСПЫТАНИЕ И ВЛАСТЬ

**Затворы Тартара.
Проход через Преисподнюю.
Освобождение одноглазых и сторуких**

Путь, который я избрал, чтобы спуститься в Тартар, описывать не буду; вы, с вашими глазами, не способны его себе представить. Чтобы там ориентироваться, нужен божественный взгляд, и то, что там видишь, невозможно описать словами.

Однако я наблюдал за вами, пока вел свой рассказ, и, по-моему, вы недавно смастерили какое-то устройство, способное компенсировать вам слепоту, а также придумали систему счисления, в цифрах передающую знания о том, что нельзя увидеть. Неужели вы уже добрались до... Неужели это то, о чем я догадываюсь, неужели некоторые из вас так хорошо следовали наставлениям Урании, что подвели человека к тому самому пределу?

Тогда я рад, но встревожен не менее. Только бы вы невзначай не вторглись в вотчину чернокрылого Танатоса! Берега жизни и смерти, мира и антимира прочерчены совсем не так, как русла ваших рек...

Для начала мне предстояло пройти через Преисподнюю.

Именно первая часть путешествия — переход от жизни к смерти — является областью наибольшего ужаса. Хотя я и знал о своем бессмертии, но, не скрою, испытывал жуткий страх. Это долгое, казавшееся бес-

конечным соскальзывание куда-то вниз; эти руки, которые нельзя ухватить, бесплотные или разлагающиеся, когда их сжимаешь; эти железные скобы, за которые нельзя удержаться, потому что они рассыпаются в пыль; этот меркнувший свет, обжигающий холод, ледяный огонь... Мне жаль, дети мои, что всем вам придется переступить через порог и пройти по этому туннелю. Мысль о нем часто делает меня снисходительным к вашим ошибкам.

Потом все становится спокойнее. Ум обращается в забвение и безмолвие. Сознание стирается, и уже невозможно определить ни длительность, ни протяженность пребывания в этой бездне, где всякая жизнь разрушается, распадается и возвращается в огромную изначальную массу, ожидающую, когда Судьбы заметят и вылепят из нее что-то другое.

Тартар же еще ниже, вовсе не во чреве Земли, но во чреве сути Земли. Там даже понятия верха и низа не имеют своего первоначального смысла.

Я вам не открою, как раздобыл ключ от замков Тартара. Боюсь, как бы вы не отыскали его сами; этот разбудивший меня гул в облаках заставляет опасаться того, какое применение этому ключу вы способны найти. Конечно, ускорение роста знаний отныне неотделимо от вашего существования. Но остерегайтесь самого этого ускорения. Неполная власть — самая опасная. Заклинаю вас, следуйте моему примеру: прежде чем братья за незримое, вспомните наставления Памяти и воспользуйтесь советами Осторожности.

Наконец я оказался у решетчатой двери, закрывающей узилище одноглазых и сторуких. Я с тревогой ожидал увидеть ужасных, ревущих чудовищ, яростно сплетенных в непрерывной и неистовой схватке. Ка-

ково же было мое удивление! Они спали, подобно настоящим чурбанам. Лишь тишайшее сопение, различимое только божественным ухом, позволяло угадать некую энергию, дремлющую в этих колодах. Циклоп с закрытым глазом — все равно что бревно или валун. Гекатонхейр со сложенными руками похож на комель старого пня или кусок жильной породы с проросшими минералами. К тому же, находясь в самой глубине Тартара, издалека, из-за решетки, они казались крохотными корешками, мелкими камешками, кучкой песка или опилок, ничем. Если бы я не знал, что ищу, то и внимания бы не обратил на эту ничтожную горстку пыли.

Придав как можно больше звучности своему голосу, я в самых торжественных выражениях обратился к ним:

— Лучезарные потомки прародителя Хаоса, могучие сыны Земли и Неба, вас подло обвинили в проступках, в которых вы неповинны! Вы верно служили своим старшим братьям, но те предали вас, толкнув к оплошности, и заточили в этой темнице. Я пришел освободить вас. Но вы, в обмен на свободу, которую я принес, отныне будете подчиняться только мне. Даже ваша безутешная мать, скорбя о том, что постигло и вас, и ее, велит вам это. Мы вместе нападём на титанов и их главаря, вероломного и жестокого Крона, который изувечил вашего любимого отца, похитил у него власть и уже на протяжении долгих, слишком долгих эр держит мир в рабстве. Но вы должны действовать только по моему приказу, применять свою силу только под моим руководством. Я же буду использовать вас лишь для уничтожения зла и восстановления добра. Нас ждут суровые испытания, но вместе мы победим! Мир и процветание увенчают нашу победу.

Эта речь, которой я весьма горжусь, кому-то может показаться не слишком оригинальной. А все потому, что позже Клио списала с нее множество других речей и теперь они кажутся отлитыми из одной формы. Соболаговолите признать, мое воззвание было все-таки первым в своем роде, а значит, не лишенным остроумия.

Однако ни циклопы, ни гекатонхейры даже не шелохнулись. Не моргнули, не почесались. Настоящие колоды, тупые колоды. Я решил, что лучше проявить смекалку, чем оскорбиться. И понял: у этих поверженных колоссов отсутствует собственная воля. Привести их в действие может лишь воля того, кто ими управляет.

Называя их по именам, я выкрикнул:

— Арг, Бронт, Стероуп!

Три светящихся глаза раскрылись в глубине бездны.

Я продолжил:

— Котт, Бриарей, Гиг!

Три сотни рук расправились. Шесть исполинов, которые еще мгновение назад были ничем, восстали во весь свой невероятный рост. Тогда я образовал в голосе модуляцию, которая означала:

— Воля Урана!

Три сотни рук гекатонхейров начали упорядоченно двигаться, будто месили тесто мира или крутили водяное колесо; сто пятьдесят их голов сблизились, готовые выслушать и обдумать мои приказы. Глаза троих циклопов — голубой, желтый и красный — осветили мрак, разливая тепло.

Затем я крикнул:

— Воля Урана!

Руки стали лупить пустоту в ужасающем беспорядке; глаза метали молнии во все стороны; отвратительно запахло серой, жара стала нестерпимой, а грохот — оглушительным даже для бога. Стены антимира задрожали, словно готовясь обрушиться.

Я поспешил приказать:

— Воля Зевса!

И испытал большое облегчение, видя, как гекатонхейры тотчас же скрестили руки, циклопы опустили веки, и все застыли в абсолютной неподвижности.

Итак, я стал их хозяином, они были в моей власти. Теперь я мог повелевать их силами, направлять на созидание, разрушение или просто держать в готовности.

Осторожно просунув руку сквозь прутья решетки, я коснулся колоссов, даже подтолкнул их. Они не шелохнулись, оставаясь безобидными, как дубины. Хочу сказать, что сама по себе дубина никогда не опасна. Положите ее хоть на стол, она не пошевелится. Опасна лишь воля того, кто дубиной орудует, или неловкость, если он уронит сей предмет вам на ногу.

Так что мне следовало быть осмотрительным.

Я стал открывать запоры. Но не все девяносто семь. Действуя с великими предосторожностями, я ограничился шестью первыми, самыми верхними. Этого было достаточно.

Неистовый удар вдребезги разнес часть двери. Одноглазые и сторукие ринулись в пролом. Одной молниеносной вспышкой меня вынесло на поверхность мира. Я снова крикнул: «Воля Зевса!» — чтобы остановить этот разгул, и мои колоссы послушно встали рядком там, где я указал: у входа в одну из пещер на берегу моря.

Я осмотрелся и определил, что мы вынырнули на Сицилии.

Прекрасный треугольный остров еще сотрясался до самых основ. Там, где сторукие взломали его, пробивая выход, образовалась высокая гора. С ее зияющей вершины, окутанной багровыми парами, стекала раскаленная мякоть земли, воспламеняя деревья и поглощая все на своем пути.

Я поздравил себя с тем, что коснулся только шести замков. Если бы я открыл их все, яйцо Земли наверняка лопнуло бы целиком.

Пытаясь лучше узнать возможности моих новых слуг, я отделил кусок скалы и передал его циклопу с голубым глазом — камень расплавился и превратился в свинец. Взяв этот свинец, я положил его перед желтоглазым — тусклый свинец превратился в блестящие серебристые жемчужины, покотившиеся в разные стороны. Я зачерпнул пригоршню этого живого серебра и поднес под луч красного глаза — ртуть изменила цвет, отвердела и стала золотом.

Потом я приказал сторуким взбивать морскую воду вдоль берега, причем каждый должен был действовать только одной рукой. Вскоре на поверхности образовалась зеленая ряска — какая-то мелкая, похожая на водоросли чечевица. Я остановил свои опыты. В конце концов, мир уже создан; незачем терять время на то, чтобы его переделывать, особенно если есть риск его уничтожить.

**Приготовления к битве.
Шлем Аида и трезубец Посейдона.
Ирида-посланница**

Тогда я начал собирать свои войска и готовить их к битве. Проходя недавно через Преисподнюю, я повидался со своим братом Аидом, который прятался там с тех пор, как был извергнут из утробы Крона. Я призвал его, и мы скрепили наш договор. Темный Аид появился из жерла вулкана Этна, воспользовавшись тем же выходом, что и я.

Я призвал своего второго брата. Вздудились волны, и из обиталища Океана вышел Посейдон.

Я призвал своих сестер Гестию, Деметру и Геру. Все явились на зов, каждая из своего убежища. Деметру я лично попросил, пока будут идти бои, присмотреть за природой, сберечь растительность, позаботиться о плодovitости живых существ. Я пообещал, что на помощь скоро придут времена года, геспериды и даже грации.

Я заключил договор со своим дядей Океаном, который теперь уже не удовлетворялся благожелательным ко мне нейтралитетом, но открыто объявил себя моим союзником. Он пообещал свою поддержку, если я окажусь в затруднении, и разрешил извлекать из него любые ресурсы, в которых я буду нуждаться.

— Ручаюсь, что смогу удержать Понта и фурий волн,— сказал Океан.— Более того, думаю, что смогу

убедить их служить тебе. Я не предоставлю никакого убежища твоим врагам, а если только они прижмут тебя к моим берегам, утоплю их, наслав ужасающие валы. — И добавил, как бы невзначай, но веско: — Я знаю, мои дочери очень благосклонны к тебе...

Затем у меня было много тайных переговоров с кухней Осторожностью. Я не преминул засвидетельствовать ей свою дружбу и благодарность и дал понять, что по-прежнему храню о ней самые волнующие воспоминания. Она тоже была мила со мной, на свой лад доказав нежность, которую ко мне питала. И так было со всеми. Счастливы те, кто своих первых возлюбленных сумел перевести в ранг неизменных союзниц!

От речных нимф мы знали, что титаны и гиганты засели за высокими горными цепями от Альп до Кавказа и теперь укрепляются там. Из-за вершин доносился шум их суеты, слышно было, как они перекатывают огромные глыбы, наваливают груды метательных снарядов. А когда они упражнялись между собой в борьбе, их ревущее дыхание пригибало к земле целые леса.

Будучи осведомлен о приготовлениях Крона, я велел одному из одноглазых выковать шлем из черных туч, который его носителя делал бы невидимым. Этот шлем я вручил своему брату Аиду, чтобы тот смог незаметно окружить противника и начать внезапную атаку с тыла.

Еще я велел одноглазым, чтобы они втроем изготовили трезубец, достаточно прочный для того, чтобы им можно было раскалывать или поднимать горы. Этим трезубцем я вооружил Посейдона.

Наконец я велел выковать самому себе пучок перунов — молний-дротиков. Потом определил порядок нашего наступления. Впереди — гекатонхейры, шеренгой, растопырив руки для схватки, держа головы та-

ким образом, чтобы сообщать мне о расположении противника. За ними я сам, вооруженный молниями. Рядом дочь Афина, готовая меня прикрыть, с Эгидой в руках. Чуть сзади Посейдон, что, оказывая нам поддержку, расчистит путь для второстепенных божеств, которые к нам примкнули. И последними — тяжеловесные циклопы, издали направляющие свои губительные лучи в указанную мною цель.

Построив таким образом свое войско и отдав приказы, я велел предупредить Фемиду, чтобы она была готова вынести свои приговоры сразу же после победы — если добьемся победы, и Память, чтобы она хорошенько запомнила это отважное выступление против тирании.

Для передачи своих приказов я выбрал внучку Океана, прекрасную Ириду, стремительную путешественницу, которая оставляет за собой переливчатый след, пути которой — радуги. Радуга — прохождение света сквозь влажные облака — всегда предвестие. Ирида так и осталась вестницей богов.

Я подождал еще одну мировую ночь, чтобы Аид успел обогнуть укрепления титанов и затаиться на туманных северных равнинах.

Когда наконец солнечная колесница достигла предусмотренного Судьбами знака зодиака, я воздел свою пламенеющую десницу и бросил клич: «Вперед!»

**Битва с титанами. Атака кентавров.
Предательство Ахерона. Опустошения,
учиненные циклопами. Победенный Крон.
Низвержение титанов в Тартар.
Помилование гигантов**

Да уж! Это была ужасная битва. Завывала бескрайняя морская пучина, содрогалась земля, воздух наполнился криками бойцов, и на долгие (для вас неисчислимые) дни свет померк в дыму, а ночи осветились пламенем пожарищ. Стихии так яростно сталкивались меж собой, что всполохи сражения видны были, наверное, со всех планет.

Гекатонхейры первыми пошли на приступ, явив всю свою силу. Три сотни рук срывали вершины с гор, и три сотни огромных глыб падали дождем на врага. Но гиганты отвечали равной мощью, брошенные в нас глыбы тоже сыпались со всех сторон.

Трезубец Посейдона, вспарывая питательную оболочку земли, пробивал в ней огромные бреши, в которые с грохотом низвергались водопады. Но титан Кой, гиганты Алкионей и Красный Порфирион тотчас же засыпали эти расселины лавинами камней. Доблестный Посейдон! Он не сдавался, и горы продолжали менять свои очертания. В какой-то момент Алкионей,

самый могучий, рослый и дерзкий из всех гигантов, попытался вырвать у него трезубец.

Они закрутились в яростной рукопашной схватке, сплетясь в один клубок, давя все вокруг своей тяжестью.

Я тем временем взобрался на громаду Олимпа, куда отступил Крон. Опираясь одной ногой о Скалион, другой о Сераи и чувствуя, как эти шаткие подпорки ходят подо мной ходуном, я потряс молнией и выкрикнул приказ, отправляя сторуких в атаку, сам же, как только замечал в просвете пылевых туч плечо какого-нибудь титана, метал в него свои пламенные дротики. Похоже, я был прекрасен.

Я и не думал прикрываться, но меня защищала моя дорогая Афина. Сколько брошенных в меня скал отбила она, выставив Эгиду! Сколько натисков и приступов опрокинула своим копьём!

Внизу Океан и его дочери дали не менее ужасную битву морским чудовищам и фуриям — порождениям Понта. Пена этой борьбы долетала до нас.

Заметив, что Посейдон отбивается от огромного Алкионея, который пытается его задушить, я поразил гиганта молнией. Его космы вспыхнули, он, ослепленный на какой-то миг, ослабил хватку и бежал, зажимая глаза руками. Посейдон вернул себе свой трезубец.

— Отец! — предостерегающе крикнула Афина.

Сзади, перешагнув через Пинд, ко мне подобрался Порфирион и грозный Офион, прежний супруг Эвриномы. Оба чрезмерно широкогрудые и волосатые, с мощными ногами, мышцы которых походили на клубки змей. Я обратил против них свои перуны. Их волосы — от пальцев ног до макушки — затрещали. Порфирион полиловел, а Офион, которому ожогов

досталось не меньше, с ужасным ревом катался по земле. Оба навсегда оплешивели, как и вершины Пинда, пылавшие не одну неделю.

Тут землю и воздух сотряс гром, почти столь же оглушительный, сколь и мои грозы. «Неужели у Крона тоже есть молнии?» — подумал я с тревогой, слыша приближение этого циклона.

То была не буря, это первый кентавр и все произошедшее от него племя неслись на нас во весь опор; их копыта вздымали вихри песка, руки с корнем вырывали дубы и бросали в нас. Я остановил атаку кентавров своими пламенными дротиками; одни из нападавших взвились на дыбы, другие рухнули наземь. Каждый, неуклюжий, ошалевший, пытался встать, молотя по воздуху всеми шестью конечностями. Потом весь табун вихрем умчался прочь с тем же громовым топотом, сея хаос и панику в рядах собственных союзников.

Но назавтра, перестроившись, они вернулись, и в этот раз мне бы, конечно, не удалось отбить их натиск без сторуких, построенных в ряд позади огромных рвов, выкопанных ими ночью.

И так продолжалось долгие дни, и черные эринии, распутив крылья и омочив волосы в крови, носились над полем битвы. В сумерках порывы ветра доносили до нас терпкий запах пота гигантов.

Тем не менее многие нимфы, сатиры и даже некоторые из сыновей или прямых потомков титанов беспрерывно приходили под покровом темноты в наш лагерь и вливались в наши ряды, не желая терпеть притеснения Крона. Их становилось все больше.

— Но откуда же тогда, — спросил я как-то утром, — вопреки поражениям, которые мы каждый день нано-

сим нашим врагам, они беспрестанно пополняют свои силы и вновь появляются на заре, чтобы атаковать нас с той же яростью?

— Это потому, — сообщили мне новые союзники, — что поток Ахерон, сын Земли, предал вас и каждую ночь поит гигантов и кентавров, позволяя им снять усталость.

Тогда, хоть и испытывая некоторое беспокойство, я решил привлечь циклопов и дать волю их ужасным силам, понимая, что без этого войне не будет конца.

— Сосредоточьте вашу огненную мощь на титанах, — приказал я им. — В первую очередь следует повергнуть их и Крона. Не возитесь с гигантами. Они сдадутся, как только увидят, что их хозяева разбиты. Вам достаточно вскипятить воды Ахерона.

В самом деле, этого оказалось достаточно. Но какой ценой! А ведь Память меня предупреждала. Закипела не только вода, закипело все.

Циклопы встали. Легкое, едва заметное гудение, исходившее от них в бездействии, перешло в чудовищный вой, накрывший все прочие звуки. Они взвились в воздух, оставляя позади себя огненный след. Потом каждый стал открывать и закрывать свое ужасное око; и все, чего касалась сила, бившая из их круглых зрачков, тотчас же исчезало в нестерпимом накале. Казалось, будто Земля порождает новые солнца, которые вспыхивают на миг и превращаются в странные облака, сначала винноцветные, потом розовые, потом мутно-желтоватые, потом голубовато-белесые, которые поднимаются вверх, лопаются, вытягиваются, колышутся в потоках эфира — невесомые трупы всякой жизни.

Вскипали леса; вскипал перегной; песчаник и кремль текли, словно масло; мрамор испарялся.

Хоть и опаленные дыханием этого пекла, хоть и ослепленные вспышками огня, Крон и его союзники продолжали сопротивляться. Титаны Криос и Гиперион в отчаянном усилии пытались опрокинуть на нас целые горные цепи: на какое-то мгновение закачались Балканы и дрогнул Кавказ. Тем временем уже совершенно обессиленные Иапет и его сын Атлас, ухватившись за небо, пробовали отломать от него куски и обрушить на нас. При этом они запоздало кричали, призывая на помощь Урана:

— Отец, защити нас!

Но изувеченный Уран оставался недвижим, безучастен и нем. Он не мешал Судьбам отомстить за него.

И тогда воззвал сам Крон:

— Танатос! Танатос!

Этот безумец хотел, раз ему суждено быть побежденным, чтобы все погибло вместе с ним. Он призывал бога смерти против самих бессмертных, против стихий, против Вселенной. Должно быть, Крон решил, что его мольбе вняли, ибо сзади вдруг возникла, словно явившись из глубин мира, некая незримая сила, сокрытая неосязаемой пеленой цвета ночи. Сила столь же разрушительная, как и огонь циклопов: все леденело и каменело пред ней. Деревья обращались в камень, металлы сжимались, застывала ртуть, и сам воздух в этой бездне холода приобретал твердость клинка.

То был не бог смерти, но бог, которому смерть подвластна: мой брат Аид, скрываясь под черным шлемом, шел на последний приступ.

Атакованные с тыла, растерянные, сясь вырваться из ледяных объятий безликой, бесформенной, не-

зримой силы, титаны пали наконец и, натываясь друг на друга, увлекая Крона в своем падении, подкатились к моим ногам.

По моему приказу сторукие тотчас же бросились на них и опутали цепями.

Тогда я остановил циклопов, испепелявших землю, и крикнул гигантам:

— Ваши хозяева побеждены и взяты в плен! Вам нечего более ждать от них. Прекратите борьбу, если хотите, чтобы вас пощадили.

Гиганты были истерзаны и изнурены; поражение окончательно лишило их сил. Они поколебались немного, потом Алкионей, Красный Порфирион, Офион и все прочие выпустили каменные глыбы из рук и уныло поникли головами. Афина своим копьем вынудила их опуститься на колени.

Великая тишина снизошла на мир, ошеломляющая тишина, где каждый, еще не веря в окончание боев, слышал только звук собственного дыхания. Но вскоре грянули ликующие возгласы. Победившие боги обнимались и целовались. Вокруг них запрыгали, заплясали нимфы и сатиры. Со всех сторон сбегались большие и малые божества, кричавшие от радости. Все мироздание, хоть и изнуренное, хоть и покрытое глубокими ранами, вновь обрело силы, чтобы отпраздновать свое освобождение.

Да, мы победили; да, мы были счастливы! Крон корчился в оковах, которые пришлось удвоить. Стенал и умолял меня, вероломный:

— Не забывай, я твой отец!

— Я не забуду, — ответил я, — как ты поступил со своим собственным отцом. Вспомни-ка серп.

— Неужели ты подвергнешь меня тому же?

— Учитывая, как ты обычно поступал со своим потомством,— продолжал я,— потеря была бы невелика.

— Куда ты собираешься меня упрятать?

— Узнаешь.

Я собрал одноглазых и сторуких.

— Крон и его дурные братья отправятся в ту темницу, куда мудрость Урана уже заключала их и где вы сами так долго томились. Дверь будет закрыта. Вы встанете перед ней и будете там вечными тюремщиками.

И я повторил модуляцию:

— Воля Зевса!

Тогда, со своим великолепным и ужасающим послушанием, сторукие, не прося никакого вознаграждения, подхватили пленников и повлекли их в бездну. Котт тащил на плечах Криоса и Гипериона; Гиг — Коя и Иапета; Бриарей взвалил на свои пятьдесят затылков самого Крона. Циклопы, приглушив яркость лучей, направленных в глубины мира, открывали и замыкали шествие. Я в последний раз взглянул на своего отца и увидел полные ненависти глаза и злобный оскал. Прежде чем скрыться, он попытался укунить своего брата Океана и мать Землю.

Я велел выйти вперед Атласу, сыну Иапета.

— Ты хотел обрушить небо,— сказал я ему.— Отныне будешь держать его на своих плечах.

Потом вызвал Ахерона.

— Сын Земли, ты поил врагов света; отныне будешь нести свои воды под землей и питать ими топи Преисподней.

Гигантов я помиловал, решив, что силы этих наемников еще пригодятся; они могли бы послужить мо-

ему царствованию, как служили царствованию моего отца. Что же до кентавров, то они сбежали и исчезли в небе Азии.

Тут моя кузина Осторожность (но где же она была во время битвы? я ее что-то не видел!) приблизилась и сказала мне:

— Ты ошибся, пощадив гигантов.

— Отнюдь, — возразил я. — Взгляни, как они теперь присмирели. Их нельзя винить, они просто подчинились тому, кто отдавал приказы. Не хочу лишаться их мускулов, нам ведь предстоит исправлять разрушения.

— Они способны доставить тебе еще больше хлопот.

Однако я упрямылся. Это была моя единственная ошибка, но она дорого мне обошлась. Из-за нее десять лет спустя мне пришлось выдержать еще одну войну.

— Зато, — продолжала Осторожность, — с Кроном и его братьями ты поступил благоразумно. Силы циклопов и гекатонхейров будут сдерживать силы титанов. Таким образом, и те и другие никуда не денутся из бездны.

— Ради нашей безопасности я бы предпочел не столь хрупкую вещь, как равновесие. Тот, кто говорит «равновесие», уже предполагает, что оно может быть нарушено. Но лучшего я придумать не смог.

— Любая устойчивость — лишь равновесие, — ответила Осторожность. — Тебе поддерживать его. Пока мы ничем не рискуем, поскольку Вселенная устала.

Опустился вечер, спокойный вечер, без ужаса. Сколько лет, сколько эр Земля не знала этой вечерней прохлады, этой кротости мира? Умолкали последние радостные песни освобожденных божеств; вновь

блистали звезды. Природа, живые существа вновь могли мечтать и строить планы на будущее.

«Я победитель, я счастлив!» — твердил я себе.

Но усталость мешала мне вволю насладиться победой. Я заснул, отложив на завтра, на свежую голову все проблемы, которые уже вставали предо мной.

Мир после войны. Собрание богов. Принцип власти. Выборы

Какое же уныние охватило меня, когда я проснулся! Хоть ни один континент в этот раз и не погиб, но края, где свирепствовала битва, являли взору удручающее зрелище. Многие реки, перегороженные укреплениями титанов, сменили русло. Их воды скопились в огромных озерах на вершинах новых гор, а прежние пики скатились в море. Горная растительность завяла; внизу все было выжжено, остался только пепел. Обширные равнины, некогда щедро засеянные рукой Урана, обратились в пустыню. Целым не осталось ни одно живое существо. Люди, те, что сумели спастись, боязливо выходили из пещер, но в каком состоянии! Растерянные, нагие, ошеломленные, они с дрожью смотрели, как белесые тучи, набухшие от испарений битвы, медленно растворялись в небе.

— Я уже видела все это, я уже видела все это, — бормотала Память.

На Олимп стали стекаться и те, кто участвовал в войне, и многие другие боги, которых я пока не знал. Они казались ничуть не менее подавленными, чем люди. Но говорили все одновременно, поздравляя себя с успехом, и каждый рассказывал о своих деяниях. Вновь прибывшие толпились вокруг меня и моих братьев, выражая искреннюю или притворную благо-

дарность и стараясь объяснить причины, помешавшие им присоединиться к нам раньше. Некоторые хвастались какими-то тайными подвигами, которые, если им верить, существенно способствовали низвержению моего отца. Но все проявляли великое беспокойство о будущем и великое замешательство в настоящем.

Как же будет осуществляться власть при новом поколении богов и как будет преобразован мир? Где обоснуется каждый и какова будет его доля трудов и радости?

Я уклонился от ответов на вопросы, а тем паче от приказаний.

Фемида, как мы и договаривались, потребовала тишины. Боги расселись в большом амфитеатре, образованном горами, в котором еще ощущался сильный запах гари. Когда все расположились и умолкли, Фемида произнесла речь:

— Первое, что нужно сделать, — это вручить одному из нас верховную власть. Действительно, все наши будущие поступки обречены на тщетность и бесплодность, если не будут взаимно дополнять друг друга и если каждый из нас не станет действовать, поддерживая усилия соседа. Однако чтобы наши действия взаимно дополняли друг друга, они должны вписываться в согласованное целое, в общий порядок. Чтобы такой порядок стал возможен, мы должны признать власть, которая его определит и заставит уважать; надо, чтобы каждый отказался от частицы своей собственной власти, которая останется бесплодной, если мы захотим сохранить ее целиком. Надо утвердить всеобщую направляющую власть. А потому мы должны выбрать вождя, который будет оглашать указы, следить за их исполнением, распределять задачи, предотвращать нарушения прав, разрешать споры, наказыв-

вать проступки, вознаграждать усилия и подвиги, одним словом, мы должны избрать такую власть, которая, содержа в себе все остальные, будет править нами и миром.

Фемида умолкла.

Многие из богов обратили взоры ко мне. Они подчинялись мне во время битвы и, казалось, были удивлены, что я не продолжаю ими командовать. Я молчал.

— Выберем самого сильного! — крикнули одни.

— Самого мудрого! — сказали другие.

— Самого старшего! — предложили сыновья Океана.

Тут среди собрания явилось некое новое божество. Ее поступь, равно как и красота, отвлекли всех от обсуждения. Она шла со спокойной уверенностью, держа в руке веточку коралла, как держат цветок, и словно любовалась собственным отражением в глазах каждого.

— Это твоя тетка Афродита, последняя дочь Урана, — шепнула мне Память.

Афродита села, приняв гармоничную позу. Она, бесспорно, обладала поразительной красотой. Ее шелковые волосы были волнисты, как море; ногти отливали перламутром. Ухоженная с головы до пят, надушенная, она прибыла с Кипра, и ее вид резко отличался от вида прочих божеств, еще запыленных недавними боями. Афродита улыбнулась мне, моим братьям, улыбнулась всем богам мужского пола. Богини тотчас же взревновали.

Сыновья Океана, тут же передумав, предложили:

— Выберем самую красивую.

Фемида опять взяла слово.

— С удовлетворением отмечаю, — сказала она, — что все согласны.

Сколько бы серьезным ни было обсуждаемое дело, многие не смогли удержаться от смеха.

— Я не шучу,— спокойно продолжала Фемида.— Вы все, по сути, согласны с тем, что потребность во власти назрела, и никто не оспаривает необходимость учредить ее, особенно в нашем положении. Если и есть колебания или разногласия, то лишь насчет того, кому доверить эту власть.

Тогда побежденные гиганты, собранные в загоне у подножия Олимпа, заволновались и загалдели:

— Надо выбрать самого богатого!

Я в гневе встал.

— Эй, вы там, угомонитесь! — прикрикнул я на них.— Хватит уже того, что я вас пощадил. Вашего мнения никто не спрашивает. А то ведь могу вам показать, какое богатство в моей руке.

Я поднял правую руку с молнией в кулаке, потом снова сел, призвав Фемиду говорить.

— Самым богатым,— произнесла она,— становятся за счет чужой бедности, а самым могущественным — за счет чужого унижения. Мой брат, ненавистный Крон, хотел быть самым богатым; вспомните, как он правил, какие беды на вас навлек, какую ненависть к себе возбудил! Самый красивый не обязательно самый умный, он слишком занят самим собой и плохо подготовлен к тому, чтобы думать о других, оценивая их в зависимости от лестии, которой его окружают. Самому мудрому может не хватать решимости навязать другим свою волю, потому что он слишком хорошо понимает мнение каждого. Самый сильный склонен слишком полагаться на свою силу и править только принуждением, не слыша ничьих возражений.

Озадаченные боги в замешательстве переглядывались. Вот тут-то и появился ловкий Прометей, за ним

следом — неловкий Эпиметей. Оба — сыновья Иапета, одного из поверженных титанов, и братья осужденного Атласа. Эпиметей неуклюже топал, ломая себе пальцы. Но Прометей держался с благородной уверенностью. У него было вдумчивое, не лишённое красоты лицо; в глазах читались пыл, мечтательность и честолюбие. Он пришел изъявить покорность, но с таким величием, что его можно было принять за одного из победителей. Я тотчас же угадал в этом двоюродном брате возможного соперника. Мы были одного возраста и во многом схожи. Я испытывал к Прометею одновременно недоверие и симпатию. Эти чувства вполне способны уживаться.

— Я пришел от имени людей, — объявил он. — Они в величайшей нужде и полны тревоги за будущее. Я слышал ваши прения, а потому задаюсь вопросом: кому же я должен подчиниться? Может, самой красноречивой?

Он повернулся к Фемиде.

Маневр был ловким: Прометей воспользовался своим поверженным положением, чтобы принять участие в обсуждении, и уже опирался на своих сторонников. Его братец-увалень одобрительно кивал.

— Если он склоняется перед самой красноречивой, — сказала мне Память, — значит, и в самом деле пришел от имени людей.

Фемида ответила Прометею:

— Самая красноречивая все свое время тратит на то, чтобы взвешивать слова. Она может предлагать, излагать, но не осуществлять; ее задача не в том, чтобы действовать.

— А самый старший, — добавил мой дядюшка Океан, — желает только покоя. Однако состояние мира таково, что ему требуется не покой, а заботы и труды.

Океан говорил сидя, покачивая большой пенной бородой.

Он продолжил:

— Но самый старший, много повидав, передумав и сравнив на своем веку, способен дать совет. И я советую богам, собравшимся здесь, чтобы они выбрали царем моего племянника Зевса. Он показал свою силу во время битвы, доказал осторожность, подготовив войну, и властность, руководя ею. А сейчас доказывает свое благоразумие, воздерживаясь от приказов. Он вполне взрослый, чтобы обдумывать свои решения, и при этом обладает пылом юности. Каждое из этих достоинств само по себе не редкость. Редко встречается их соединение, а оно-то и есть главное достоинство царя. Предлагаю, чтобы нашим царем стал благородный Зевс.

Все второстепенные божества, теснившиеся на высоких склонах, уже разразились одобрительными возгласами. Я встал и призвал всех к тишине. Мою речь боги не забыли.

— Твердая рука вождя, — начал я, — по-настоящему желанна только в смутные времена. Затем она многим становится в тягость. Все то, что мы получили в наследство, надо приводить в порядок. Прежде чем вы примете решение, узнайте, как я буду править, если вы меня изберете. Я намереваюсь часто вас собирать, как сейчас, чтобы обсуждать с вами дела мира и чтобы вы высказывали свои заботы, проблемы и пожелания. Фемида, выслушав ваши прения, вынесет по ним свой приговор, который каждый должен будет уважать. Самые деятельные из вас образуют вокруг меня совет. Мои повеления никогда не придутся по вкусу всем. Я не пользовался молнией, чтобы навязать себя вам; но, уверяю вас, став царем, я воспользу-

юсь ею, чтобы принудить или покарать любого, кем бы он ни был, кто захочет воспротивиться принятым решениям; в этом случае мой гнев будет ужасен. В Тартаре еще остались свободные места. Взвесьте все это хорошенько, прежде чем сделать свой выбор. Фемида вам уже сказала: власть вождя состоит из отказа каждого от частицы собственной власти. Чтобы этот отказ имел ценность, он должен быть осмысленным и свободным. Истинна только та власть, что осуществляется с общего согласия; любая другая случайна. Нет ни величия, ни спокойствия в том, чтобы править рабами. А потому я хочу, чтобы вы выразили свое согласие. Тот, кто желает, чтобы я царствовал, пусть подберет белый камешек и опустит его в шлем Афины, богини разума. Тот же, кому не я, а кто-то другой кажется более приемлемым, или он сам себя считает таковым, пусть опустит камешек другого цвета. И если большая часть камешков укажет на другого, я обязуюсь передать ему молнию и повиноваться.

Никто из богов себя не предложил. Хотя я видел искру зависти, промелькнувшую в глазах Афродиты и Прометея. Но у первой не было ничего, что приготовило бы ее к власти, а второй был не в том положении, чтобы на власть притязать. Они поняли, что не получили бы иных голосов, кроме своих собственных. Афина прошла по рядам, протягивая золотой шлем, потом высыпала камешки к ногам Фемиды. Все они оказались белыми. Так были изобретены выборы путем голосования — с тех пор этот способ получил некоторое распространение.

Тотчас же все боги встали и поприветствовали меня криками, добавляя к моему имени Зевс, которое означает «день» или «свет», все те эпитеты, которыми меня чествовали с тех пор: справедливо Карающий;

Избавитель от зол; Прибежище слабых, бедняков, беглецов, молящих; Защитник дружбы; Попечитель городов; Покровитель народных собраний.

Вот так, дорогие дети мои, сами видите, я стал царем не по наследственному праву и не благодаря заговору или силе. Я даже не захотел извлекать свою власть из положения, которое мне подарили война и победа.

Он ведь был из Греции и знал историю богов, тот из ваших поэтов, который сказал: «Спаситель города не обязательно должен стать его владыкой».

Так что, как мне и хотелось, я — избранный правитель, первый среди равных.

Пятая эпоха
ВЕРНОЕ ДЕЯНИЕ

**Первые повеления.
Назначение Аида и устройство Преисподней.
Владения Аида Богатого**

Я решил немедленно наладить управление своей державой, доверив часть власти тем из богов, кого считал наиболее способными и надежными. Моему брату Аиду я поручил управление Преисподней, наказав присматривать за расположенным под ней Тартаром и предупреждать меня о малейшем движении, которое он там заметит. Аиду предстояло также принимать мертвых и ведать долгими и таинственными преобразованиями их энергий. В помощники ему были выделены Стикс, сын Океана и Тефиды, бог одноименной реки, чьи извилистые рукава огибают всю потустороннюю область, и осужденный Ахерон — для грязной работы; а старый демон Харон, уже сосланный в Преисподнюю Ураном в наказание за некоторую зловредность, должен был обеспечивать умершим переправу.

Стикс ужасает своим безмолвием и мраком. Даже лодка Харона не может всколыхнуть волну или оставить подвижный след в его густых водах. А берега Ахерона состоят сплошь из черного зловонного ила, где беспрестанно лопаются пузыри от гниющих тел. Подступы к нему скрывает густой тростник, и тот, кто отважился забрести туда, увязает в тине и бесследно исчезает.

Унылый удел, наверняка думаете вы. Не заблуждайтесь, дети мои. Ни одна часть мира не плоха для того, кому она подходит. Аид ведь почти слеп. Он таким родился. Дневной свет ему невыносим, видеть он способен только ночью. Шлем-невидимка, который я велел циклопам выковать для него, был предназначен не только для того, чтобы скрыть его от врага, но и для того, чтобы его самого защитить от лучей солнца. И если моя кузина Осторожность исчезла с поля битвы, то лишь потому (как я узнал впоследствии), что ей пришлось вести Аида за руку. Только представьте себе, какие муки испытывал бы мой брат, если бы я поручил ему заведовать восходом солнца!

Для вас и для меня, детей света, Преисподняя — жуткое место. Но только не для него. У каждого своя преисподняя.

Поскольку все дела во Вселенной должен кто-то исполнять, Судьбы, направляя руку Клото, заставляют ее вытягивать числа, иные из которых кажутся вам несчастливыми и безотрадными. Вас восхищает, что могут быть на свете счастливые могильщики. И все же они есть. Вас удивляет, как можно сделать своим ремеслом рассеяние трупов, а затем проявлять себя отменным едоком в застолье или неутомимым любовником в постели. Вам кажется, что выполнение таких необходимых городу работ требует от их исполнительней некоторой душевной неполноценности. Но ведь и гениальность, если хорошенько присмотреться, всегда сопровождается неким изъяном. Вы завидуете месту, которое избранник муз занимает на пределе или на верхней ступени вашего рода; но задумывались ли вы о том, что ваше восхищение и одобрение доходит до него всегда через ограду одиночества? Это оди-

ночество и составляет его изъян, но без него он не был бы тем, кем является.

Главное — это пораньше распознать свое призвание, наиболее соответствующее личной природе, и постараться в нем преуспеть. Повторяю вам: «Того, кто принимает веления Судеб, боги ведут; того, кто отказывается, — тащат». Прямо идти, хоть и немного в тени, гораздо предпочтительнее, чем хромать на свету. Можно стать превосходным башмачником и отвратительным банкиром, корифеем или архонтом*. И уж лучше быть превосходным и, следовательно, счастливым могильщиком, чем неуклюжим скульптором или неспособным министром.

Среди царских трудов отнюдь не наименьший — вводить такие учреждения, которые позволяют каждому реализовывать себя в наиболее подходящем деле.

Так что не жалейте Аида и не считайте его принесенным в жертву. Впрочем, он управляет не только обиталищем мертвых. В его ведении также запасы минералов и металлов, что залегают в подземных областях. Вот почему его гораздо чаще называют Плутоном, то есть Богатым. Разве для многих из вас владение драгоценными металлами не является удовольствием и страстью, которая затмевает все остальное? Плутон царит над этими потаенными сокровищами и ревниво их оберегает. За каждую похищенную у него частицу он требует равную по весу долю жизни и таким образом возмещает в одном своем владении то, что у него забирают в другом. Несчастные рудокопы, гибнущие под обрушившейся горой или в шахте, затопленной каким-нибудь рукавом Стикса; золотоискатели, чьи

* Архонт — высшее должностное лицо в древнегреческих полисах (городах-государствах).

кости белеют в песке пустынь; слишком амбициозные финансисты, подорвавшие себе сердце или обреченные броситься в пропасть из-за разорения,— все они вольные или невольные жертвы Аида Богатого. И если бы из-за несчастного случая, бунта или неосторожности разгул циклопов, отданных под его надзор, грозил уничтожить его богатства, не сомневайтесь, Плутон истребил бы всякую жизнь.

**Недовольство Посейдона своим уделом.
Нереиды. Амфитрита. Любовные увлечения
Посейдона, его дети. Вторые циклопы. Пегас.
Новые гиганты. Орион**

Итак, один из моих братьев был устроен.

Поскольку мой дядя Океан стремился к покою, я избрал второго своего брата, Посейдона, чтобы он сменил дядю в трудах и взял на себя управление морями.

Учитывая обширность морских владений, сил и богатств, которые в них содержатся, никак нельзя сказать, что Посейдон обделен. Но мой братец, носитель трезубца, беспокоен по своей природе; оставь я его на земле, она бы беспрестанно тряслась. Довольно посмотреть, что он творит на границах своей вотчины! Берега и взморья беспрестанно страдают от его непостоянства. Какая-нибудь гавань, выкопанная с превеликим трудом, которой он еще вчера благоволил, направляя туда торговые флоты вместе с изобилием, завтра будет им же осушена или затоплена. То он тысячу лет обустроивает скалистый берег, заложив там процветающий город, то вдруг, решив ни с того ни с сего, что город раздражает взор, подтачивает его или обрушивает, не пощадив даже храма, который ему посвятили. Мало найдется островов, которые не содрогались от его неожиданных выходов, мало найдется пляжей, которые не опустошала внезапная атака его бешеных приливов. Я сдерживаю брата, как могу.

Похоже, Посейдону на роду написано быть вечно недовольным, подобно мореплавателю, которому вечно не сидится на земле и которого тянет бороздить волны. Но ничто не обновляется, не создается, не открывается иначе, нежели при посредстве этого вечного, как море, двигателя — неудовлетворенности.

В супруги себе Посейдон выбрал одну из nereид. Расскажем немного и о nereидах; ведь поэты часто упоминают их за красоту волос, почти не уточняя, кто они такие.

Их отец, старый Нерей, очень древний бог, будучи отпрыском буйного Понта, тем не менее всегда проявлял благожелательность к морякам. По линии матери, прелестной Дориды, сестры Метиды и Эвриномы, nereиды восходят также и к Океану.

Преклонные лета не помешали Нерею быть обильным на потомство: nereид насчитывается семьдесят семь. Порой они чинно сидят на золотых тронах в отцовском дворце, в глубинах моря, и тогда стихия спокойна, как озеро. Но они любят также порезвиться, попеть, пошалить на поверхности, со смехом играют в догонялки, катаются друг на дружке, озорничают, поднимая и раскачивая своими упругими спинами корпуса кораблей. Это их распущенные волосы блестят под луной.

Ну так вот, из этих семидесяти семи Посейдон выбрал именно Амфитриту, которая его не хотела! Он заметил ее, когда она плясала вместе с сестрами у берегов острова Наксос. Амфитрита не была ни красивее, ни смешливее остальных; просто прелестная волна, которой нравится прыгать, плескаться и накатывать на берег, чтобы разбиться брызгами, взять разбег и нахлынуть снова. В общем, именно она ему понравилась, такая, какая есть.

Он приблизился с трезубцем в руке, сделавшись неловким от любви. Остальные nereиды вовсю потешались. Это всегда нелегко — ухаживать за девушкой, окруженной подружками. Посейдон попытался заключить Амфитриту в объятия, но та из-за притворной или подлинной стыдливости либо просто из баловства отстранилась. Он в раздражении попытался насильно обнять ее — она ужаснулась, и с этого момента Посейдон стал ей отвратителен. Он попытался взять Амфитриту силой — она ускользнула; он ее преследовал — она убегала все дальше и дальше, то ныряя, то выныривая, и, уже вконец растрепанная, исчезла где-то на западе. Посейдон велел ее найти. Течения, приливы, отливы, ветры, чайки, бакланы, барабульки, тунцы, угри — он всех бросил на поиски, весь морской мир. Не осталось ни одного безобидного морского пестушка, ни одной мирной губки, которых бы не потревожили. Когда чего-то хочется по-настоящему и когда все пускаешь в ход, удастся отыскать и волну в море. Но много ли проку от такого упрямства? Кортёж дельфинов доставил Амфитриту из Саргассова моря, измученную и навсегда затаившую враждебность. Посейдон соединился с ней, но ребенка зачать не смог.

Неудовлетворенность, неудовлетворенность! Этот провал отнюдь не сделал его сдержаннее, просто побудил к другим увлечениям, и уж эти-то — увы! — стали плодоносными. Все порождения Посейдона оказались существами странными, порой даже зловредными. Некоторые, что родила ему Тооса, кузина Амфитриты, появились на свет с единственным глазом во лбу или с несколькими руками на каждом плече. То ли это было обдуманым, то ли нечаянным воспроизведением опытов Урана.

По счастью, циклопы Посейдона не обладали, даже в малой степени, ни мощью, ни послушной понят-

ливостью своих предшественников. Огромные, скотски-грубые и злые, они отличались таким тупоумием, что было довольно легко сладить с ними и даже поручить им полезные задачи. «У тебя нога чешется? Ну так прихлопни ее скалой в наказание». Благодаря подобным рассуждениям я и уверился в том, что они мне не опасны. Кроме того, они не были бессмертны.

На некоторое время я предоставил их, под руководством Прометея, в распоряжение людям, чтобы помочь заложить основания городов. Люди воспользовались этими колоссами, чтобы возвести (согласно рецептам, сохраненным со времен Атлантиды) те самые стены и здания, которые вы до сих пор называете циклопическими.

Потом, один за другим, Посейдоновы циклопы угасли. Отважный и смекалистый Одиссей, любимчик моей дочери Афины, о приключениях которого вы немало слышаны, одержал верх над последним из них, чудовищным Полифемом.

Что за необычная страсть толкнула в какой-то момент моего брата Посейдона к горгоне Медузе? Медуза породила Пегаса, крылатого коня, чьи копыта, касаясь земли, выбивали родники; он, конечно, был хорош собой, но плохо управляем и, признаем это, мало на что годился.

От этого же союза родился Хрисаор — великан с золотым мечом. Хрисаор верхом на Пегасе — какие ужасные скачки они могли бы вместе устраивать, если бы поладили друг с другом! Но Пегас отказался носить на себе Хрисаора; оседлал его другой сын Посейдона — Беллерофонт, — отправляясь по моему приказу убить Химеру. После этого Пегас захотел взлететь так высоко, что достиг звезд; я упрощу его там и остаться.

Что касается Хрисаора, весьма неспособного самого по себе, то он породил Гериона, великана с тремя

туловищами выше бедер; моему сыну Гераклу пришлось трижды его убивать.

Вечно какие-то невообразимые комбинации, вечно какие-то бредовые причуды, слишком напоминающие безумства титанов, когда те вбили себе в голову, что им следует заниматься творчеством! Нет, я и в самом деле не могу понять этих наваждений.

С нашей сестрой Деметрой, которую Посейдон любил после меня (мне вскоре представится повод к этому вернуться), брат породил против воли несчастной и в самое неподходящее время еще одного сына, странного коня Арейона, и дочь, которой я навсегда запретил давать имя.

Однажды смертная красавица Ифимедия из рода Прометея прогуливалась нагой по пляжу и (несколько вызываясь, признаю) забавлялась тем, что плескала на себя горстями воду, чтобы та, струясь, стекала по груди... То-то воображение моего братца Посейдона взыграло! Ах, купальщицы, берегитесь!

С Ифимедией Посейдон сделал двух сыновей, и те, негодяи эдакие, каждый год вымахивали на локоть в высоту и на сажень в ширину. Оба молодца, От и Эфиальт, непомерно громадные, шумливые, самодовольные забияки, присоединились в девятилетнем возрасте к побежденным гигантам и участвовали в их восстании. Это они пытались взгромоздить Пелион на Оссу*. Но их злые выходки этим не ограничились: они затолкали моего сына Ареса в бронзовый горшок, где тот просидел тринадцать месяцев. Они приставали к олимпийским богиням с самыми непристойными предложениями. Когда на буянов обрушилась кара, мой гнев их не пощадил.

* Горные вершины в Фессалии; Осса располагается между Олимпом и Пелионом.

Но думаете, перечень закончен? Нет, конечно.

Керкион и Скирон, два ужасных разбойника, долго наводившие ужас, один близ города Элевсин, другой близ Мегары, тоже отродья моего братца. И лишь Тесея, другой побочный сын Посейдона, рожденный одной трезенской царевной, избавил край от этой двойной напасти. Тесей был несомненно одарен по части подвигов, мореплавания, хитрости, правления, но только не счастья. Все его близкие — Эгей, приемный отец, Ариадна, Федра, сын Ипполит — кончили трагически и по его вине.

Стоит ли напоминать о злополучной связи моего морского брата с тельхиной Халией? Тельхины, любезные демоны волн, которые часто посещают окрестности Родоса, подобрали и приютили Посейдона во времена нашей полной опасностей юности, подобно тому как куреты оберегали меня на Крите. А их сестра, прекрасная Халия, божество морской соли, сыграла при моем брате примерно ту же роль, что и Амалфея при мне. Какая смутная ностальгия, какие воспоминания о неутоленных желаниях отрочества толкнули Посейдона вновь увидеть Халию? Другие удовлетворились бы просто разговором о былом. Но у Халии от этих разговоров родились шестеро сыновей, шестеро шалопаев, которые, достигнув половой зрелости, сговорились по очереди насиловать свою мать. Гораздо менее снисходительный к чужому распутству, чем к своему собственному, Посейдон сначала долго гнал своих шестерых сыновей ударами трезубца, а потом, пробив землю среди волн, вверг их туда. Халия не требовала подобного мщения. Под бременем стольких незаслуженных несчастий она ушла в глубины вод и более не появлялась.

Из всего потомства Посейдона единственным по-настоящему привлекательным был Орион-охотник,

юный великан, ходивший по волнам, такой красавец, что сама Заря пленилась им. Каждое утро она ласкала его своими лучами, когда он проходил между островами Делос и Миконос с луком на плече, гордо задрал подбородок. Но Орион, как его отец и все сводные братья, был склонен к злосчастным желаниям. Его жизненное поприще оказалось коротким.

Перед ним не устояла бы практически любая богиня, но он возжелал мою дочь Артемиду, самую нетерпимую к любви. Не слишком обольщаясь, я смотрел на дело благосклонно; к тому же у обоих была общая страсть к охоте. Но вместо того чтобы следовать за Артемидой, восхищаться и служить, Орион бросил ей вызов, что было весьма неуклюже. Еще менее ловкой оказалась попытка принудить Артемиду силой. Горделивая богиня пришла от этого в столь великую ярость, что напустила на Ориона скорпиона и тот укусил беднягу в пятку. Потом она забросила их обоих на небо, в гущу других созвездий. Нет ни одного созвездия прекраснее Ориона; три звезды сияют на его золотом поясе. Но Орион убегает с летнего неба, как только там появляется Скорпион, оберегая приход Девы.

Да уж, мой брат Посейдон доставляет мне не одни только радости. Но зыбкое царство, которое я ему доверил, лучше всего подходит его непостоянной и противоречивой натуре; в любом другом месте он прибавил бы мне еще больше забот.

Первые труды; первые посевы.
Просьбы Прометей. Посещение Реи

За собой я оставил непосредственное управление землей и небом. Вскоре я сполна познал, каково это — быть царем. Со всех сторон меня обступали боги земли, животных и растений, они требовали распоряжений, законов, указаний. Но в первую очередь все ждали рецептов счастья, словно сама смена правления должна была сразу же предоставить лекарство от прежних недугов, а мое вмешательство — немедленно наделить каждого подлинным блаженством.

Мой кузен Прометей беспрестанно донимал меня прошениями. Этот запоздалый союзник был как-то особенно надоедлив.

— Человек. Думай о человеке, — твердил он. — Нынешнее состояние человека недостойно ни его, ни нас. Надо немедленно действовать на благо человека.

Какие же обещания успел раздать Прометей, чтобы вкладывать столько настойчивости в свои ходатайства?

— Никто, — отвечал я ему, — не заботится о состоянии человека больше меня. Но что толку наделять его возможностями, которых ты требуешь, пока не залечены раны земли и кругом царит разорение? Какую отраду, по-твоему, найдет человек в отравленных лесах и сожженных равнинах? Серпы, серпы! Конечно,

ему дадут серпы. Но надо сначала, чтобы было что жать. А для жатвы нужен посев. Иначе люди только покалечат друг друга этими серпами. Пусть сперва моя сестра Деметра научит их распознавать пригодные семена.

Я не жалел сил, мотался из края в край, торопил времена года, богов рек и полевых нимф. Довольно скоро земля вновь стала большой гудящей стройкой, какой была, наверное, при Уране. Все природные силы участвовали в работе; даже нетерпеливому Прометею пришлось признать улучшения.

Но по мере того как дело продвигалось, я открывал для себя всю его необъятность и порой сомневался, что когда-нибудь доведу его до конца. Боги и прочие существа видели меня полным решимости и уверенности в себе; они верили в неисчерпаемость моей энергии. Но никто, кроме трех моих сестер, не мог и представить себе, какая тревога меня порой одолевала. Каждый вечер, намаявшись за день, я приходил к своим сестрам — единственным тогда богиням, близ которых мне хотелось скинуть бремя забот, признаться в своих страхах и не скрывать усталости. Их присутствие давало мне ощущение семейной безопасности, которой я был лишен в детстве.

А как же моя мать, наверняка спросите вы, что стало с моей матерью, прекрасноволосой Реей? Виделся ли я с ней и почему ее не было подле меня?

Конечно, я познакомился со своей матерью, это было моим первейшим желанием. Сразу после своего избрания я отправил к ней свиту из нимф, чтобы те доставили Рею на Олимп. Наконец-то я смог любоваться ее несравненным, отмеченным печалью лицом и пышными, теперь уже посеребренными волосами. Мы долго беседовали, но не поняли друг друга.

Моя мать жила тройной гордостью и тройным несчастьем. Ее гордостью было то, что она дочь царя богов, супруга царя богов и мать царя богов. А несчастьем, что на ее глазах был изувечен отец, заключен в око-вы супруг и сожраны дети.

— Но ведь я уцелел благодаря твоей уловке, а теперь и все остальные твои дети вернулись к свету, так что радуйся,— сказал я ей.

— Прошлое ничем не стирается,— возразила Рея.— И ничто не заменит мне вашего детства. Я не могла воспитывать тебя и остальных своих детей, не видела ваших первых улыбок.

— Но мы же снова обрели друг друга!

— А разве это не боль — обрести друг друга так поздно, ведь мы и не должны были расставаться?

Я понял, что она богиня сожалений.

Она сожалела обо всем. Тосковала по чудесному детству в садах Атлантиды; охотно вздыхала о безумствах своей юности; сетовала о своем роковом браке; стенала о своей горькой участи супруги и матери. И вот теперь что-то в ней начинало сожалеть даже о Кроне; вернее, она сожалела, что Крон был не таким, каким мог бы быть.

Я не заметил, чтобы она слишком уж гордилась моей победой, разве только перед другими божествами. «Видите,— казалось, говорила она,— какого могучего бога я родила!» Мне же она сказала:

— Как я могу радоваться тому, что мой сын был вынужден ради спасения мира поднять руку на собственного отца?

Рея хотела, чтобы никто никогда не забывал: ее судьба была долгой чередой образцовых страданий.

— Матушка,— спросил я,— где бы ты хотела жить?

— На Крите,— ответила она.

Я был удивлен ее выбором, она казалась раздраженной моим удивлением:

— Разве это не то место, где я дала тебе жизнь, определив тем самым и твое будущее царство? Разве не там я исполнила важнейший труд ради будущего Вселенной?

— Значит, ты будешь проживать на Крите, матушка, и будешь там почитаема.

Перед расставанием Рея вспомнила, что у нее есть внуки, и пожелала с ними познакомиться. Я тотчас же позвал муз, мойр, граций, прочее свое потомство женского пола и всех ей представил.

— Это Афина, моя старшая дочь, от Метиды; а это дочери от Памяти...

Рея грустно улыбнулась каждой.

— Думаю,— произнесла она,— что эти дети никогда не навещат меня. Оно и понятно: у всех своя работа. Но разве это не горько — жить в одиночестве, когда у меня такое многочисленное потомство?

Я не стал напоминать ей, что она сама выбрала себе место жительства; но и не побуждал переменить решение, о котором она уже сожалела. Прежде чем показывать себя хорошим сыном, мне надлежало быть хорошим царем. Ведь моя мать, злоупотребляя уважением к своей персоне, наверняка парализовала бы работу совета богов, говоря там только о самой себе.

Нимфы, к которым присоединились дельфины и тритоны, вновь составили кортеж, чтобы сопроводить Рею на Крит. С тех пор она безвыездно проводит там все свои дни. Она общается преимущественно с Амалфеей, и воспоминания составляют главную основу их разговоров. Воспоминания похожи на мясо, которое можно приготовить двадцатью разными способами: плоть все та же, но меняются ее вид, приправы и вкус.

Путешественникам моя мать долго рассказывает о своем одиночестве и о моих свершениях. Набожные люди воздвигли ей много храмов, а женщины повсюду чтили ее культ.

Однажды я сам удивился, неожиданно сказав:

— В сущности, я сожалею, что у моей матери такая натура, а не...

И тотчас же осекся, а потом попросил дочерей предупредить меня, если когда-нибудь начну походить на свою мать Рею.

Гестия — богиня домашнего очага. Предназначение девственниц

Заботу о моем домашнем очаге взяла на себя моя сестра Гестия. Старшая из нас шестерых, она терпеть не может перемен и опасается приключений, даже любовных. Она привержена постоянству, и завтрашний день нравится ей только в том случае, если похож на вчерашний. Когда наш брат Посейдон, который и счастье не мог своих разочарований в любви, вдруг затеял ухаживать за ней, Гестия, в совершеннейшем ужасе при мысли об изменении своей особы, умолила меня сохранить ей вечную девственность. Я согласился тем более охотно, что такая, какая есть, она оказывает мне весьма важные услуги, но не будит желания.

Не то чтобы она уродина, совсем наоборот, Гестия красива, но красотой спокойной и правильной, которая не привлекает взгляд. Ее совершенство лишено блеска.

Жена строит очаг, любовница разрушает; а девушка, когда настает ее черед стать матерью, очаг покидает. Каждая, зажигая один огонь, гасит другой; и все, став прабабками, дрожат от холода у остывшей золы. Только девственница поддерживает пламя.

Счастлив дом, где лишенная воображения девственница, рожденная для преданности, следит за порядком

и соблюдением обычаев и каждый вечер одним и тем же жестом кладет полено в огонь. Тогда поколения остаются вокруг очага.

Именно потому, что огонь не угасает, ветреный супруг возвращается домой; перед этим огнем, осветившим столько прожитых вместе дней, прощают виновную супругу; у этого тепла садятся зятя, к нему в молчании приходят и блудный сын, и молодая вдова, держа за руки своих детей.

Девственница-хранительница живет в своем нетронутом теле отнюдь не для себя самой; ее чувства питаются только горестями и радостями других. Она наперсница нетерпеливого гнева подростка; и старику не стыдно признаться ей, что в глубине души он чувствует себя похожим на ребенка, которым был когда-то.

Поскольку сама она не рожала, время вокруг такой девы-хранительницы словно останавливается и она излучает иллюзию, будто умершие всего лишь ненадолго отлучились.

Я часто напоминаю моим собственным сыновьям и дочерям, чем они обязаны моей старшей сестре. Гестия распределяет обязанности среди дежурных нимф, следит за распорядком кортежей и пиров, по утрам торопит трех Гор, когда те мешкают, запрягая колесницу Солнца. Без нее, без тетушки Гестии, как ее все зовут, Олимп, конечно, был бы не большим, полным шумливых домочадцев домом, но всего лишь судилищем, где я восседал бы на холодном троне.

Я повелел, чтобы культ Гестии чтили во всех людских жилищах и чтобы ее статуи были поставлены во всех храмах всех богов. Но эти статуи подобны самой Гестии: перед ними часто проходишь, не замечая их.

Деметра. Радости и труды. Сады Сены. Цветочные часы. Филадельфы

Если Гестии нравится оставаться у очага и никогда не выходить за порог дворца, то совсем другое дело — моя сестра Деметра, которая только и любит, что бегать по садам и полям. Сколько раз вечером, не видя ее возвращения и беспокоясь, я отправлялся на поиски и обнаруживал ее, одетую одним лишь лунным светом, у какого-нибудь дерева, которое она обнимала руками, к которому прижималась ухом.

— Слушаю соки, — поясняла она.

Запах скошенного сена всегда приводит Деметру в экстаз, ее пьянит даже сладковатый, приторный дух гниющих листьев. Я не раз видел, как она погружала свои большие светлые руки в черный перегной и разминала его, вдыхая испарения месива.

— Это жизнь для завтрашнего дня, — говорила она при этом.

Ей достаточно взять плод в свои ладони, чтобы от него пошли плоды более крупные.

Деметра сочла, что щиток рябины-арии слишком плотный и слишком частый. «Столько надежд, сученных на одном черешке, принесут хилые плоды», — рассудила она и произвела от рябины-арии черешню, еще кисловатую, но уже гораздо более мясистую, а затем — прекрасную толстощековую вишню с роскошной

сладкой мякотью и кожицей цвета крови — все те крупные, сочные ягоды, которые уплетают ваши дети, идя в школу.

А тыквы! Деметра была страстно увлечена тыквами. Помню ее смех и радость в тот летний день, когда она шла к столу богов, неся свою первую круглую тыкву так, будто сорвала солнце. Ах, до чего же она хороша, внучка Урана! И до чего же ярко в ней проявились, как и в каждом из нас, черты демиурга-основателя! Посейдону досталось неумное и буйное воображение; Аиду — терпение во время медленных преобразований... А мне — способность уравнивать и согласовывать эти различные силы, быть их верховным объединителем и руководителем.

На первых порах моего царствования, когда я больше занимался переустройством, чем творчеством, и когда моей основной задачей было привести в порядок природу, именно Деметра стала моей главной соратницей, спутницей и работницей. Мы вместе трудились на божественных стройках. Террасы Тосканы и фруктовые сады Умбрии, уэрты Иберии, пальмовые рощи Ифрикии, зеленые долины Ливана — эти земли до сих пор хранят память о наших трудах.

Вот послушайте, хочу задержаться на одном счастливом моменте. Мы в то время гостили у нашего родственника, бога реки Сены. Равнины этого края своими обильными урожаями словно подтверждают, что мы там побывали. Позже местные жители воздвигли в мою честь колонну на острове Лютеция и посвятили мне храм, который возвышался неподалеку, на левобережном холме.

Храм и колонна исчезли в основаниях других базилик. Однако мое имя осталось в названии холма, где некогда возвышался храм: это «mont Jovis» — гора

Юпитера. Позже оно превратилось в слово «монжуа» и долго служило боевым кличем, собирая храбрецов вокруг королей.

Итак, пока мы трудились в этих садах на Сене, я все удивлялся, что Деметра встает еще до рассвета.

— Смотрю, как распускаются цветы, — объяснила она. — Они ведь не все раскрываются в одно время, и я пропустила бы самые ранние, если бы не приходила засветло. Первым просыпается, еще в ночной темноте, повой — белый выюнок. Затем в серых предрассветных сумерках разворачивает свои лепестки мак. За ним спешит голубоглазый лен, потом наступает черед звездчатки, очецвета и рыжеватых ноготков. И так цветок за цветком, до вечера. Не думай, что ночная красавица, мирабилис, идет последней. Когда все засыпают, под лунным светом раскрывается красный выюнок, замыкая циферблат. Цветы этого края, братец, — настоящие часы.

Вам, сходным со мной мужчинам, небезызвестно, что существуют две разновидности сестер. Те, что похожи на Гестию, не вызывают совершенно никакого желания, и даже сама мысль соединиться с ними возмущает нас своим кощунством. Но есть и другие, любовь с которыми нам, наоборот, представляется чем-то самым естественным, самым успокоительным, самым необходимым, почти священным.

Ни одна любовница не может быть нам ближе, чем любовница-сестра. Никакая ложная стыдливость, то есть никакая боязнь, что тебя не примут таким, какой ты есть, не отделяет нас от нее, а ее от нас. Не нужно никакой борьбы, чтобы раскрыть ее или дать ей познать тебя; в ее объятиях обретаешь самого себя, соединяешься с самим собой. Сестра, обвивающая руками стан брата, ищет силу отца, которая их породила. Брат

на груди сестры хочет вновь обрести таинственную ночь материнской утробы. Вместе они возвращаются к своим истокам и чают воссоздать родительскую чету.

Ну же, сыны мои, будьте искренни! Кто из вас ни разу не грезил об этой чистоте, об этом возврате к мгновению своего собственного зачатия? Сколько мужчин постоянно чувствуют некоторую неудовлетворенность жизнью из-за того, что у них нет сестры, вернее, сестры, которую они могли бы желать? Не оскорбляйтесь и не бойтесь себе признаться.

Кровосмеситель — это сын, который соединяется со своей матерью, поскольку крадет место своего отца и вносит беспорядок в закон продолжения рода. Не забывайте кару, наложенную на Эдипа, с которым это несчастье случилось против его воли, пусть она всегда служит вам лучшим предостережением! Но братские союзы я отнюдь не осуждаю; вы сами сделали из них преступление. Лучше вспомните, что мои жрецы часто благословляли династии Филадельфов, и попытайтесь понять, почему такие большие роли были отведены в вашей истории Птолемеям, Клеопатре, Беренике...

Однако все это открылось мне лишь в тот день, когда Деметра тем же точно движением, каким обнимала деревья, обвила меня руками и приложила ухо к моей груди.

Для того, кто любит пышную красоту, Деметра, конечно, прекраснейшая из богинь. У нее гордые бедра, сильные ноги. Когда она идет, ямочки в углублении ее гибкого крестца словно смеются. Выпуклый живот мраморно гладок, щедрая грудь упруга, зубы блестят, глаза сияют голубизной. Ее щеки свежи, словно розы, а когда Деметра приподнимает обеими руками свои густые золотистые волосы, кажется, будто она несет

над головой тяжелый сноп первой жатвы. По крайней мере, раньше, до своих несчастий, она была такой круглый год.

Но наши радости длились недолго. Деметра не только любовница, прежде всего она мать.

У нас родилась дочь. Деметра, чей ум не любит слишком мудрить, назвала ее Корой, что означает попросту «дева», «девушка». Однако Коре предстояло вскоре сменить имя и назваться Персефой. Всем вам известно, что Персефона была похищена. Но как, почему? Если кто-то из вас и знал это, бьюсь об заклад, что уже забыл. Так что самое время правдиво поведать эту историю, увы, не самую счастливую из тех, что случились в мое царствование.

Кора. Ее юность и похищение. Грубость Аида. Нимфа Кианея

Глядя на выносившую ее мать, можно было подумать, что Кора станет самой крепкой и веселой из всех моих дочерей. Она же, напротив, выросла бледной богиней, лишенной пыла, желаний и жизнерадостности. Ребенком она не играла, не кричала, не смеялась и смотрела на все вокруг взглядом печального взрослого, внушавшим тревогу. Потом вытянулась, превратившись в томную отроковицу с полупрозрачными щеками и шелковыми волосами, медленно гуляющую среди цветочных полей. Казалось, что слишком пышная грудь — единственная черта, унаследованная от Деметры, — тяготит ее белые плечи.

Я попросил Афины заняться обучением дочери, но Кора проявила больше склонности к туманным мечтаниям, чем к учебе. Я приставил к ней многих нимф для свиты и развлечений, но она подружилась только с Кианеей, так как они были похожи. Коре нравилось на Сицилии, точнее, там ей не нравилось меньше, чем в других местах.

Как-то ночью мой брат Аид увидел ее спящей под кипарисом. Ах, девушки, порой испытывающие презрение к жизни, знайте, что ночные часы опасны, это время, когда Аид, поднявшись на землю из своих черных владений, выходит подышать свежим воздухом.

Едва увидев лежащую Кору, неподвижную и словно лишенную жизни, Аид понял, что никогда не сможет забыть это видение. Он немедленно побежал ко мне просить мою дочь в жены. Ну разве пристают с такими просьбами среди ночи? Конечно, он меня разбудил, треклятый братец!

Я ответил слишком поспешно и легкомысленно, должен это признать. Но голова моя в тот момент была переполнена заботами, которые донимали меня даже во сне. Многие реки на севере Африканского континента, русла которых я велел гигантам углубить, недавно исчезли, поглощенные песками, да так, что и следов не осталось. Моя кузина Осторожность подозревала гигантов во вредительстве, уверяла, что они нарочно работали абы как, обмениваясь при этом таинственными посланиями. Тревожили меня также требования и поступки Прометея.

Да и сама Кора была для меня головной болью. Это ведь всегда тягостно для семьи, когда дочка не имеет склонности ни к чему, ничего не хочет, ничего не делает. А тут вдруг для нее появилось занятие, супруг и царство в придачу.

Болезненная томность девочек-подростков часто вызвана чрезмерным самолюбием: не имея возможности быть царицами, они не хотят быть никем. Может, Кора, не знающая, чем себя занять на земле, обретет свое счастье, став владычицей Преисподней?

К тому же я не хотел в это трудное время отталкивать от себя брата, который оказал мне решающую помощь в войне и проявлял теперь в своем мрачном нетерпении все признаки неистовой страсти.

— Желаешь Кору? — спросил я его. — Ну так бери!

И я снова заснул. Тяжкая это была ошибка — не предупредить Деметру. На следующий день, на захо-

де солнца, когда Кора собирала дикие лилии на кручах Энны...

Но знаете ли вы Энну — городок в самом сердце Сицилии? Случалось ли вам когда-нибудь в синеватых сумерках проходить ее крутыми извилистыми улочками среди распряженных, грузно плетущихся быков и длиннорогих коз, которых гонят в хлев? Это час, когда женщины, закутанные в длинные черные покрывала, входят в храмы, чтобы целовать ноги статуй. Слышали ли вы когда-нибудь, как эти женщины монотонно поют перед алтарями свою вечную жалобу: о тяготах жизни и страхе смерти? В общем, Кора рвала лилии.

Аид, который провел день, забившись в какую-то расселину Этны в трех божественных шагах оттуда, набросился на нее и похитил. На нем был шлем-невидимка, скрывавший его от мира.

Мне и в голову не могло прийти, что, поняв мой ответ буквально, он возьмет за дело с такой неуклюжестью. Несколько хвалебных песен и благозвучных клятв сработали бы ничуть не хуже этого насилия.

Кора, схваченная невидимыми руками, испустила крик ужаса, которому горы долго вторили эхом.

Нимфа Кианея, видя, что ее подругу влечет какая-то неведомая сила, бросилась по склонам ей на помощь. Но кто в силах бороться с богом смерти, когда тот сжимает в объятиях избранную им добычу?

Аид в бешенстве ударил нимфу и обратил ее в источник — на том самом месте близ Сиракуз, где разверзлась пропасть, через которую он увлек Кору во чрево земли.

Источник Кианея не похож ни на один другой. Это обширный, совершенно круглый водоем, наполненный черной ледяной водой. Я не советую вам, смерт-

ные, купаться там. Взгляд не способен достать до его дна; вы различите лишь ваше собственное отражение, но затемненное, дрожащее и словно наполовину стертое из жизни. Не склоняйтесь надолго над этим зеркалом; это один из выходов Стикса, и вполне понятно, что именно тут Аид спустился под землю.

Слившаяся с этим колодцем, в водах которого наполовину теряет ее тело, прекрасная, навеки безутешная Кианея рыдает, припав к берегу. Ее длинные, густые и мягкие волосы стелются водорослями до самого моря, а текучие руки обнимают тенистые острова, куда сиракузские влюбленные приходят обменяться первыми поцелуями.

Таинственная река, вечно следящая за ястребом, неподвижно застывшим в небе. Высокий папирус, растущий только на ее берегах, и нигде более в этом краю, свидетельствует о некой тайной связи с богом Нила, равно как и напоминающее гранат дерево, которое стояло тут в давние времена. Прежде чем исчезнуть, Аид сорвал с него плод.

**Отчаяние Деметры.
Домогательства Посейдона.
Конь Арейон и бесплодная Госпожа**

Деметра находилась в Египте и как раз смешивала с илом тамошнюю почву, чтобы та давала несколько урожаев в год, когда услышала крик своей дочери. Тревога тотчас же заледенила ей сердце.

Она вскочила, бросила свою работу, помчалась на Сицилию и, не найдя там свое дитя, поспешно поднялась на Олимп. Задыхаясь, стискивая мне руки, Деметра спросила, где Кора.

И я, как трус, ответил, что не имею понятия.

Тогда, набросив на плечи покрывало черного облака, она полетела наугад, словно большая обезумевшая птица. И вот, целых девять дней и девять ночей, не умываясь, не украшая себя и не причесываясь, без пищи и отдыха, Деметра обыскивала все стороны света и носилась над волнами, беспрестанно окликая свою дочь, требуя свою драгоценную Кору у каждой горы, у каждой реки, у каждого встреченного божества.

Она держала в руках зажженные факелы и пребывала в таком смятении, что днем забывала гасить их.

Мой брат Посейдон, как я уже говорил, домогался Деметры с тех пор, как узнал, что она меня любит. Слыша, как она стонет вдоль берегов, Посейдон решил, что настал его час.

Он приблизился к нашей сестре, притворяясь, будто хочет ее утешить, и на первом же подвернувшемся пляже попытался воспользоваться ее смятением.

Не такого утешения ждала Деметра. Она с возмущением вырвалась, оттолкнула его и, вся в песке, обливаясь слезами, встала, чтобы продолжить свои неистовые поиски. Но Посейдон пустился вдогонку; оба бегом неслись по свету, одна подгоняемая горем, другой желанием. Они перескакивали через проливы, устья рек и полуострова; мысы и береговые утесы дрожали под их ногами.

В Аркадии пасся табун лошадей. Деметра, из последних сил пытаясь скрыться, превратилась в кобылицу и смешалась с табуном. Но Посейдон, не оставивший от нее, заметил эту белую кобылицу с широким крупом, более высокую, более красивую, чем остальные, у которой из ноздрей вырывался пар, а ноги дрожали, словно после долгого бега. Он разгадал хитрость и сам тотчас же оборотился конем.

В облике богини Деметра устояла перед домогательствами бога; но, став лошадью, была вынуждена уступить натиску жеребца.

От этого соития без любви, случившегося из-за усталости и неистовства животного желания, родились два странных существа; одно несчастно само, второе приносит несчастье другим.

Несчастный плод — это Арейон, говорящий конь, чьи ноги с правой стороны человечески. Кони чураются его, а люди, которым он оказал некоторые услуги благодаря своей быстроте и ловкости, продолжают относиться к нему как к коню.

Зловредное же существо — та самая дочь, которой я запретил давать имя, чтобы ее нельзя было призвать. Называют ее просто Госпожой, или Хозяйкой, или же

Той, Которую Не Называют. Она приближается к вам, не видя вас, поскольку слепа. Там, где она прошла, вянут цветы, плоды сохнут на ветвях, дети умирают в материнской утробе. Так Госпожа мстит за свое несчастливое рождение и за то, что ее оставила мать.

Деметра, едва родив посреди табуна, приобрела свой изначальный облик, подобрала факелы и опять бросилась на поиски Кору.

На десятый день она повстречала Гекату и расспросила ее.

Геката и колдовство

Я еще не рассказывал вам о Гекате. Дочь Персия и Астерии, детей титанов, она выполняла важные функции задолго до моего воцарения, которое сама когда-то предрекла. Геката не только не противилась моему восшествию на престол, но и всячески ему способствовала, став одной из тех безвестных союзниц, что подготовили мир к моей победе. Я утвердил за ней полномочия, которыми она располагает с очень древних времен, и даже увеличил их.

У богини Гекаты три тела. Она идет, держа сама себя за руки, и они образуют вокруг нее своего рода гирлянду. Когда она садится на верстовой камень, его окружают шесть ног; она постоянно смотрит в три разные стороны, и никогда нельзя увидеть ее со спины.

Вы ведь сообразительны, а потому наверняка думаете, что благодаря трем телам Геката обладает способностью видеть одновременно прошлое, настоящее и будущее. Правильно догадались, но не спешите раздуваться от гордости. Вспомните лучше, что любое первое объяснение не исчерпывающее и что всякое очевидное значение заключает в себе и другое, потаенное.

Геката — божество, наделенное тройным восприятием одного и того же предмета: его сути, его проявления и его отсутствия.

Она богиня магии.

Встретить ее чаще всего можно на перекрестках, потому что именно на пересечении путей, когда мысль колеблется, какую дорогу избрать, более всего необходим ее совет. Маги, волшебники и колдуны, которые сродни Гекате, сходятся ночью, чтобы поднести ей дары, и окружают ее, чтобы набраться у нее знаний. Она связана как с Преисподней, так и с Несотворенным. Геката не меняет решений Судеб, но может предвидеть их и помочь в их осуществлении. У меня самого сохранились кое-какие воспоминания о красотке Кирке, которая поставила искусство магии на службу любви.

Геката, что бы вы там ни думали, божество благое. Она будет вдохновлять оратора на трибуне и полководца на поле брани, если им хватило ума к ней обратиться, она сделает тучным скот пастуха, наполнит золотом сундук купца или рыбой — сеть самого убогого рыболова.

Можно, правда, удивляться, что она предоставляет покровительство всем без разбору, самым различным существам и поступкам.

Это потому, что магия — искусство совершить правильный поступок в правильное время и в правильном месте.

Повторяю: магия — искусство совершить правильный поступок в правильное время и в правильном месте.

Повторю еще раз: магия — искусство совершить правильный поступок в правильное время и в правильном месте.

Ну что ж! Вы поняли с первого раза. И все же благодарите, что я сказал это трижды.

Геката равнодушна к вашим иерархиям; она знает, что у каждого поступка одинаковый вес, одинаковая

важность относительно судьбы человека, кем бы он ни был, и что для рыбака направить свое суденышко к благоприятным водам в благоприятный час не менее важно, чем для трибуна вовремя произнести речь, которая изменит историю его народа.

Однако тот, кто должен совершить этот поступок, крайне редко умеет чувствовать нужное *время*, поскольку это умение требует отрешенного взгляда, который видит одновременно и прошлое, и будущее. Сколько было проиграно сражений из-за слишком поспешной или слишком запоздалой атаки; сколько трудов пошло прахом из-за нетерпения или медлительности! А сколько было побед или удач, которыми так и не воспользовались, потому что не знали, как с ними быть!

Определение *места*, возможно, еще труднее, поскольку требует знания скрытых взаимосвязей между человеческими темпераментами и составом почвы под ногами, между предстоящим действием и особыми ритмами расширения и сокращения, которые присущи каждой области, от обширнейшей державы до мельчайшего клочка земли.

Как раз во всем этом Геката, великая наблюдательница за космическим циферблатом, может вас просветить и помочь вам.

И хотя порой вы проклините ее ворожбу, потому что она связывает ваши силы и вашу волю, она часто спасительна, поскольку насильно, против вашего желания удерживает вас от действия в неудачный момент и вынуждает дожидаться благоприятного часа.

Итак, Деметра обратилась к Гекате. А поскольку Геката, когда ее о чем-либо просят, поднимает два факела теми своими руками, которые повернуты к настоящему, то Деметре сначала почудилось, будто перед ней зеркало.

Геката, которая знала, где находится Кора, не сказала этого Деметре; но посоветовала задать такой вопрос Гелиосу, Солнцу.

Так поступают хорошие маги: вместо того чтобы дать готовый ответ, они предпочитают наставить вас на тот путь, где вы найдете его сами.

Деметра расспрашивает Солнце.
Горестный камень.
Деметра находит приют у элевсинского царя.
Кикеон. Царь былых времен

Деметра тотчас же поднялась в облака и побежала к жаркому Солнцу. Гелиос, узнав в ней великую богиню, пригласил ее в свою колесницу, из которой все видно, и там, правя своими пламенеющими конями, открыл ей, где находится Кора и кем была похищена. Он сообщил ей также, что Кора, спускаясь в Преисподнюю, потеряла свое имя.

— Но как же Зевс, ее отец, царь богов, не воспрепятствовал похищению и даже не был о нем извещен? — спросила Деметра.

— Твой брат Зевс солгал тебе, — ответило Солнце. — Он знал все, они с Аидом сообщники; Зевс сам отдал ему в жены вашу дочь.

Ах, смертные! Я ведь уже сказал вам: этот эпизод отнюдь не добавляет мне славы. Пусть он хотя бы послужит вам уроком и научит вас, что никто никогда не застрахован от трусости. Лгать — значит бояться; ложь — проявление слабости. Почти всегда последствия лжи тяжелее, чем последствия откровенности.

Слова Солнца довели боль Деметры до предела, окончательно разрушив ее рассудок. Она бросилась с лучезарной колесницы и вернулась на землю, но отказалась занять место среди олимпийских богов. Тщетно

я посылал к ней Ириду-вестницу. Несмотря на самые прекрасные радуги, Деметра лишь качала головой и ничего не отвечала. Тогда я сам отправился к ней, чтобы попробовать оправдаться и вернуть ее. Деметра словно не узнавала меня, да и я почти усомнился, что это она, настолько горе и безумие ее изменили.

Неужели высокая, жизнерадостная, деятельная Деметра, моя дорогая сестра, такая круглощекая и улыбочивая, превратилась в эту старуху, едва прикрытую лохмотьями, сидящую перед Элевсином на каменной тумбе, которую называют с тех пор Горестным камнем? Где ее сильные руки, пышная грудь? Потускневшие и слипшиеся волосы Деметры висели клочьями; слезы прочертили борозды на лице; груди, как пустые бурдюки, болтались на выпиравших, будто плетень, худых ребрах. Она уже не помнила себя, не хотела помнить детей, которых родила от Посейдона.

Только стенала: «Кора, Кора!» А поскольку это имя, как я вам уже говорил, означает «дева», то перед ней останавливались девственницы. Остановились и три дочери царя Келея, проходившие той дорогой. Деметра, видя, какие они молодые и красивые, видя букеты полевых лилий в их руках, разразилась рыданиями. Дочери царя сжалились над нищенкой, которая, казалось, не знала, откуда и куда идет, и только невразумительно бормотала в ответ на расспросы:

— Упала с солнечной колесницы... Моя дочь потеряла имя... Ищу пристанища. Хочу быть самой последней служанкой.

Девушки решили ее подобрать. Но когда Деметра вошла в жилище царя Келея, присутствующие с изумлением увидели, что ее голова коснулась потолочных балок, а закрывшаяся за ней дверь засверкала золотым блеском. Тогда все начали думать, что она — сверхъестественное существо.

Деметра отказалась сесть и прикоснуться к пище, которую ей предложили, и тогда одна притулившаяся у очага беззубая старуха по имени Ямба крикнула ей:

— Будь ты хоть нищенка, хоть богиня, а только если похлебка, которую тут едят, твоему рту не по вкусу, можешь попотчевать ею свою задницу!

И она сопровождала свои слова непристойным жестом, который неожиданно рассмешил Деметру. Боги, как и цари, не привыкли, чтобы к ним обращались в таком тоне, поэтому крепкое словцо их порой забавляет.

В общем, Деметра стала прихлебывать кикеон — варево из ячменной крупы, молока, меда, укропа, мяты и тмина, которое с тех пор подают новопосвященным во время мистерий. Я назвал его состав, но не скажу, как готовить. Это вам не простая еда, которую каждый может сварить в своей печи.

Возможно, те, кто рассказывал вам историю Деметры, добавляли, что царь Келей на самом деле был бедным козопасом, а его дворец — жалкой лачугой.

Это потому, что десять коз, один очаг, одна крыша составляли тогда завидную участь царей. Три балки на потолке — да это же настоящий дворец! По таким вот признакам и узнавали тогда государей.

Сегодня каждый из вас обладает кожаной обувью, шерстяной и льняной одеждой, часами, чтобы узнавать время, шкафом, сохраняющим напитки холодными, печью, делающей мясо горячим; из специального источника каждый может черпать воду то кипящей, то ледяной; для передвижения вы садитесь в стремительную колесницу... И каждый из вас во сто крат богаче бывших царей. Но и вы, надеюсь, будете выглядеть бедняками в глазах завтрашнего дня.

Деметра, дитя и огонь.
Мельница Триптолема. Бесплодный год

Тем не менее Деметра упрямо хотела быть служанкой, и когда Метанира, жена Келея, родила сына, Деметра упросила, чтобы ребенка доверили ей.

Но она была странной нянькой. Вместо того чтобы кормить ребенка, она дула на него, а когда все домочадцы засыпали, укладывала его в огонь, посреди языков пламени и краснеющих головней. Как-то ночью царица Метанира застала ее за этим занятием и завопила от ужаса. Тогда Деметра вынула ребенка из огня и сказала:

— Жаль, что ты мне помешала, я ведь пыталась сделать твоего сына бессмертным. Теперь же ему придется познать удел каждого человека. — Затем она с грустью добавила: — Увы, я так и не сотворила ничего, что не было бы обречено на гибель.

Теперь, поскольку вам так нравится ловить меня на слове, вы наверняка спросите: «Почему же, отец Зевс, ты так ужасно покарал нашего кузена Прометея за известный проступок, если, как сам теперь говоришь, в доме элевсинского царя уже был огонь?» На это я вам отвечу, что вы — тщеславные глупцы и все время спешите прервать чужую речь, вместо того чтобы дослушать до конца. Такое с вами частенько бывает: думаете, что блещете умом, а на самом деле выставляете лишь собственное легкомыслие и тупость.

Кто вам сказал, что у людей не было огня до Прометея? Откуда вы это взяли?

С самого начала моего правления в людских жилищах был огонь. Но то был огонь, зажженный молнией, ударившей в дерево, или же потоком раскаленной лавы, вытекшей по моему повелению. Это был *мой* огонь, данный в пользование, частицу которого люди приносили в свои пещеры, в хижины из ветвей и земли или в первые дворцы, сложенные из камней. Этот огонь надо было оберегать и беспрестанно поддерживать; ведь если я хотел по какой-либо причине, чтобы он угас в таком-то жилище или краю, мне достаточно было поразить хранительниц забывчивостью, или выпустить реку из берегов, или наслать обильный дождь. Для чего, по-вашему, предназначены тяжкие ливни, которыми завершаются мои грозы, если не для того, чтобы гасить разбушевавшиеся пожары, за которыми я не уследил? Я ведь контролировал огонь. Прометей, ваш герой, тоже был к нему допущен, я не мешал ему пользоваться стихией огня. Но он искал способ добывать его самостоятельно.

Прометей собирал кремни и пробовал бить ими по другим камням, гладил кошек по спине, чтобы почувствовать, как в их шерстке потрескивают искры, ходил вокруг вулканов. Он хотел найти саму суть огня. И только когда он этого добился — вероломством, о котором расскажу в свое время, — я был вынужден строго его покарать.

Так что сами видите: прервали вы меня попусту и рассудительности у вас маловато.

Но вернемся к моей бедной сестре.

Потерпев неудачу в попытке обессмертить дитя своих благодетелей, она решила преподнести этому чаду хоть какой-нибудь исключительный дар. И в продуваемой ветрами Элевсинской теснине смастерила соб-

ственными руками первую ветряную мельницу. Увидев, как завертелись белые крылья, восхищенный ребенок захлопал в ладоши и с тех пор каждый день приходил любоваться чудесной игрушкой. Позже Деметра показала ему, как использовать силу крыльев для вращения мельничного жернова.

Триптос — так называется древний хлеб, употреблять который советовал один мой подопечный, Гиппократ с острова Кос. Триптерос — это человек, который дробит зерно. Триптолем — имя царственного ребенка, которому Деметра подарила мельницу.

Но молоть на этой мельнице было пока нечего. За тот год, что Деметра провела у царя Келея, заброшенная ею природа перестала что-либо порождать. Не было ни жатвы, ни урожая. В сухой и бесплодной земле семена не взошли. И Та, Которую Не Называют, пользуясь отсутствием своей матери, повсюду рассыпала антисемена, отрицание зародыша и проростка. Поля и сады превратились в пустыню. Я видел, что роду человеческому грозит голодная смерть, даже подаренная Ураном корова не находила себе травы, и ее молоко иссякло.

Тщетно отправлял я к своей сестре новых посланцев, причем отнюдь не ничтожных, чтобы они умолили ее отказаться от своего пагубного упрямства. Просители принимали разные обличья: то ледяного ветра, что дует в щель под дверь, то голодной птицы, что садится на край окна, то ребенка, дрожащего от холода и тянущего руку к прохожему. Они испробовали все возможные языки, чтобы тронуть сердце Деметры. Но она никого не желала слышать.

Тогда я призвал своего брата Аида для тягостного разговора.

Разговор с Аидом. Возвращение Кору. Гранат и персея

Разговор был долгим; я описал ему, как изменилось состояние Деметры и природы со времени похищения Кору.

— В твоём царстве,— сказал я ему в заключение,— скоро случится внезапный и удивительный наплыв новых подданных, но зато потом не явится ни одного, и уже навсегда. Всякая жизнь угаснет из-за отсутствия пищи. Следовательно, смерти некого будет к тебе посылать. Получится так, что вместо спасения и продолжения дела Урана мы его попросту уничтожим. Разве этого мы хотели, подняв оружие против нашего отца? Твоя женитьба — тяжкая ошибка, ответственность за которую мы несем оба. И как бы ни мучительно мне было отречься от своего слова, а тебе еще мучительнее приносить такую жертву, я вынужден просить, даже умолять тебя отказаться от Кору и вернуть ее на свет.

Аид выслушал эту речь со спокойствием, которое меня немало удивило. Я был готов предложить ему любое возмещение; собирался требовать, бороться, метать громы и молнии, если он откажется; в качестве последнего средства не исключал даже отречения от трона в его пользу и передачи ему власти над всеми богами — лишь бы спасти жизнь на земле.

Но к этим крайностям прибегать не пришлось. Аид ответил мне, что согласен с доводами и подчиняется моему требованию. Завтра же утром Кора будет возвращена матери.

Такая стоворчивость лишь усугубила мое беспокойство. Я ожидал столкнуться с упрямым супругом, а встретил понимание и учтивость. Как же на смену прежней, столь требовательной страсти могла прийти подобная отрешенность? Неужели Аид, удовлетворив свои желания, пресытился уже через год? Неужели он познал в своем браке некое тайное разочарование? Неужели Кора устроила ему в Преисподней то, что вы называете адской жизнью? Хотя он никоим образом не производил впечатления бога, чей союз несчастен.

Если нам подчиняются слишком охотно, это всегда тревожит, и я ломал голову, пытаюсь понять, в чем тут подвох.

Но на следующее утро меня ожидал еще один сюрприз. Покинув бездну, Кора прикрывала глаза руками и, казалось, говорила: «До чего же резок и груб этот дневной свет! Чего от меня хотят? Зачем потревожили, заставив бросить мое царство, где меня ждет обожание моих подданных? Ах, понимаю, здесь без меня тоже не могут обойтись!»

Как же она изменилась! Прямо расцвела в браке. Ее бледность приобрела перламутровую прелесть, плечи словно развернулись, посадка головы стала гордой. Прежняя вялая походка превратилась в надменную поступь, а былая медлительность наполнилась царственным величием. Все говорило о том, что она нашла свое счастье, полностью гармонирующее с ее природой. Кора решительно высказывалась о пустоте жизни и о глупой земной суете, доказывая великое довольство собой. Стало быть, я все-таки не ошибся, соединив ее с пове-

лителем Преисподней. Поступок-то был правильный, но — увы! — в неподходящее время.

Кора тщательно сосчитала количество нимф и смертных просительниц, которых я назначил ей для сопровождения, и, решив, что ее почтили достаточно, не спеша отправилась в Элевсин.

Деметра обезумела от радости, увидев появление своей дочери у царя Келея; но Кора сначала оттолкнула ее. Когда же она узнала свою мать в обличье оборванной старухи, то не смогла сдержать слезы. Все присутствующие пали ниц, трепеща при виде божественных объятий.

— Мой дом слишком мал, чтобы принять столь высоких и благородных гостей! — вздохнул царь Келей. — Мое жилище недостойно их.

— Как же мы приготовим пир, чтобы почтить их? — стенала царица Метанира.

— Да-да! Увы! — вторили хором служанки. — Как же мы приготовим пир, как подадим кикеон, если ничего не осталось ни в кладовых, ни в амбарах, ни на кухне?

И даже старая Ямба разохалась, бормоча по привычке всякие грубости.

Но Кора жестом остановила эти причитания.

— Пусть о трапезе не беспокоятся, — произнесла она, — потому что я не голодна.

Эти слова, похоже, встревожили Деметру.

— Кора, Кора, моя дорогая доченька, ты ела что-нибудь в Преисподней? — спросила она.

— Да, плод, который дал мне мой супруг. И знай, что теперь я зовусь уже не Корой, а Персефоной.

— Увы, горе мне! — вскричала Деметра. — Неужели ты вернулась только для того, чтобы сообщить столь ужасные новости? Твое новое имя Персефона? Тогда все пропало! Твой брак нерасторжим!

Рыдания снова сотрясли ее грудь. Деметра посыпала пеплом волосы и, раздирая свои лохмотья, снова уселась на Горестный камень.

Когда вам рассказывают о приключении Персефоны, всегда упоминают гранат. На самом же деле плод, который Аид сорвал в момент похищения, и впрямь похож на гранат, но красивее, вкуснее и тяжелее. А называется он персейон. Дерево, которое приносит эти плоды, — персея — очень редко встречалось, и только в Малой Азии и Египте. Места, где росла персея, считались божественными садами.

Вы ведь наверняка разламывали гранат, извлекали зернышки и знаете, как тесно мужское ядро соединяется в них с розовой женской мякотью, так что, лакомясь ими, нельзя одно отделить от другого. Вот почему гранат — священный плод бракосочетаний, и союз, который он символизирует и освящает, невозможно расторгнуть.

Вкусив персейон в царстве мертвых, Кора разрушила обе сути плода и тем самым навсегда связала себя с хозяином мрачного обиталища. Это ее новое имя, Персефона, означало «убийство персеи».

Вы понимаете теперь то, что я тогда понял: почему мой брат Аид проявил такое спокойствие? Он знал, что ему нечего опасаться и что даже мои приказы не в силах преодолеть решения Судеб.

Новое собрание богов. Компромисс. Ежегодное путешествие Персефоны и преобразования Деметры

Я созвал всех богов на Олимп. Это было одно из наших первых пленарных заседаний. Я попросил также присутствовать нашу родительницу Рею, чтобы придать больше торжественности собранию. Все испытали стыд, когда появилась Деметра в рубище. Сидя рядом со своей матерью, она казалась ее бабкой.

— Дорогая моя дочь, — сказала ей Рея, — разве лишиться детей не наша общая с тобой участь? Ведь я сама...

Я попросил внимания богов, изложил дело, затем обратился к Фемиде.

— Что гласит закон? — спросил я ее.

— Закон гласит, что супруга должна оставаться с супругом, — ответила Фемида.

— Это все, что гласит закон? — допытывался я.

— Закон гласит, что семя должно прорасти, а земля цвести.

Тогда я повернулся к осторожной Метиде.

— А что скажет благоразумие, если закон противоречит закону?

Метиде совсем не любит говорить публично. Она посмотрела на Аиду, потом на Деметру, потом на Фемиду, потом на меня. Наконец заявила:

— Если закон противоречит закону, благоразумие скажет, что их надо примирить.

Потом я попросил каждую сторону изложить свои доводы. Речь Аида представляла собой долгую аргументацию, речь Деметры — череду рыданий.

Персефона тем временем смотрела на собрание спокойным взглядом, улыбалась Аиду, улыбалась своей матери и казалась весьма довольной тем, что стала предметом столь серьезных прений.

Наконец я изложил суть компромисса, до которого додумался.

Знаю, один из ваших царей приобрел большую славу, предложив поделить пополам ребенка, на которого притязали сразу две матери. Хороший же вид имел бы перед историей ваш Соломон, если бы обе женщины согласились!

В любом случае подобный фокус с бессмертными не прошел бы.

Решение, которое я предложил, было ничуть не хуже: Персефоне отныне следовало делить свое время между супругом и матерью, две трети проводя на земле, а остальное — в Преисподней.

— У тебя жизнь получила преимущество за счет смерти, — сказал мой брат Аид.

— Это потому, что Деметре нужно больше шести месяцев на полевые работы. Есть ранние семена и поздние плоды. А твоя жатва не требует никаких усилий, и мойра Атропос работает на тебя круглый год. Если ты захочешь закрывать каждый год врата своего царства и проводить здесь, наверху, несколько праздных месяцев подле супруги, уверен, что многие будут этому только рады.

Слепой Аид — домосед; мысль оставить свой чертог мрака привела его в ужас. Видя, что все боги одобряют мое решение, он смирился. Приятно сознавать,

что Прометей в этом случае оказал мне полную поддержку.

Итак, каждый год с приближением весны Персефона поднимается на землю. Ее встречают все нимфы растительности и сводные сестры, горы, представляющие три времени года. При виде дочери Деметра вновь обретает свой изначальный облик. Снова ее певучий голос звенит в долинах, а прекрасная улыбка блестит сквозь весенние дожди. По ее зову на деревьях лопаются нежные почки, из борозд пашни появляются зеленые ростки, и вскоре вся земля покрывается листьями и цветами. Случалось ли вам видеть, как Деметра во время сенокоса откидывает со лба, окропленного каплями пота от счастливых усилий, свои прекрасные волосы, пересыпанные пахучими былинками? Или как таинственная дрожь вдруг пробегает по спелым хлебам и мчится волной до самого горизонта? Это Деметра обходит поля.

Но как только урожай убран в амбары и сняты последние плоды осени, Персефона готовится к уходу. Торопитесь тогда, смертные, с вашей озимой вспашкой, чтобы Деметра, используя свои последние силы, успела укрыть семена, которые проспят в земле четыре месяца.

Едва Персефона спускается под землю, как Деметра ссыхается, горбится и вновь становится старой нищенкой, сидящей на Горестном камне. Стонущий ветер, что слетает с ее уст, гонит облетевшие листья по дорогам, размокшим от ее слез; оголившиеся деревья до бесконечности повторяют мольбу ее бесплотных рук; горы покрываются снегом, подобно ее волосам; почва промерзает и становится бесчувственной, как ее сердце. Все эти месяцы природа должна делить с богиней ее скорбь.

Вот, дорогие дети мои, большего я сделать не смог.

Потому-то вы и привыкли насчитывать четыре времени года, хотя я создал всего три; последнее время года — мертвое, оно посвящено отсутствующей Персефоне.

Задачи, доверенные Триптолему.
Судьи Преисподней. Адонис и Персефона.
Учреждение мистерий

Покидая жилище царя Келея, чтобы вновь занять свое место на Олимпе, Деметра осыпала многочисленными дарами юного Триптолема. Она дала воспитаннику пшеничное зернышко, которое весь бесплодный год хранила в складках своего рубища; она научила Триптолема искусству запрягать быков и вытесывать сошник для плуга; она избрала его, чтобы он учил народы сеять пшеницу, молотить из нее белую муку и печь хлеба.

Воспитанник Деметры жил очень долго, почти как атланты. А когда пришел час смерти, от которой Деметра не смогла его оградить, она добилась от Персефоны, чтобы ему предоставили в царстве теней почетное место. Триптолем судья в Преисподней. Он делит эту обязанность с моими сыновьями: Эаком, родившимся от нимфы Эгины, а также Радамантом и Миносом, которые произошли от Европы.

Вместе с ними он сортирует пришедших и взвешивает их души. Праведным и посвященным он предоставляет покой и то таинственное блаженство, которое состоит в приобщении к божественной сущности; остальным же приходится во тьме черпать воду решето.

Аид и Персефона вопреки всему по-прежнему счастливая чета. При восьми месяцах ожидания и все-

го четырех любви, каждая их встреча после разлуки — словно новый брак. Многие супружеские пары выиграла бы, последовав их примеру.

Хотя Персефона вполне свободна во время своего ежегодного пребывания на земле, она остается верной супругой; я хочу сказать, она вернее большинства жен. Вечно пыжась от своего царского достоинства и вообще обладая не слишком увлекающейся натурой, она обескуражила немало воздыхателей. У нее была всего одна страсть на стороне, много позже, к прекрасному Адонису, чья кровь, когда он поранил себя, окрасила розы и анемоны. Из-за этого красавца Персефона даже повздорила с возжелавшей его Афродитой. И, как это случается со всеми, и с богами, и со смертными (в том и состоит сходство смертных и богов, что их характеры приводят к сходным ситуациям), опять пришлось решать спор разделом. Каждую зиму Адонис сопровождает Персефону в Преисподнюю. Аид приспособился к его присутствию, и в их сумеречном трио отнюдь не Адонис самый неудовлетворенный.

Знайте напоследок, что персея больше не существует.

В память о стольких значительных событиях, произошедших под его кровом, и чтобы впредь Деметра с Персефой могли встречаться в достойном их жилище, царь Келей велел построить в Элевсине храм, который с веками стал еще краше. Этот храм долго служил местом проведения больших празднеств, учрежденных Триптолемом для услаждения богов.

В конце октября уход Персефоны сопровождался трехдневными церемониями, в которых участвовали только замужние женщины. В феврале девственницы отмечали возвращение Керы, оживляющее угасшие силы земли и плодотворную радость Деметры.

А еще каждые пять лет те из вас, смертные, кто этого достоин, совершали очищение в море и шли длинными процессиями из Афин и всех прочих городов Греции, чтобы быть посвященными в мистерии вечного круговорота жизни и смерти.

Элевсинские мистерии отнюдь не являются, как вы часто думаете, тайным учением, равно как и посвящение в них отнюдь не прием в некое закрытое общество, члены которого действуют сообща и исподтишка.

Мистерии — действия, вводящие души в состояние просветления и знания. Это состояние невозможно передать средствами обычного языка, потому что оно состоит в слушании и восприятии языка богов. Само посвящение заключается в совершении определенных жестов, которые подготавливают к постижению этого действия.

Что бы я открыл, рассказав всю его последовательность? Внимайте же:

«Неофит после обряда очищения сначала пьет киклеон. Потом берет из корзины. Работает и кладет в короб. Забирает из короба, возвращает в корзину. В корзине он коснулся зерен, комка земли и шерсти; в коробе — мужских и женских органов размножения».

Вот и все. Однако ничего больше нельзя сказать, да и незачем. Самый прекрасный объект для созерцания — молча срезанный хлебный колос. Еще надо научиться созерцать.

Знайте же: мистерии подготавливают человека к смерти. Тот, кто прошел церемонию, познает, спускаясь под землю, конец жизни, но познает и ее начало; и самые сладкие упования обеспечены ему на все времена.

Элевсин, Элевсин! Я вижу, как другие колонны, не храмовые, вздымаются в небо. Я вижу, смертные дети

мои, как там выстраиваются рядами трубы ваших фабрик и отнюдь не дым жертвоприношений исходит из них. Я вижу, как некоторые из вас терпеливо копают священную землю и переворачивают древние камни, ища там те секреты, которые вы позволили себе потерять.

Спросите Гекату; с ней по-прежнему можно встретиться на перепутьях ваших дорог, бывает она также у руин и могил. Возможно, она осветит своими факелами путь, который вы ищете между прошлым и будущим.

Шестая эпоха
ПУСТЫНЯ ИЛИ ЦЕПЬ

Та, Которую Не Называют. Черная тоска. Совет Океана

Когда драма с Персефоной, потребовавшая больше года моих забот и хлопот, наконец разрешилась, думаете, я почувствовал облегчение? Совсем наоборот: меня словно тяжким недугом поразило пагубное влечение, темная страсть к другой дочери Деметры, слепой и бесплодной, к Той, Которую Не Называют.

Судьбы весьма показательно восстановили равновесие в потомстве плодоносной Деметры: сначала Аид неудержимо возжелал дитя, рожденное от меня, теперь же мою собственную душу пожирал другой ребенок Деметры, которого она родила от вечно неудовлетворенного Посейдона.

Но можно ли называть влечением горькое безразличие ко всему, можно ли называть страстью неспособность испытывать какое-либо желание, называть любовью нелюбовь, полнейшую неспособность любить?

Наваждение — вот слово, лучше всего обозначающее то удрученное состояние, в котором я пребывал, находясь под властью безотрадной любовницы-госпожи.

Быть может, вы думаете, что эта неназываемая богиня — смерть? Ну нет; у смерти есть и имя, и свой бог Танатос, брат Сна; есть у нее и своя мойра-поставщи-

ца, и свое царство, которым заведует Аид. Она делает свое дело тихо, в вашей тени и до последнего часа не мешая вам наслаждаться жизнью. Если вы легкомысленны нравом, то можете забыть эту терпеливую невесту; если принадлежите к племени мудрецов, можете подготовиться к встрече с ней посредством размышлений или посвящения, чтобы безмятежно познать неизбежные объятия; вы можете дразнить ее и чувствовать себя сильным и счастливым, ускользая из ее рук. Самый страх, внушаемый ею, побуждает вас творить и лучше использовать мгновения света.

Безымянная Госпожа — совсем другое дело. Ее суть — отрицание; она смерть в жизни и жизнь в смерти.

Вы уже заметили, что большинство божеств имеют две задачи; одна исполняется в космическом или природном порядке, а другая, что является лишь частицей, отражающей божественный космос, — подле вас. И вы наверняка поняли, что обе эти задачи не различны по существу и являются лишь двумя применениями одного и того же принципа.

Однако Госпожа, как я вам уже сказал, иссушает цветок и гноит плод на дереве.

Точно так же она иссушает мысль и гноит радость, желание и волю на древе души.

Это она внезапно заволакивает мглой пути, которые связывают вас с другими людьми и с миром; это она ломает в вас всякую волю предпринимать что-либо, действовать, общаться, отнимает у вас желания, не уменьшая при этом страха небытия. Она очерчивает вокруг вас некий круг, который вам кажется непреодолимым; словно отрицает вас, уничтожает в вас силы, которые вы привносите в мир, чтобы созидать его и утверждать себя в нем. Она является и стенами, и

надзирательницей незримой тюрьмы, где ваша душа способна лишь кружить на месте, созерцая собственное несчастье.

Эта пустыня души, вполне вам знакомая, которой, однако, вы не можете дать точного определения, называя ее то черной тоской, то меланхолией, и есть царство безымянной Госпожи.

Зевс унылый, Зевс подавленный, Зевс отчаявшийся, Зевс, лишенный творческих порывов и радости правления, — это даже в голове не укладывается.

Я больше не сопровождал Деметру в ее путешествиях по зазеленевшей земле. У меня больше не находилось для Гестии слова благодарности, хотя ее хлопоты у очага этого заслуживали. Веселость нереид, со смехом гонявшихся друг за дружкой в волнах, раздражала меня и казалась глупой. Дочери горы и музы больше не были предметом моей гордости. Я не отвечал Памяти, поскольку даже воспоминания причиняли мне боль. Антилюбовница отдалила меня от всех богинь, и многие страдали из-за этого необъяснимого безразличия.

Угрюмая серьезность, с которой я изрекал свои решения, выдавая ее за сосредоточенность, была лишь криво сидевшей маской, за которой зияло мое одиночество.

Но меланхолия всегда коренится в нашем недовольстве самими собой, причину которого нам надо отыскать, и упрек, который мы обращаем к самим себе, открывает ей дверь.

До похищения Персефоны мне приходилось сражаться лишь против сил, которые были вне меня самого. Теперь же впервые пришлось столкнуться с последствиями собственных поступков. Ведь Персефона была моим порождением, и ее брак был заключен по

моему решению. Я вполне мог бы обвинить Деметру в чрезмерной материнской любви, а Аида — в неуклюжести или плутовстве; но я не мог отрицать, что главный груз ответственности лежит на мне. Так я заметил, что всякий поступок, который нам казался благоприятным или спасительным, когда мы его совершали, содержит зародыш боли или пагубных последствий.

Цепь радостей и горестей бесконечна, столь же прочна и равномерна, как цепь жизни и смерти. Я даже начал сожалеть, что являюсь царем богов, то есть вечным двигателем этой цепи. «Какое безумие, — изводил я себя, — надоумило меня согласиться на царство?»

Никогда я не был несчастнее, чем в то время. А ведь я был победителем, внушал трепет, покорность, зависть, любовь — казалось, Вселенная замыслила даровать мне все условия для счастья.

Однако я часто тосковал о временах страха, риска и надежды, когда готовил свою войну, но еще не выиграл ее.

Иногда ночами, лишенными и любви, и сна, я бесшумно приближался к берегам, не позволяя себе увидеться ни с матерью, ни с Амалфеей; долго смотрел на свой родной остров Крит и его горные хребты, где я бегал, играл, ждал, где я был еще человеком, а не богом. Смотрел я и на свое изображение, высеченное на вершине горы. Я вопрошал этот массивный неизменный профиль, который ждал меня с начала времен и на который я уже начинал походить. Я испытывал искушение лечь под этой скалой и заснуть навсегда, оставив управление миром любому, кто пожелает. Любой не хуже меня может тянуть эту унылую цепь, а если будет тянуть хуже — что ж, какая разница!

Однажды ночью я увидел, как море неожиданно вздулось предо мной. Волны расступились — и по-

явился мой дядюшка Океан, качая кудрявой белопенной головой. Он вышел на песчаный берег и сел рядом.

— Зевс, племянник, — сказал он, — я уже не первый день вижу тебя несчастным. Что у тебя за горе?

— Неужели мои терзания так заметны? — спросил я.

— О них можно догадаться, если прожил дольше, чем ты.

— Думаю, что зря породил Персефону, — произнес я.

— Ошибка, если это было ошибкой, теперь исправлена, — ответил Океан. — Так что тебе больше незачем изводить себя. Персефона — лишь видимая причина, за которую цепляется твой рассудок, чтобы скрыть причину более глубокую.

— Тогда, быть может, я страдаю оттого, что любил многих богинь, но не смог остаться ни с одной?

Я произнес это несколько сокрушенным тоном, потому что среди оставленных мною были и две дочери самого Океана. Но у Океана широкая натура, он охватывает вещи во всей их протяженности и полноте; и, разумеется, при таком взгляде на Вселенную моя судьба казалась ему более важной, чем судьба собственных дочерей. Он возразил:

— Ты можешь иметь еще больше любовниц, и они у тебя будут. А можешь, если заблагорассудится, вернуться к тем, кого оставил. Твое одиночество зависит не от твоих подруг.

— Значит, дело в Той, Которую Не Называют?

— Вовсе нет. Черная Госпожа — следствие, но не причина. Ты мог помешать ее рождению. И вполне мог помешать ей даже близко к тебе подойти — она же слепая. Ты сам отдался ей. Она — что-то вроде наказания, которое ты сам на себя наложил.

— Но в чем же тогда, глубокомысленный дядюшка, истинная причина? Скажи, если это может помочь мне!

Океан наморщил чело и подул на поверхность вод. Потом заключил:

— Ты страдаешь оттого, что у тебя больше нет отца, и наказываешь себя за то, что заключил его в Тартаре.

— Вот еще! Как я могу сожалеть об отце, который хотел меня сожрать и с которым я познакомился лишь для того, чтобы сразиться? Какую боль могло мне причинить его исчезновение?

— Потише, потише,— продолжал Океан.— Миру незачем знать обо всем этом. Конечно, твой отец ненавидел тебя, и ты тоже его ненавидел. Но любовь или ненависть сути дела не меняют. Над тобой больше никого нет. Любящий отец — защита. Ненавидящий отец — препятствие; но препятствие — это ведь еще и опора. Пока правил твой отец, ты считал, что он в ответе за все; теперь ты сам должен отвечать перед другими и за других, но главное — перед самим собой и за себя самого; и ты не можешь переложить свои обязанности ни на кого другого. Ты, еще молодой, стал старым Зевсом, потому что в тот день, когда перестаешь быть сыном, стареешь. Ты окружен чужими ожиданиями, ты их либо исполняешь, либо кто-то в тебе разочаровывается; к тебе взывают, но к кому можешь воззвать ты? Я любил Урана, а мои братья его ненавидели, но я помню, чем обернулось его исчезновение для всех нас. Мы все были одинаково подавлены; и если Крон уничтожил потом самую прекрасную часть наследства, которого так страстно домогался, то лишь для того, чтобы наказать самого себя. Ты не разрушил наследство, но оно тебя тяготит.

— Дядюшка, дядюшка,— воскликнул я,— ты мудрее и осведомленнее меня. Так почему же ты не взял

на себя управление миром, вместо того чтобы меня к нему толкать?

— Как раз потому, что я мудр. Потому что у тебя были и желание, и способности к этому. Потому что я тоже познал уныние, даже большее, чем твое, — оказаться одновременно самым первым и самым старым. Я хотел, чтобы ты, будучи царем, имел старшего товарища, который поговорит с тобой в такие вот горькие моменты, как сейчас, и поймет.

Светало. Я знал, что мне нужно вернуться на Олимп и появиться на пороге в тот час, когда дневные боже-ства уходят на свои работы.

— Дядюшка, — спросил я напоследок, — есть ли лекарство от недуга, который ты мне открыл?

— Делай сыновей, — ответил Океан. — Обзаведись подругой, одной или несколькими, и делай сыновей. Хватит дочерей; теперь нужны сыновья. Чувствовать, как в тебе поднимаются молодые силы, видеть, как растут юные боги, остерегаться, чтобы они тебя не вытеснили, стараться, чтобы они тобой восхищались, постоянно следить, чтобы любили, — это, кстати, самая изощренная форма борьбы за сохранение власти — вот единственный для тебя способ разбить чары черного одиночества. И желание удовольствий к тебе вернется.

На этих словах Океан погрузился в воды, а я вернулся на свой престол, облачное подножие которого начало розоветь.

Смертные, вы изображаете меня то задумчивым богом, то веселым, и вы не ошибаетесь. Но никто никогда не говорил вам, что я — счастливый бог.

После меланхолии. Ночь с Афродитой. Упоение собой и одиночество

Меланхолия для души то же самое, что зима для полей. Она иссушает, поглощает, убивает, но лишь для того, чтобы дать подняться новым росткам. Она — вспашка и зарождение.

Когда я достаточно поразмыслил над словами Океана и смог оторвать свой взгляд от созерцания самого себя, то увидел двух высоких богинь, сидящих неподалеку от моего престола, одна на краю небес, другая на вершине Земли. Первой была моя тетка Афродита, она небрежно поигрывала своим поясом из света, обвивавшим талию. Второй — моя сестра Гера, она ласкала павлина. Обе делали вид, будто поглощены собственными мыслями, но при этом исподтишка наблюдали за мной, а заодно и друг за другом.

Поймав на себе мой взгляд, Афродита улыбнулась и встала, чтобы удалиться. Одежды, сотканые из прозрачного голубого облака, ничуть не скрывали ее совершенных форм. Ее окаймленный солнцем световой пояс подчеркивал изгиб бедра, и было невозможно не испытать желания, видя, как бахрома этого пояса колыхнется на животе богини. Афродита и в самом деле была последним ночным светилом на утреннем небе. Казалось, она говорила своей улыбкой: «Самые прекрасные твои грезы, ласкающие ум в ночные часы, мо-

гут осуществиться в моих объятиях на заре. Достаточно осмелиться».

Я уже готов был последовать за ней, когда поверх раскрытого павлиньего хвоста заметил прекрасное чело и темный, внимательный, волнующий взор моей сестры Геры. Я отложил свой визит к Афродите, но весь этот день вкладывал гораздо больше пыла в труды; я и от мира требовал оживления и деятельности, так что божества шептались: «Похоже, к Зевсу вернулась радость жизни».

Покой и вечерняя прохлада уже начинали спускаться на землю, но свет еще был ясным, когда Афродита вновь появилась на другом конце неба. Теперь на ней были розовые одежды, еще более прозрачные, чем утренние, а пояс был расшит искрящимися блестками. Я не утверждаю, что Афродита неизменно одевается со вкусом, а хочу всего лишь сказать, что разнообразие, дерзость, роскошь ее туалетов никогда не дают ей остаться незамеченной. Но самая большая роскошь, да и самая большая дерзость тоже, — это когда она предстает без всего, что она почти и сделала на своем вечернем ложе. Обратив нагие груди к небу, она улыбалась мне. Еще ни одна звезда не окружала ее. Мы опять общались друг с другом взглядами.

«Не я ли, — говорила она мне глазами, — та надежда, за которой ты гонялся каждый день? Не я ли награда, обещанная твоим исполненным трудам?»

«Тогда приди ко мне, — отвечал я движением век, — и озари мою ночь».

«Нет, только не при этой надоедливой Гере, которая упрямо не отходит от твоего престола и подглядывает за нами из-за своего павлиньего веера. Лучше сам приходи на мое ложе. Мы укроемся завесой тени, и я дарую тебе упоение и отдых...»

Отдых? Ну да, как же! Прекрасное обещание! За всю мою любовную жизнь я не знал более изнурительной ночи. И поверьте, отнюдь не сладострастием угомила меня Афродита. Она говорила о себе без остановок до самой зари. Солнце уже взошло, а она все говорила.

А чего вы хотите? Она проспала весь день, чтобы быть красивой, свежей, во всеоружии своих прелестей, чтобы обольстить меня, развлечь, завоевать — по ее утверждению. И собиралась проспать весь следующий день. Можно было подумать, что отдых у нее — предмет забот и усилий и что она себя к нему принуждает, как другие к работе. То же самое и с ее прикрасами. Сколько нужно забот и тяжелого труда, чтобы довести свою наружность до совершенства! И ради кого эта великая усталость? Да ради меня, конечно, — чтобы достойно ублажить мой взор.

В тот вечер она была шатенкой. Но на следующий день могла бы стать рыжеволосой или белокурой. Она умеет менять цвет волос. Окунет волосы в море, натрет соком известных ей растений, разложит их на облаке и будет часами неподвижно терпеть жар солнца. «Разве ты сам не желал вновь видеть меня белокурой?» Я ничего такого не говорил, но дело уже было решено. На следующий день она совершит этот великий подвиг — станет Афродитой белокурой. Ах! Найдет ли когда-нибудь царь богов более покорную рабыню?

В какой-то миг она, казалось, заинтересовалась моими делами.

— Что ты свершил сегодня такого, — спросила она, — чтобы я могла гордиться тобой?

Это прозвучало так, будто я уже принадлежал ей. Впрочем, моих ответов она не слушала. Она и без того прекрасно знала, в чем я нуждаюсь, чтобы быть

счастливым. Ведь любовь не ошибается, а она и есть сама любовь! Мне нужно иметь подле себя богиню, чье великолепие укрепит мою власть над подданными. Молния, которой я владею, внушает им страх, а улыбка Афродиты обеспечит мне их обожание. Разве мы не созданы друг для друга — я, сильнейший из богов, и она, прекраснейшая из богинь? Она решила принадлежать только мне.

Мне показалось, что пора удовлетворить столь прелестное желание. Прижавшись к ее боку, я весьма красноречиво доказывал, что ей уже незачем стараться, доводя меня до нужной точки. Глядя на ее опущенные ресницы и восторженную улыбку, освещенную лунной, я заключил, что Афродита готова отдаться, и уже начал распускать ее пояс, как вдруг она заговорила о своем отце.

Я уже упоминал, из какой пены родилась Афродита и при каких обстоятельствах. Это отчасти объясняет крайнюю важность, с которой она относилась к собственной персоне; сознавая, что произошла из чресел самого Неба, она всегда смотрела на мир так, словно он создан лишь для того, чтобы вертеться вокруг нее. Но вполне ли подходил момент, чтобы вспоминать об этих вещах? Ладно бы еще ради того, чтобы мы расстрогались, воскресив в памяти наше трагическое рождение, наши сиротские судьбы, и почувствовали друг к другу еще большую близость, — так ведь нет. Речь шла о наследстве.

Тефида располагает бесконечными сокровищами своего супруга Океана, и ее глубоководный дворец ломится от исконных богатств; Амфитрита делит с Посейдоном морское царство; у Памяти есть воспоминания и долина с двумя источниками; у Деметры — природа, цветы и обильные урожаи. Всем богиням что-

то досталось, и только она, Афродита, по ее словам, ничего не получила в долю.

— Разве обладать высшей красотой и непреходящей возможностью внушать желание значит быть обездоленной? — воскликнул я. — Да все бессмертные и смертные завидуют такой участи и ревнуют!

— Зависть — угроза, а не богатство, — возразила Афродита. — Красоте постоянно требуется дань, которая доказывает ее превосходство.

Она знала, что разрушенное ныне жилище ее отца Урана было построено из разноцветных прозрачных камней, дивно сверкавших на свету. Она слышала также, что такие камни, произведения одноглазых и сторуких, еще таятся в недрах гор. Правда ли, что от изумрудов, сапфиров, рубинов исходят первоначальные силы и каждый драгоценный камень содержит благотворную энергию? Ах! Как же Урану удалось закрепить в этих камнях все оттенки цветов, составляющих свет, от аметиста до хризолита, от лазурита до топаза, а в алмазе кристаллизовать сам свет? Разве каждое небесное тело не представлено на земле одним из этих камней?

— Они ведь малая толика творений отца, — сказала Афродита голосом столь волнующим, что вызвала бы у вас слезу.

В общем, она просила себе не что иное, как эти разноцветные камешки, на память. Они, дескать, послужат ей защитой от угроз зависти. Это ведь такая скромная просьба, и неужели я буду настолько черств, что не соглашусь с ней? Афродита намеревалась расшить камнями тот самый пояс, застежку которого, раздражавшую мои пальцы, я уже начинал находить слишком замысловатой.

Простите мне, смертные, данное мною обещание. Оно вам дорого обошлось.

Но я был пылок (тогда), я был наивен (как вы до сих пор) и думал, что Афродита, убажженная таким образом, не будет желать уже ничего, кроме любви. Она сама на мгновение внушила мне эту иллюзию, поскольку распустила свой пояс с великолепной непринужденностью и явным удовольствием.

— Вот такой, — сказала она, роняя свой наряд, — я вышла из моря. Я Анадиомена.

Она не позволила мне даже выразить восхищение. Ведь это же так естественно, чтобы ею восхищались! Ее уже посетила другая мысль, и возникла другая просьба, как раз насчет моря, которое было ее колыбелью. Афродита захотела, чтобы я подарил ей что-нибудь, напоминающее о море. О! Самую мелочь, почти ничто — жемчужницу.

Я уже дал алмаз, так что вполне мог пожертвовать безобидным моллюском.

Ах! Бедные мои дети, сколько из вас надорвали себе сердце, вылавливая для нее этих пресловутых жемчужниц или добывая их содержимое!

— Жемчуг ведь так похож на мои зубы, — проворковала Афродита, нежно склонившись к моему плечу, — а перламутр — на мои ногти. Так остальные богини никогда не смогут со мной сравниться.

И тут эта неиссякаемая болтуня взялась за остальных богинь, дескать, они все, а в первую очередь мои возлюбленные, поражены каким-нибудь несовершенством, которое их безобразит. Деметра ведь и в самом деле не слишком ухожена. Особенно руки, я замечал ее руки? А правда ли, что у Эвриномы жалкие рыбки плавники вместо бедер? И как только Фемида, умница конечно, но такая неповоротливая, такая холодная, сумела внушить мне какое-то желание?

— Не знаю точно, как она мне его внушила, но отлично знаю, что удовлетворить смогла.

Ах, и дернуло же меня за язык сказать это! Афродита тут же засыпала меня вопросами о том, как каждая из завоеванных мною богинь изощрялась в любви, но ответы давала сама. Впрочем, можно ли вообще говорить о каких-то завоеваниях? Это ведь я сам, такой дурачок при всем своем могуществе, каждый раз позволял завоевать себя. Ни одна из них не была понастоящему меня достойна. И Афродита утверждала с ожесточенной уверенностью, что на самом деле я никогда не достигал наивысших восторгов в их объятиях. Ревнует, она? К кому? Как можно ревновать к тем, кто так явно ниже?

Да, сыны мои, знаю! Мне бы надо было схватить какое-нибудь подходящее облако и заткнуть ей рот или же удалиться, оставив ее нести этот бред в одиночестве.

Но на исходе второй трети ночи воля слабеет, а желание еще сильно. Все еще надеешься наверстать за оставшееся время потерянные часы. А глаза Афродиты постоянно обещают. К тому же она так красива: одна нога вытянута, другая подогнута, и совершенное колено вырисовывает угол на звездном небе. Она обнажена, она согласна, все понятно. Ее речи раздражают, зато голос так пленителен. Надо только дождаться полного согласия. Доверчивая богиня ищет вашу руку, сплетает свои хрупкие пальцы с вашими. Как тут осмелишься показать себя грубым и разрушить это столь близкое согласие?

Вы не удивитесь, узнав, что злосчастный Приап — сын Афродиты. Но не я его родитель.

Коснувшись меня устами в невесомом поцелуе, скорее надежде на поцелуй, она тотчас же вскричала:

— Отныне я хочу быть единственной. Поклянись мне, что я буду единственной!

Обременительная просьба! Но Афродита опять сама на нее ответила. Она не нуждалась в клятвах. Она *знала*, что отныне я уже не смогу принадлежать никому, кроме нее; мои смехотворные воспоминания сотрутся, и никакая новая богиня не сможет внушить мне искушение.

— Я буду единственной, потому что стану всеми ими! Я буду Афродитой Пандемос, богиней вульгарной и заурядной любви. Мы будем спариваться среди полей, как какой-нибудь неотесанный козопас и пастушка или как вернувшийся в гавань моряк совокупляется с первой же встречной служанкой.

— Ладно, будь по-твоему,— сказал я.— С этого и начнем.

Она удержала меня пальчиками.

— Я буду сопровождать тебя во всех битвах; я буду Афродитой Никефорой, носительницей твоих побед.

— Каким же оружием ты поможешь мне?

— Своей любовью. Я буду поддерживать в тебе вечное желание меня завоевать... А еще я стану ради тебя матерью; я позволю своему прекрасному чреву отяжелеть, претерплю муки деторождения. Меня назовут Венерой Генитрикс, и девственницы, вдовы, бесплодные жены будут молить меня, чтобы я наделила их этим тяжеловесным счастьем.

Тут я с некоторым беспокойством призадумался об отпрысках, которых мог бы породить с этой вдохновенной прорицательницей.

— Я никогда не позволю тебе пресытиться мною,— продолжала она.— Еще я буду похотливой и бесстыжей Афродитой Гетерой, Афродитой Аносией. Я буду отдаваться тебе в животном обличе, сделаюсь телкой, ослицей или козой. Или же, сохраняя женский облик, тебя самого заставлю принять для скотской случки вид козла, быка, онагра.

Однако! Каким странным образом проявились последние опыты Урана-прививальщика!

— А потом, вернув себе величайшее великолепие, мы соединимся на виду у прочих богов, принуждая их к соитию вокруг нас, чтобы они стали нашим собственным отражением, многократно умноженным сотнями зеркал — до бесконечности. Изошренность наших любовных игр восхитит нас самих.

Ночь близилась к концу, на востоке появилась заря; Афродита упорно продолжала выдумывать.

— Я стану Афродитой Порнэ, которая отдаст тебе свое тело как товар; ты будешь обращаться со мной без всякого почтения и сможешь потребовать самых унижительных для меня ласк.

«Другие смогли бы предоставить их мне и за более умеренную цену».

— Но при этом я всегда останусь Афродитой Уранической, богиней возвышенной, чистой, идеальной, небесной любви...

Тут я рассудил, что для одной ночи вкусил такой любви вполне достаточно. Я встал, столь же вымотанный, сколь и неудовлетворенный, чувствуя, что всякое желание убито. Но покинуть ее оказалось не так-то просто. Мне еще предстояло познать Афродиту восторженную, неоцененную и стенающую, Афродиту — пожирательницу раннего утра.

— Останься, — стонала она, обнимая мои колени. — Мир вполне может подождать. Я дам тебе больше, чем целая Вселенная. Ах! И это теперь, когда я собиралась стать счастливой!

Наконец, поскольку я упорно рвался уйти, она вскричала, став Афродитой оскорбленной:

— Выходит, за целую ночь царь богов меня даже не изнасиловал!

Спускаясь по облачной лестнице, я бросил ей через плечо:

— Сразу двое не могут быть первыми.

Так мы и расстались, каждый недовольный другим и самим собой.

С тех пор Афродита часто утверждала, что все зависело только от нее, и если бы она захотела... Я тоже могу притязать на это. В собрании богов мы взаимно учтивы, но сдержанны и полны недоверия.

Часто удивляюсь, что Афродита не была в числе моих увлечений. Некоторые даже не понимают, почему я не выбрал ее супругой и не пригласил разделить со мной престол. Говорят, что, на их взгляд, мы просто созданы друг для друга.

Ну что ж, спросите у честного и трудолюбивого Гефеста, старшего из моих сыновей, который позволил ей обольстить себя, бедняга, и женился на ней, спросите, спросите у бесчисленных любовников, которые у нее были: для кого создана Афродита?

Ах нет! Поверьте мне, смертные, лучше уж уродина (такие у меня тоже были, за долгую любовную карьеру случаются и издержки), лучше уж дура, неумеха, плакса, сварливица, прилипала, кто угодно, но только не эта влюбленная в саму себя красота!

Восхищайтесь, когда она принимает человеческий облик, ее волосами, грудью или лодыжками, яркостью лица, прелестью движений, мелодичностью голоса; любуйтесь ею на сцене, где она творит чудеса, каждый день представляя иной и всегда оставаясь собою.

Но если вы похожи на меня, оставьте между нею и вами невидимую дистанцию. Ведь когда сценой ей служит сама жизнь, она становится Еленой, Федрой или Пасифаей.

Она считает, что достойна быть любимой только царями, но хочет, чтобы они признавали себя ее раба-

ми; однако если они покажут себя рабами, то как же смогут заслужить ее любовь? Верно, Менелай? Верно, Тесей? Верно, Марк Антоний? Верно, Юстиниан?

Разочарованная, она предлагает себя военачальнику, поэту, оратору, писцу, гладиатору, возничему, погонщику быков, стараясь убедить каждого, что он будет царем в ее объятиях. Она отдается даже самому быку; верно, Минос? Ни один самец не должен от нее ускользнуть.

Бедняжка Афродита, обреченная вечно сжимать в объятиях лишь собственное одиночество, в крайностях своего желания требует от любовников, которых обнимает, чтобы те признавали: они — ничто!

Есть два коротких мига, на закате и восходе дня, когда Афродита-Венера может вообразить себя единственной на небе и попытается убедить нас в этом. Но от ее одинокого блеска, поклонения которому она требует, нам никакого проку, потому что в мире либо уже, либо еще светло.

Когда в то утро я вернулся на Олимп, у меня был помятый вид и усталые глаза. Видевшая мое возвращение сестра Гера так никогда и не захотела поверить правде.

День с Герой. Судьба Греции. Планы насчет Олимпа

Если я вам еще ничего не рассказывал о своей сестре Гере, которую вы называете также Юноной, то лишь потому, что пока о ней мало что можно было рассказать.

Вы уже знаете, что, будучи извергнутой Кроном, она сначала нашла приют у нашей бабки Геи, а потом попала к Океану и Тефиде, которые ее и воспитали.

С тех пор она ничего не совершила, по крайней мере ничего замечательного. В собрании богов всегда помалкивала, удовлетворяясь тем, что внимательно слушала каждого. При дележе мира Гера ничего себе не потребовала, не проявила вкуса ни к какому особому делу; никому не предлагала также свою помощь в трудах, предоставив Гестии заботиться об очаге, а Деметре — упорно работать в саду. Однако впечатления ленивицы не производила и всегда вставала рано.

У Геры тяжелые, густые, пышные, спадающие волнами черные волосы, которые она тщательно расчесывает и собирает в узел; когда она их распускает и, откинув голову назад, позволяет рассыпаться до самой поясницы, получается очень красиво. Несколько раз по вечерам я видел это и был взволнован. Может, Гера делала это нарочно, лишь в те моменты, когда я мог ее застать?

Под совершенно ровными дугами бровей у Геры большие, миндалевидные, ясные глаза, цвет которых колеблется между зеленым и серым; нельзя не залюбоваться ими, когда они на вас смотрят.

Ее туника, всегда в аккуратных складках, целиком открывает великолепные руки и гармонично драпирует довольно широкие и тяжелые бедра.

Итак, в то утро, возвращаясь несолоно хлебавши от Афродиты, я обнаружил Геру на пороге Олимпа. Не меня ли она ждала? Во всяком случае, виду не подала и казалась поглощенной созерцанием мира.

Я нуждался в обществе, чтобы отвлечься.

— Идем со мной, — сказал я, — прогуляемся внизу, среди людей.

Гера не отставала от меня; это важно. Она не из тех богинь, что семянят сзади, ротозейничают, останавливаются, запыхавшись, вынуждают вас замедлять шаг или же виснут, словно упрек, на вашей руке. Мы с Герой шли вровень друг с другом, так что могли смотреть на окружающую природу и разговаривать.

Греция тогда была не совсем такой, как сегодня; не которыми потрясениям, учиненным, в частности, зловредными гигантами, предстояло изменить ее рельеф. И человек еще не был таким, каким стал после стольких драм, усилий и многочисленных даров, которыми с тех пор я и мои дети осыпали его.

Греция была в самом начале своего пути. Но уже тогда в ней было это смешение мягкости и патетики, это соседство трагических гор и спокойных равнин, наслоение бесплодных отрогов и зеленеющих долин, вечно обновляющийся узор побережья, повсеместное взаимопроникновение земли и воды, агрессивного камня и зыбкого моря, бесконечная изменчивость света и эти горизонты, которые не просто граница меж видимым и невидимым, но состоят из целой череды

все более и более туманных горизонтов, подобных задним планам сознания,— в общем, все то, что делает эту страну как раз такой, чтобы человек мог познавать себя, творить себя и воодушевляться.

Греция невелика; но ваша рука тоже невелика, однако ею отмечено все: долины вашего будущего, горы ваших способностей, слияния ваших влюбленностей и перекрестья ваших опасностей; именно ваша ладонь сосредотачивает и реализует все ваши силы, и ваши крохотные пальцы ощупывают, сжимают, копают, чертят, лепят и строят все ваши творения.

Если смотреть на Грецию с высоты, откуда на нее взирают боги, то она похожа на руку. Греция — рука человечества, его деятельная кисть, где все образовалось или преобразовалось в промежутке между смутными воспоминаниями об утраченном золотом веке и надеждой на новый золотой век, над которым еще предстоит потрудиться.

Греция — страна, созданная по мере человека, точнее, она сама — мера человека. Природная угроза здесь не превосходит того, что человек может преодолеть, трагедия стихий не превосходит того, что человек может вынести, пребывая в сознании. Горы высоки, круты, тяжелы для восхождения, но преодолимы. Пустынные плато никогда не бывают настолько обширны, чтобы усталый путник не дошел до источника или тени. Привычное море, которое без яростных бурюнов окаймляет сосновую рощу или просто продолжает поле, так и манит доплыть до ближайшей бухточки, мыса или виднеющегося острова с его золотистой дымкой, обещаая приключение.

В других краях, более влажных или слишком угнетенных солнцем, человек словно растворяется в своем настоящем, сливается с густой массой растительности или распыляется, подобно песку. На более обширных

пространствах или же в суровых широтах люди могут существовать, что-то предпринимать или завоевывать, лишь собираясь сотнями или миллионами, чтобы преодолеть расстояния, крайности климата, гигантизм природы. Человек уже не человек; он сливается с человеческой массой, множеством бесчисленных шагов и переплетением поступков. В Греции же человеческий жест остается отдельным и никогда не утрачивает свою собственную значимость. Каждый виноградарь, что давит ногами черные гроздья в просмоленном чане, — это Виноградарь; каждая пряжа, что крутит свое веретено на краю дороги, — это Пряжа; рыдающий ребенок — Сирота; проходящий мимо с копьем на плече солдат — Воин.

Именно этот характер единичности, которым в Греции облекается человеческий поступок, предназначил ее к тому, чтобы стать землей мифов, то есть чтобы дать на все времена образцы отношений человека с себе подобными и с целой Вселенной. В том и состоит судьба Греции.

Однако никогда это не представало предо мной столь ясно, как в тот предвесенний день, когда я прогуливался с моей сестрой Герой. Конечно, надо быть вдвоем, чтобы лучше видеть и оценивать, при условии что спутница тоже умеет смотреть и понимать и ее мысль согласуется с вашей мыслью, как ее шаг — с вашим шагом. Тогда мимолетное впечатление, будучи выраженным, приобретает плотность и длительность; тогда от наблюдения к замечанию, от замечания к ответу ткется шелковое полотно, запечатлевающее краски мира, основу которого держит один, а уток — другой.

Я был удивлен познаниями Геры и тем, как хорошо она их использует. Моя сестра была осведомлена обо всем. Я спросил, откуда она столько знает, и обнару-

жил, что с самого начала моего правления она методично училась, собирала сведения у Памяти и Фемиды, завоевывала доверие и дружбу моих первых любовниц, даже Метиды-Осторожности. Гера говорила об этих богинях с уважением и довольно верно их оценивала. Но к чему такие старания в знаниях, если она, по крайней мере на первый взгляд, ничего не делает?

— Чтобы подготовиться, — сказала она с некоторой отстраненностью.

Я недоумевал: «К чему подготовиться?» Эх, временами я слишком прост.

Гера сошлась также с моими дочерьми — музами, горами и мойрами — и уверяла, что привязалась к ним. Определенную сдержанность она проявляла лишь в отношении могучей Афины.

Она не упускала ни одного из моих поступков со времени избрания, понимала их причины и восхищалась множеством дел, что я вел одновременно.

— О! В последнее время, — говорил я ей, — мой задор изрядно поостыл.

Но ей так не казалось. Я был даже сильнее, чем она думала, поскольку сумел скрыть упадок сил...

Гера видела, как я орудовал молниями во время битвы с титанами, восхищалась мной и, думаю, была искренна. Иначе разве потратила бы она столько усилий, чтобы мне понравиться?

Я не замедлил счесть ее самой умной и превосходной из всех богинь нового поколения. И выносливой к тому же! Ее красивая, величавая поступь ничуть не замедлялась.

Ах, какой удачный день! Я чувствовал, что вновь примирился с самим собой и Вселенной. Мне было отранно все — от насекомого до солнца, — и все легко занимало место в гармоничной симфонии.

И какое удовольствие задумывать обширные планы, когда их так внимательно слушают, когда уместные и столь же заинтересованные вопросы воодушевляют их осуществить!

— Станет ли Олимп твоим окончательным жилищем? — поинтересовалась Гера.

— До настоящего момента я колебался, — ответил я. — Но сегодня, увидев Грецию такой, какой она предстает перед моим взором, думаю, что моей резиденцией должен остаться ее высочайший горный массив.

Гера одобрила мой выбор. Все это время Олимп мне благоприятствовал. Ей и самой он нравился. Его широкий амфитеатр, образованный вершинами, превосходно подходил для божественных собраний.

— А если, как ты говоришь, — сказала она, — твои величайшие замыслы касаются человека, то нет места лучше, чтобы наблюдать за шедевром Урана и продолжать его усовершенствование.

Правда, Олимп виделся Гере более пышно устроенным, и она предполагала, что меня там должен окружать более многочисленный, исполнительный и гораздо лучше упорядоченный двор. Похоже, она одарена и организаторскими способностями.

Вот так, сыны мои, некоторые женщины, усложняя вашу жизнь, делают ее необходимы. Они ставят ваш дом на такую широкую ногу, что без них вы уже не можете обойтись.

— Мы могли бы иногда устраивать богам празднества, которые свидетельствовали бы о твоём всемогуществе и служили бы образцом для людей.

Упоенный ходьбой, я не обратил внимания на это первое «мы» — так естественно оно прозвучало. Мы с Герой, приближаясь к берегу моря, заметили пляж, где какой-то рыбак жарил на костре свой недавний улов.

Четыре основы жизни. Счастливый рыбак

Костер, разведенный на берегу, — это четыре элемента, которые вместе занимаются любовью. Признаюсь вам, никакое другое зрелище не может быть приятнее взору богов.

Я уже говорил, что все создается из агрессивного притяжения двух конкретных сил, которые сочетаются и взаимно уничтожаются в третьей и новой реальности. Так вы решили, что Число является триадой.

Но теперь я должен вам открыть, что для сохранения и продолжения жизни нужны четыре силы, чьи взаимодополняющие противоречия без конца разрушаются и заново сочетаются.

Третий элемент триады был бы лишь отсутствием притяжения, абстракцией, застывшей в конечном одиночестве, если бы в свою очередь сам не являлся агрессором и не испытывал агрессию, не был бы пожирающим и пожираемым магнитом — силой, противоречащей себе самой.

Итак, если «три» — число любого творения, то «четыре» — число незримых основ всякой жизни.

Не забывайте этого, когда, вперяя глаза в свои увеличительные стекла, вы силитесь исследовать бесконечно малое или бесконечно большое по отношению к вам и даже проникнуть в тайну собственных генов.

Но не забывайте также, что каждый как из трех, так и из четырех элементов тройствен, то есть представ-

лен в своей сути, своем проявлении и отсутствии. Таким образом, три — это девять, а четыре — двенадцать...

Я знаю среди вас таких, кто не схватится за голову, но немедленно почувствует оправдание своей потребности еще в одной женщине помимо жены. Им не возбраняется также понять и потребность собственных жен, заставляющую их порой загораться другой страстью в объятиях любовника...

Вот что (и еще многое другое) видят боги в пламени горящего на берегу моря простого костерка из веток виноградной лозы.

В тот день взаимопонимание между мной и Герой было столь полным, что нам было достаточно обмениваться взглядами. Мы уменьшились до человеческих размеров и пошли, держась за руки, к рыбаку и его костру.

Рыбак пригласил нас сесть и угостил своей рыбой. Он сделал это с тем благородством и простотой, что встречаются лишь у тех, у кого либо нет ничего, либо есть все: у настоящих бедняков и настоящих царей.

Этот рыбак располагал, подобно монарху, сказочными сокровищами, которые не ограничивались смехотворными пределами его крошечного имущества. Он располагал песком, куда пригласил нас сесть, неисчерпаемым морем, откуда его ловкие руки вытащили рыбу, жаром угольев, принесенных в ладонях из соседского очага, ветерком, оживлявшим пламя. В этом месте и в этот краткий миг он был абсолютным владыкой четырех стихий.

Он не задал нам никаких вопросов и отнесся с бесконечным уважением. Для уроженца Греции в любом путнике может таиться бог. И грек прав; это вы, на смешники, ошибаетесь.

Никогда, ни в одном из своих походов, которые я совершил, укрывшись плащом человеческого обличья, я не пробовал более вкусного яства, чем эта

рыба, только что вытасченная из воды, приготовленная в собственном соку, посоленная морем и благоухающая травами. Мы уплетали за обе щеки, слегка обжигая себе губы и пальцы. Когда мы покончили с угощением, рыбак поблагодарил нас.

— За что ты нас благодаришь? — спросил я. — Ведь это мы обязаны тебе благодарностью.

— За то, что я мог любоваться двумя молодыми созданиями, красивыми, веселыми и любящими друг друга. И еще за то, что теперь я никогда уже не почувствую себя бедняком, ведь я — неимуший и одинокий — смог дать тем, кто так щедро одарен.

Мы с Герой переглянулись, наши руки потянулись друг к другу, пальцы сами собой переплелись — наши почерневшие от обгорелой чешуи пальцы.

Что я вам недавно говорил о числе «четыре»? Была прекраснорукая Гера; был я, Зевс; была любовь. Требовался еще этот рыбак, четвертый элемент, чтобы любовь стала для нас реальностью и чтобы пришли в движение силы жизни.

Вы, счастливые пары, путешествующие по Греции, никогда не забывайте, что мы, боги, не всегда выдуваем себе обличье. Часто, чтобы в нужный момент был совершен нужный поступок, мы проникаем в вас без вашего ведома. И тогда на каком-нибудь пляже, подобном сотням других, или же в разбросанной белой деревушке, или за столом, накрытом у обочины пыльной дороги самым непритязательным угощением, или просто перед кипарисами, чьи заостренные верхушки вонзаются в небосвод, вы вдруг почувствуете, что вас наполняет невыразимая, неизъяснимая радость, которая одновременно и в вас, и вокруг вас; которая и пламень, и покой. Время становится легким; все для вас наполняется счастьем, и вам хочется, чтобы это состояние длилось вечно.

Это блаженство вызвано нашим присутствием. Сами вы не можете заметить окутавшую вас ауру, но внимательные взгляды ее узнают. Так что детская, взрослая или старческая рука, протягивающая вам розу или тяжелую гроздь темно-лилового винограда, обращена к прохожим богам, богам, которыми вы в этот миг являетесь.

От вас ожидают вовсе не денег, но взгляда, который коснется крыши, щеки ребенка, свиньи, хрюкающей у своего корыта; ибо присутствие счастья — всегда благословение.

Рыбаку, который потчевал нас, я сделал величайший дар, которым смог его наделить. Это не внезапное богатство, не почести, не высокие чины, даже не имя в легенде. Чтобы обессмертить нашу встречу, я сделал его Счастливым рыбаком, который живет в гармонии со стихиями, радуется свету, песку, колыханию вечно-го моря, радуется тому, что отлично исполнил свой рыбацкий труд. Я одарил его тем добрым здоровьем тела и души, которое позволяет человеку, каким бы ни было его место в царстве земном, чувствовать себя царем; я хотел, чтобы ему до окончания дней доставляло радость быть — не Кем-то или Чем-то, но просто Быть,— а потом угаснуть и телом, и духом одновременно, без чрезмерного страха, как угли костра, затухающего и умирающего на песчаном берегу.

Хочу сказать, что Счастливый рыбак, конечно, не движет мир, ваш, человеческий мир; и все же он необходим для движения, поскольку он не двигатель, но равновесие. Он по-прежнему здесь, чтобы открывать любящим их любовь и показывать завоевателям другую сторону истины.

И как раз в ту ночь я преподнес в дар Гере звезды, то есть предложил ей разделить со мной мою небесную державу.

Как такое произошло? Э! Во-первых, потому, что мы полюбили друг друга и сразу же честно друг другу об этом сказали. Это главная и необходимая причина. А еще потому, что друг в друге мы взаимно поддерживали иллюзию, необходимую для важных любовных решений: будто все наши предстоящие дни будут похожими на тот, который мы только что пережили.

Остальное не более чем побочные обстоятельства.

Не верьте рассказням, будто мне не удалось взять Геру силой и она уступила мне лишь в обмен на обещание сделать ее владычицей Вселенной. Те, кто сочинил подобную басню, наверняка хотели добыть оправдание для своих собственных слабостей.

В любви случается, что нам отказывают в том, чего мы просим; но нас никогда не обязывают давать то, что мы желаем подарить сами. И я не выбрал бы супругой богиню, которая предложила бы мне столь грубую сделку.

Конечно, какое-то время мы исполняли естественный балет, где обе взаимно притягивающиеся силы, прежде чем раствориться друг в друге, восхищаются

друг другом, чтобы придать больше достоинства и блеска самому растворению.

Расставшись с рыбаком, мы прилегли в сосновой роще, где бил теплый ключ. Гера пожелала в нем искупаться. Не означало ли это, что она хотела очистить себя перед любовью и в то же время явить себя целиком моему взору? Между водой и женским началом существует явное сообщничество, как между мужским началом и огнем.

Опустившись на колени, Гера поднесла ладони к самому истоку, позволяя текучему хрусталу воды струиться по ее лилейным рукам. Я залюбовался ее дивными формами, сулившими и наслаждение, и крепких детей. И вдруг мне захотелось понаблюдать за ней тайно, чтобы она этого не знала. Я исчез.

Сначала Гера искала меня глазами. Потом, дрожа, отошла от источника, и ее обеспокоенный взгляд обратился к небу. То был час, когда свет уже начинал угасать; колесо солнечной колесницы опускалось за горизонт, на небесах только что появилась Афродита, украшенная холодными камнями, которые я подарил ей предыдущей ночью.

Афродита! Вот оно, обстоятельство. Если бы не Гера, я, быть может, опять отправился бы к вздорной богине ради еще одной изнурительной бессонной ночи. Но если бы не Афродита, смог бы я воздать должное надежным достоинствам Геры?

Она же, не видя моего возвращения, встревожилась и обратилась к соснам. Сосна — говорящее дерево. При малейшем дуновении ветерка иглы начинают трепетать, перешептываться, словно тысяча языков. Надо лишь уметь слушать сосны.

— Где Зевс? — спросила Гера. — Куда он делся?
Но сосны стали моими сообщницами.

— Мы не знаем, мы не видели,— лепетали они.— Жди его, растрогай его своим терпением.

Тогда Гера в задумчивости села на ковер сухой хвои, зная, что ее судьба богини решается в этот час.

Но тут перед ней опустилась, встопорчив серые перышки, зябкая весенняя птица: несчастная, дрожащая от холода кукушка. Она неуклюже подскакивала на желтых лапках и издавала свой монотонный призыв.

Гера улыбнулась.

— Совсем замерзла, бедняжка! Из какого гнезда ты выпала, несчастная птичка? — произнесла она, растрогавшись.

Гера взяла кукушку, не проявившую никакого испуга, и прижала ее к своей груди, чтобы согреть. Едва почувствовав себя в таком хорошем месте, я снова принял свой наиболее мужественный божественный вид. Но Гера, сжав ладони, удержала мое желание в плену — там, где оно и находилось.

— Так ты полагаешь, братец-насмешник, что я тебя не узнала? — воскликнула она. — Превращение разыграно было неплохо, но слишком уж ты дрожал от холода для этого времени года. И почему, кстати, ты принял обличье самой неверной птицы во всем мироздании? Неужели ты считаешь, что я настолько невежественна и не знаю, кто такая кукушка? Ведь самец кукушки проявляет упорство лишь для того, чтобы завлечь самку; но стоит им спариться, как он ее бросает, не оставляя ей другого выхода, кроме как подбросить в чужие гнезда маленьких сироток, которым уготовано стать такими же бессердечными, как и их отец.

— Гера, Гера, речистая моя сестричка,— ответил я,— если я и нацепил на себя этот наряд, то только чтобы показать: ветреная птица сама хочет попасться в ловушку.

Гера вновь стала серьезной.

— Зевс, Зевс, я знаю, что с того мгновения, как стану твоей, я уже никогда не смогу обойтись без тебя.

Никто во Вселенной из принадлежащих к мужскому роду не остается безразличным к таким заявлениям. Ах! Как же Гера была не похожа на Афродиту, утверждавшую, что это я никогда не смогу обойтись без нее!

— Я знаю,— продолжала Гера,— что другие богини захотят тебя обольстить и им это удастся. С этим я смиряюсь, какие бы страдания мне это ни принесло. Ты владыка дня и света, так что твоего блеска будут домогаться со всех сторон. Но прошу тебя, уделяй другим лишь дневные часы и оставь мне ночи.

— Если ты щедро заполнишь мои ночи, прекрасная Гера, зачем мне искать днем других наслаждений или другой любви?

Да, все это говорят, говорят... до. Так и должно быть.

— Но знай также,— сказал я,— что для тебя у меня не осталось ни одной части мира, я все раздал. Мои братья получили море, металлы и мертвых. У Памяти воспоминания, у Афины разум. Искусства отданы Музам, а драгоценные камни я оставил в руках Афродиты...

— Я не прошу у тебя ничего,— возразила Гера,— только останься со мной навсегда.

Ишь! Мне всерьез надо было решить, чего я хочу. «Обзаведись подругой»,— советовал мудрый Океан. Настал момент выбора между обязательством и вечным поиском, между цепью и пустыней.

И я радостно надел на себя цепь, повторив:

— Навсегда.

Такие обязательства, сыны мои, надо брать на себя только в радости, в уверенности и в радости. Слишком уж рано приходит сожаление! И если оно коснулось

вас в тот самый миг, когда вы связали себя, то лучше предпочтите пустыню. Она предлагает гораздо больше возможностей, чем думают; там сходятся тропы и встречаются странники, идущие к какому-нибудь труду или единственному завоеванию. Порой можно даже пройти один из отрезков вдвоем, как два одиночества-близнеца.

Но это не то состояние, что годится царям, да и никому другому, кто должен управлять каким-либо сообществом. Остерегайтесь одиноких правителей; именно из них выходят тираны.

Итак, Гере предстояло стать моей супругой. У нее не было ничего, кроме себя самой, стало быть, ей предстояло получить все. Царствуя над сном бога Дня, она становилась владычицей Ночи на вечные времена.

Божественная свадьба. Четыре определения судьбы

Никогда прежде первые объятия божественной четы не были случаем для особого празднества.

Еще затемно я призвал Ириду; стремительная вестница умчалась с моим посланием, и с наступлением дня ее пути в небе оплели землю, подобно радужной сетке.

Ирида сказала богам: «Зевс приглашает вас на свою свадьбу. Было собрание власти, было собрание голода; сегодня будет собрание счастья».

С помощью легких ветров я разогнал облака над Олимпом, чтобы люди внизу могли смотреть на нас, и повелел, чтобы рядом с моим престолом был воздвигнут еще один.

Божества длинными вереницами прибывали со всех сторон света. Сбегались, танцуя и подпрыгивая, сатиры, дриады и наяды, покинувшие свои леса, реки и озера. Чинно выступая, шли Океан и прекрасная Тефида, спокойные, улыбающиеся; каждый миг к ним присоединялось их бесчисленное потомство. Также выйдя из моря, приближались Нерей и прелестная Дорида, за ними — семьдесят шесть nereид; а семьдесят седьмая, Амфитрита, шла об руку с Посейдоном, у которого была собственная многочисленная свита морских гениев. Даже мой брат Аид согласился подняться из царства Преисподней, и Персефона, которая

как раз начала свой земной год, служила поводырем слепому супругу. Наша мать Рея тоже, конечно, явилась; но почему даже по такому случаю она упрямо не захотела расстаться со своим траурным убором?

Когда боги заполнили просторный амфитеатр гор и солнечная колесница поднялась в весеннее небо, мы с Герой вышли вперед, и музы слили воедино свои голоса, образовав сладчайший хор.

Облаченная в белое Гера держала в одной руке свадебный розовый гранат, а в другой — скипетр из слоновой кости, увенчанный кукушкой, давая понять, что приручила эту ветреную птицу. Неизменный павлин Геры шел с ней рядом, горделиво распуская хвост.

Гера, до этого весьма сдержанная, если не скромная, держалась столь надменно, а ее глаза блистали таким торжеством, что у меня зародились некоторые опасения по поводу будущего. Но в конце концов, от меня самого зависело, останусь ли я господином. Я надел свой золотой венец и зажал в руке пучок молний; на моем плече сидел царственный орел. Кое-кто из насмешников утверждал, что мы выступали будто посреди птичьего двора. Но я вас заверяю: мы были прекрасны.

Времена года и грации составляли нам кортеж; нимфы устлали нам путь свежими цветами; геспериды, явившиеся из своего далекого сада, преподнесли новобрачной полную корзину золотых яблок.

Как видите, мои дочери не проявляли к Гере никакой враждебности и, ничуть не раздражаясь из-за нового статуса своей тетки, делили с ней ее радости. Это было доказательством ума Геры, которая смогла снизить расположение моих детей, рожденных от прежних любовниц. Хорошая супруга так и поступает, принимая своего избранника целиком, вместе с его прошлым.

Собравшиеся боги на миг выразили удивление, поняв, что у них появилась царица — ведь речь шла именно об этом. Гера, еще вчера не располагавшая никакой особой властью, вдруг оказалась на первом месте. Она была так прекрасна, так величава, так естественно царственна! Ее счастье было столь лучезарным, что в восторге, сменившем удивление, все боги как один вскочили и приветствовали новобрачную ликующими криками. Ну что ж! Я сделал удачный выбор.

Держа копье и Эгиду, я велел Афине встать на свое обычное место по другую сторону моего престола, чтобы показать: я намерен сохранить разум. Тут ко мне приблизилась Фемида и спросила:

— Правда ли, что ты обещал Гере всегда быть ее супругом?

— Да,— ответил я. И добавил: — Закон препятствует этому?

— В этом деле закон — твое обязательство.

Потом Фемида обратилась к Гере:

— Обещала ли ты Зевсу всегда быть ему супругой?

— Да,— кивнула головой Гера.

— Тогда,— заключила Фемида,— боги свидетели, вы соединены браком.

Будучи моей второй любовью, она не проявила ни одобрения, ни хулы, ни сожаления. Фемида лишь бесстрастно удостоверяла.

Но Метиды, Деметры и Мнемосины владели собой не так хорошо.

«Я была слишком осторожна»,— упрекала себя первая.

«Я слишком проста и непосредственна»,— думала вторая.

«Я слишком стара для него»,— говорила себе моя кроткая тетушка Память.

Многие взгляды, которыми обменивались и другие богини, выдавали сожаление, зависть или досаду.

Это взаимное обязательство, будучи публичным, приобретало законную силу, и отныне любая богиня, которая попыталась бы добиться моей любви, похитила бы что-то у Геры и, даже преуспев, оказалась бы, пусть и неявно, в низшем положении, как и всякий похититель по отношению к обладателю. В том и состоял триумф Геры.

Пускай те из вас, сыны мои, кому институт брака не всегда благоприятствовал, соблаговолят простить меня: это мы его изобрели.

Афродита, с ног до головы осыпанная звездами, улыбалась всем по кругу, желая доказать, что никто не может отнять у нее превосходство красоты, но все догадывались, что она уязвлена в самое сердце.

Откуда донеслось это рыдание, из каких далеких долин памяти достигло на миг моего слуха? Я наклонился. Ах, это бедняжка Эвринома с ее рыбьими плавниками смотрела на Олимп и видела, как осуществялись ее напрасные мечты — но не с ней.

А этот легкий силуэт, что обрисовался на фоне гор и проскользнул меж рядами богов, держа в руках кривой рог, из которого сыпались тысячи плодов? Амалфея, дорогая малышка, вечная девушка-подросток, ты тоже была здесь.

На земле потомки царя Мелиссея и царя Келея и многие другие государи, взявшие с них пример, принесли в нашу честь обильные и пышные жертвы. Скольких тучных тельцов с рогами, увитыми листвою, скольких густорунных овнов заклали на очищенных камнях алтарей; сколько вертелов закрутилось, и благоухание, облегченное тимьяном, лавром и розмарином, порадовало наши ноздри и наполнило предвкушением! А золотистые цыплята и нежные голуби, а

горячие лепешки из тонко смолотой пшеницы, а сыры с острым запахом — и хранившиеся всю зиму, и свежеприготовленные, еще совсем молочные, которые смешивают с медом! Ах! Дети мои, какое изобилие и какая вкуснятина!

В этом смешении запахов я без труда узнал аромат рыбы, которую нам посвятил Счастливый рыбак, приготовив ее с укропом на костре, один на кромке своего взморья; его подношение среди множества прочих доставило мне ничуть не меньшее удовольствие.

Но шум пиров, устроенных внизу, стал почти заглушать звуки нашего, поскольку пьянящий мед, достигая нас, лился рекой в первые глиняные кубки и его летучие силы кружили головы и людям, и богам.

Я смотрел на свою прекрасную Геру и думал о детях, которые у нас будут. Смотрел со своего престола на большое олимпийское застолье и на неисчислимые людские празднества, до бесконечности отражавшие пир богов. Я видел сатиров, улыбающихся нимфам вод; видел смертных девушек, ищущих взгляды своих будущих спутников и мечтающих о свадьбе, подобной нашей. Сколько поцелуев этим вечером будет укрыто кустами и сколько ручьев услышат обмен клятвами!

Я был счастлив, ведь мое счастье, смертные, питается вашими мечтами.

— Гера,— сказал я, склонившись к супруге,— у нас будут сыновья. Я бы хотел, чтобы наш первенец был крепким, изобретательным и работающим и чтобы он помогал мне в огненных делах, выковывая людям многочисленные дары, которые я замыслил сделать.

Это во мне прояснялся образ Гефеста, божественного труженика, бога работы.

Но Гера тоже мечтала, и тоже о сыне — красивом, властном завоевателе, чьи победы переполняют ее гордостью. Может, она слишком погорчилась со своей

мечтой, которой предстояло воплотиться в Аресе, боге сражений?

— Еще я хочу, — продолжал я, — чтобы мы породили, в память об этом дне, дочку, которая станет распорядительницей будущих празднеств и будет разливать божественное питье тем, кто расположен к любви. Я желаю, чтобы она оставалась вечной девушкой и навсегда запечатлела тебя такой, какая ты сейчас. Мы назовем ее Гебой.

— Ты думаешь о богах и о мужчинах, — отозвалась Гера, — а я хочу подумать о богинях и женщинах. Я уже давно слышу, как они стонут от родовых мук. Наш союз станет для них вечным благодеянием, если мы произведем на свет богиню, покровительницу рожениц, которая облегчит боль и поможет счастливому разрешению от бремени. Илифия — вот как мы ее назовем. Благодаря этой богине и смертным, и бессмертным продолжение рода будет обеспечено более надежно...

Рождение, Праздник, Труд и Война; не в этих ли четырех словах заключался весь удел моего ближайшего потомства — ваш удел, дети мои, вечно кружащийся вокруг этих четырех столпов?

Я представлял себе бесконечную вереницу ваших поколений. Да, я был счастлив, как может быть счастлив царь.

Спускался вечер. Я поискал глазами тройной взгляд Гекаты и увидел, что она одобряет мой выбор.

На вашей земле продолжались возлияния, песни и пляски. И боги на Олимпе тоже пели. Мы с Герой, снова в сопровождении кортежа граций, времен года и муз, удалились к широкому золотому ложу, которое было нам приготовлено. И ночь, укрывая нас, развернулась, подобно павлиньему хвосту, сверкая мириадами звезд, владычицей которых отныне стала Гера.

Пауза

Расстанемся же, смертные дети мои, на этих счастливых воспоминаниях. Я заметил, что говорю долго, дольше, чем вы привыкли слушать. Солнечная колесница углубилась в море; настал час, когда надо идти к Гере. Я делаю это на протяжении стольких тысячелетий! Увы, не все ночи свадебные.

Тому из потомков моего рода, кто узнал мой голос, я предоставляю возможность перевести мои слова на ваш язык. Если его рассказ покажется вам неуклюжим, тяжеловесным, порой непонятным или противоречивым, не браните его за это и не вините меня. Ущербный человеческий язык не обладает всеми модуляциями языка богов. Только в самих себе, размышляя или грезя над священными словами, вы, может быть, иногда сумеете уловить аккорд музыки сфер.

В какой-нибудь другой день, в Дельфийской долине с ее пламенеющими скалами или под чуткими соснами Олимпа, среди обломков ваших прекраснейших творений или же на пляже золотого Навплийского залива, я, Зевс, вернувшийся царь богов, бог людей, снова сяду и продолжу, в том же времени, что и ваше, свою историю.

Содержание

Предисловие	7
Обращение к мертвым	13
Первая эпоха. НЕБО И ВРЕМЯ	15
Начала. Предок Хаос. Мечты Геи и появление Урана ..	17
Дети и труды Урана. Число и творение	20
Исчезнувшие виды. Безумная гордыня титанов; их затеи и постигшая их кара	24
Тело Земли. Судьбы. Язык богов	27
Атлантида. Сотворение человека. Золотой век	29
Последние творения Урана. Отбор видов. Домашние животные. Серп. Зодиак	32
Ненависть Геи к Урану. Заговор титанов. Уран изувечен своим сыном Кроном. Дети, рожденные из его раны. Афродита. Уран удаляется на небо	36
Воцарение Крона. Освобожденные титаны. Любовь Земли и Понта. Пагубные божества. Конец золотого века	40
Крон в поисках Числа. Гибель Атлантиды. Первый потоп. Рассеяние атлантов	43
Вторая эпоха. МОЕЙ КОЛЫБЕЛЬЮ БЫЛ КРИТ	47
Крон и его дети. Сущность жизни. Отчаяние Реи. Подлог. Рождение Зевса	49
Крит. Гора Юхтас. Пещера Психро	53
Нимфа Амалфея. Коза. Куреты. Пчелиная нимфа	56
Рог изобилия и радость дарения. Царь Мелиссей; первые жертвоприношения	59

Отрочество. Тревоги и первые желания	62
Смерть козы. Изготовление Эгиды. Уход с Крита	67
Третья эпоха. ЛЮБОВЬ — ШКОЛА ЮНОСТИ	69
Метида-Осторожность. Ее советы. Вручение зелья	71
Крон вынужден извергнуть своих детей. Его бешенство ..	73
Вторая ночь с Метидой. Рождение Афины	75
Состояние человека перед войной богов.	
Наличные силы. Поиск союзников	78
Фемида. Местоположение Дельф. Два камня	82
Времена года и мойры	85
Геспериды	88
Уход из Дельф. Прорицание Геи	91
Источник забвения. Встреча с Памятью	94
Музы, их природа и обязанности	98
Эвринома. Грации	107
Четвертая эпоха. ИСПЫТАНИЕ И ВЛАСТЬ	113
Затворы Тартара. Проход через Преисподнюю.	
Освобождение одноглазых и сторуких	115
Приготовления к битве. Шлем Аида и трезубец	
Посейдона. Ирида-посланница	121
Битва с титанами. Атака кентавров. Предательство	
Ахерона. Опустошения, учиненные циклопами.	
Побежденный Крон. Низвержение титанов в Тартар.	
Помилование гигантов	124
Мир после войны. Собрание богов. Принцип власти.	
Выборы	133
Пятая эпоха. ВЕРНОЕ ДЕЯНИЕ	141
Первые повеления. Назначение Аида и устройство	
Преисподней. Владения Аида Богатого	143
Недовольство Посейдона своим уделом. Нереиды.	
Амфитрита. Любовные увлечения Посейдона, его дети.	
Вторые циклопы. Пегас. Новые гиганты. Орион	147
Первые труды; первые посевы. Просьбы Прометея.	
Посещение Реи	154
Гестия — богиня домашнего очага. Предназначение	
девственниц	159

Деметра. Радости и труды. Сады Сены. Цветочные часы. Филадельфы	161
Кора. Ее юность и похищение. Грубость Аида. Нимфа Кианея	166
Отчаяние Деметры. Домогательства Посейдона. Конь Арейон и бесплодная Госпожа	170
Геката и колдовство	173
Деметра расспрашивает Солнце. Горестный камень. Деметра находит приют у элевсинского царя. Кикеон. Царь былых времен	177
Деметра, дитя и огонь. Мельница Триптолема. Бесплодный год	180
Разговор с Аидом. Возвращение Кору. Гранат и персея	183
Новое собрание богов. Компромисс. Ежегодное путешествие Персефоны и преобразования Деметры ...	187
Задачи, доверенные Триптолему. Судьи Преисподней. Адонис и Персефона. Учреждение мистерий	191
Шестая эпоха. ПУСТЫНЯ ИЛИ ЦЕПЬ	195
Та, Которую Не Называют. Черная тоска. Совет Океана	197
После меланхолии. Ночь с Афродитой. Упоение собой и одиночество	204
День с Герой. Судьба Греции. Планы насчет Олимпа .	215
Четыре основы жизни. Счастливый рыбак	221
Источник под соснами. Кукушка. Обязательство	225
Божественная свадьба. Четыре определения судьбы ..	230
Пауза	236

Литературно-художественное издание

Морис Дрюон

ЗАРЯ БОГОВ

Дневники Зевса

Ответственный редактор *Е. Гуляева*
Художественный редактор *С. Лях*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *С. Шведова*
Корректор *Е. Терскова*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «ЭКСМО»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «ЭКСМО»:
ООО «ТД «ЭКСМО». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «ЭКСМО» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «ЭКСМО»**
E-mail: International@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы
и офиса «Канц-ЭКСМО»: Компания «Канц-ЭКСМО»: 142700, Московская обл., Ленин-
ский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87
(многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru**

Подписано в печать 08.02.2010. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.
Тираж 20 000 экз. Заказ № 4814

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-41357-7

9 785699 413577 >